
ОГОНЁК
№ 14 МАРТ 1952
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СОВЕТСКИЕ ПОДШИПНИКИ

Исполнилось 20 лет со дня пуска Государственного подшипникового завода имени Л. М. Кагановича — первенца подшипниковой промышленности в СССР.

Трудно представить себе современное машиностроение без подшипников. Они являются неотъемлемыми элементами движущихся частей любого механизма: от точных приборов самого малого размера до таких гигантов, как гидротурбины, прокатные станы, блюминги.

В годы сталинских пятилеток подшипниковая промышленность развивалась невиданными темпами. Вслед за московским Первым ГПЗ имени Л. М. Кагановича во многих городах нашей Родины были выстроены и пущены заводы, производящие подшипники. Столичный завод стал колыбелью высокой технической культуры в этой сложной и ответственной отрасли машиностроения, школой высокой организации труда.

В 1950 году Первый ГПЗ завоевал почетное звание предприятия коллективного стахановского труда. На протяжении всего минувшего года завод держал переходящее знамя Совета Министров СССР.

москвичи дают стране подшипники всевозможных размеров и конструкций, диаметром от нескольких миллиметров до 1,3 метра и более.

На снимке: начальник одного из цехов Первого ГПЗ лауреат Сталинской премии Н. М. Волков (справа) и слесарь-сборщик А. И. Манюшин осматривают перед сборкой кольцо крупного подшипника, предназначенного для оборудования металлургической промышленности.

Фото Е. Умнова

На первой странице обложки: будущие учительницы — отличницы Новосибирского государственного педагогического института Зинаида Макарова (слева) и Ольга Смирнова.

Фото М. Савина

На последней странице обложки: В. А. Серов. ВСТРЕЧА.

Всесоюзная художественная выставка 1951 года.

ОГОНЁК № 14 (1295) 30 МАРТА 1952

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

30-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Цимлянская ГЭС готовится к пуску

Ленинградские рабочие, инженеры, ученые и техники с честью выполнили почетный заказ великой стройки коммунизма Волго-Дона: с берегов Невы досрочно прибыли на строительство Цимлянской гидроэлектрической станции эшелоны с деталями турбин и генераторов. Для сборки сложных агрегатов город Ленина направил своих лучших монтажников — С. Петрова, М. Носика, И. Козюра, инженеров — И. Никифорова, В. Зеберга. Они монтировали турбины Днепрогэса, гидростанций Урала, Сибири, Кавказа, работали на севере, а ныне свой опыт принесли на берега Цимлянского моря.

Для ускорения работы монтажники впервые применили в широких масштабах сборку турбин и генераторов вне машинного зала — на специально созданных выносных монтажных площадках. Машинный зал ГЭС еще не был готов, а сборка турбин, генераторов и кранов уже велась полным ходом. Подобный метод совмещенной работы строителей и монтажников принес замечательные результаты.

На нашем снимке запечатлен момент установки лопастей из нержавеющей стали на втулке рабочего колеса первой турбины. Как только был готов машинный зал, это рабочее колесо вкатили на специальной тележке в здание ГЭС, что позволило выиграть много времени.

Могучие потоки Цимлянского моря скоро ударят в стальные лопасти, приведут в движение рабочее колесо турбины, а с ним и генератор. Близок день, когда вступит в строй первый агрегат — Цимлянская ГЭС даст энергию шахтам Донбасса, колхозным селениям, оросительной системе. За первой турбиной заработают вторая, третья... Энергия Дона превратится в энергию электрическую. Вспыхнут огни маяков, заработают насосные станции, придут в действие все 15 шлюзов Волго-Дона.

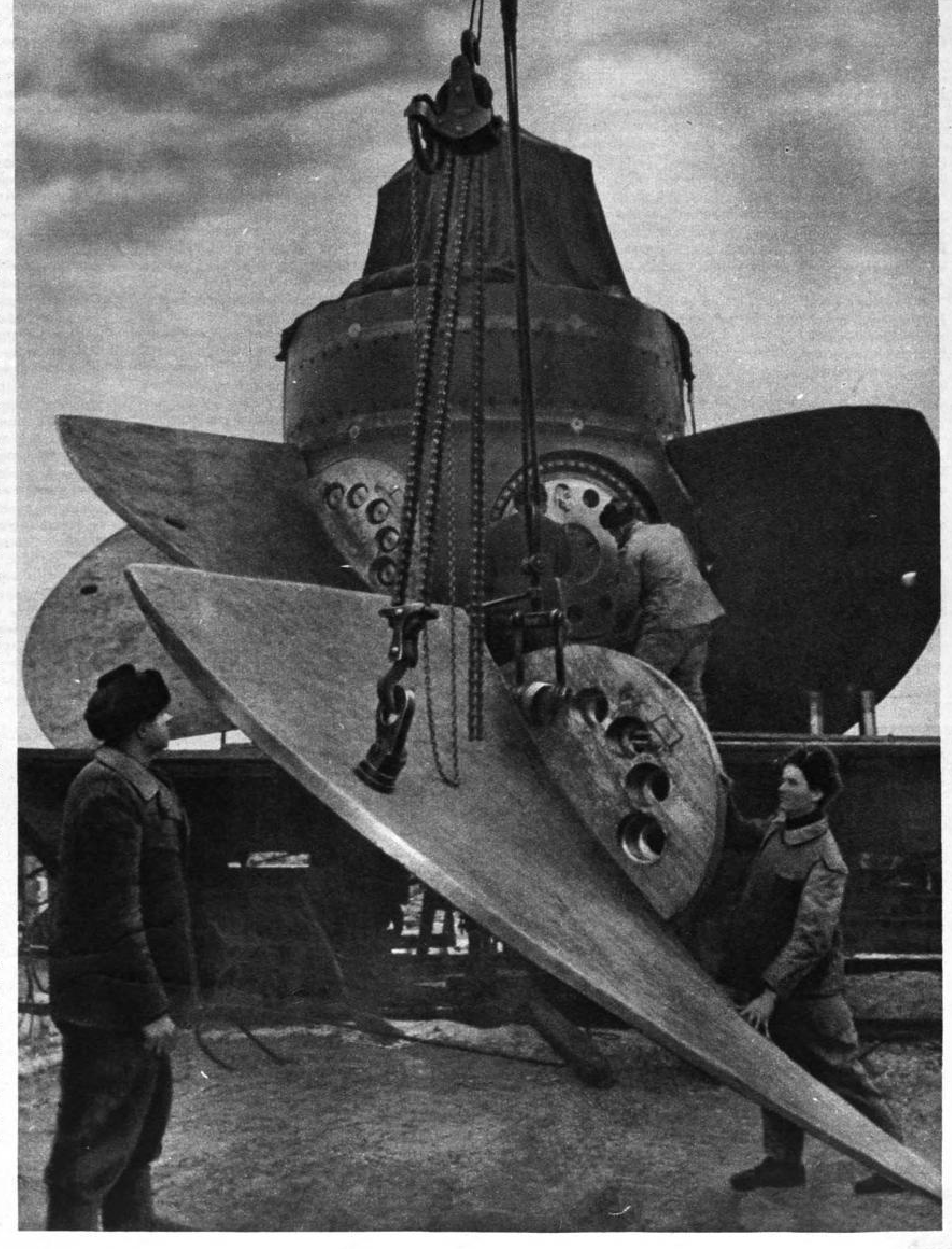

Фото А. Гостева

РОЖДЕНИЕ

Е. РЯБЧИКОВ

Фото А. ГОСТЕВА

Специальные корреспонденты «Огонька»

Изменяются природа и география нашей страны. Строятся каналы и моря. Как же рождается одно из советских морей — Цимлянское? Что происходит на его дне, на его берегах?

...Заполдень из Калача вышли грузовики, сопровождавшие старенькую «эмочку», и остановились на берегу Дона. Остановились потому, что посредине льда плескались волны. Зеленоватая вода разлилась по льду, скрыла сугробы и накатанную автомобильную дорогу.

Шоферы вышли из машин, столпились на берегу.

— Не проедешь... Море идет...— нахмурился весельчак Георгий Веденеев.— Придется назад трогаться...

— Вчера воды не было, сам видел. А сегодня что-то случилось...— Иван Семушкин, отличающийся редкой деловитостью, сбросил с плеч полушубок и направился к реке.— Нужно промерить,— сказал он.— Может, не так глубоко, проскочим.

«Командор» импровизированного автопробега по дну Цимлянского моря, инженер, лауреат Сталинской премии Павел Васильевич Шелухин, выехавший на осмотр дна будущего моря, подтянул голенища сапог и пошел в воду.

— Лед крепкий. Должен выдержать,— говорил он.— Породили мы это море, и не нам его бояться.

Около катеров и лодок, вытащенных с осени на низкий берег под Калачом, виднелись фигуры людей; это были гидрологи, измерявшие глубины и скорости течения Дона. Пока шоферы с Павлом Васильевичем определяли, где лучше ехать, мы пошли к гидрологам.

Дул резкий ветер, суливший к вечеру буран. Гидрологи стояли около проруби, повернувшись спиной к поземке, и рассматривали деления на деревянной рейке. Один из наблюдателей опустил в прорубь вертушку, и в зеленоватой воде завертелся ее пропеллер. Время от времени слышались звонки.

Алексей Степанович Семиколенов, человек с очень добрым лицом, обожженным степными ветрами и морозом, проверял наблюдения водомерного пункта. Гидролог сказал, что Цимлянское море скоро даст о себе знать даже под Калачом — за двести с лишним километров от Цимлянской плотины.

— Дон как бы пошел теперь вспять,— заметил Алексей Степанович.— Море «наливается», чаша его постепенно наполняется водой... Вот мы и определяем «пульс» моря, изучаем, как происходит заполнение, сколько воды уже накопилось в ложе водохранилища, сколько выпало снега в бассейне реки. Снег,— оживился Семиколенов,— это вода, будущее море. Установлено, что по всему бассейну Дона снег даст более десяти миллиардов кубических метров воды.

Разговор прервался. Шелухин перешел на другую сторону Дона и звал шоферов. Распрощавшись с гидрологами, мы направились к «эмке», и вскоре машины, вздымая фонтаны брызг, помчались по льду, залитому водой.

Солнце клонилось уже к закату. От лесистых круч ложились на реку фиолетовые длинные тени. На противоположном плоском берегу, с которого мы только что перебрались, виднелись корпуса заводов и мастерских Калача. Над рекой стоял неумолчный дробный стук вибромолотов, работавших на строительстве порта. Доносились густые звуки взрывов: на трассе судового хода подрывали холмы и курганы.

Мелькали кусты и вязы, сугробы и черные тропки, и вдруг сразу, почти одновременно, мы увидели казачьи курени хутора Кумовского. Вскоре показалось — на низком ровном левом берегу — устье судоходного канала. Широким раструбом выходил гигантский канал к Дону. Стрелы шагающих экскаваторов, мачты высоковольтных электрических передач, телеграфные столбы, корпуса земснарядов проплывали стороной в сиреневой дымке холодного вечера На канале уже вспыхивали первые огни. Дрожа и переливаясь, заливали они золотистым светом ледяную гладь канала, его каменные берега и едва видимый отсюда тринадцатый шлюз — первый со стороны Дона.

— «Славное море, священный Байкал...» — запел Шелухин и тотчас оборвал песню.— Шутка ли сказать: море делаем! — повернувшись к нам, сказал инженер.— За год наша контора гидромеханизации скоростным методом намыла под Цимлой земляную плотину. Это тридцать миллионов кубометров донского песка, тридцать миллионов без малого... Бетонщики возвели бетонную водосливную плотину, и вот плотины «заперли» Дон, заставили его «наливать» море.

Много мощных земснарядов — целый флот работал,—продолжал Шелухин.—Недавно проводили мы в Жигули, на другую стройку, Виктора Михайлова, Виктора Хлюста проводили. Замечательными гидромеханизаторами они стали. Дали им на строительстве Куйбышевгидростроя самые мощные земснаряды. У наших людей вкус теперь появился к большим объемам работ. Им простор давай, да такой простор, чтобы можно было намывать миллионы кубометров грунта. И вот что интересно: сейчас я получаю много заявлений от наших гидромеханизаторов, просятся на другие стройки. В Калаче пришел ко мне известный багермейстер Сергей Бондарь. Комсомолец, стахановец. Говорит: «Павел Васильевич, отпустите на Туркменский канал. Я всю литературу о Туркмении изучил, проект канала изучаю, переписку веду с работниками Тахиа-Таша». Я ему отвечаю: «Товарищ Бондарь, нам нужно еще «пазухи» на Цимлянской плотине намывать, нужно судовой ход на Карповском водохранилище очищать, нам большая еще работа предстоит по спрямлению нижнего течения Дона. А это знаете, что такое? — Шелухин выписал в воздухе папиросой сложный зигзаг.— Дон — капризная река, все петляет, кружит; когда плывешь на пароходе, видишь: вот пароход пришел почти к тому месту, мимо которого плыли час назад. Поэтому и нужно спрямить Дон, проложить новое, прямое русло, сделать путь короче. Все это я и рассказал Сергею Бондарю, а он мне отвечает: «Масштабы теперь для меня малы, а я простора хочу, хочу работать, где есть широкий фронт. Мы,— говорит Бондарь,— на Волго-Доне к большим масштабам, к миллионам приучены».

...Проехали хутор Пятиизбянку. Когда-то его курени жались к Дону, стояли на самом берегу. Теперь хутор забрался на крутояр, поселился на новом месте.

— От моря подальше уходят,— с улыбкой сказал Семушкин, прицеливаясь, как бы с хода взять подъем по заметенной снегом дороге

За Пятиизбянкой к автопробегу присоеди-

МОРЯ

нился старенький грузовичок. Заметили мы его на дороге — машина зарылась в сугробы и никак не могла из них выбраться. Горючее кончилось, и шофер был в отчаянии. Ему помогли вытащить грузовичок, дали горючее и предложили ехать следом. Водитель поблагодарил и рассказал, что едет он из Сталинграда с экспедитором в Нижне-Чирскую; должен успеть к полудню — до взрыва здания Книготорга.

— Взрыва? Здания Книготорга?..

— Нижне-Чирская переселяется на новое место, старые здания теперь взрывают, а потом разбирают на камень,— пояснил шофер, удивленный нашим незнанием простых вещей.— Послали нас перевозить книги со старой базы на новую. Новую базу сделали хорошую. Ждут нас, а мы вот застряли...

Наступала ночь, черная, глухая, без звезд, с налетевшим злым бураном. Сквозь космы снега светилось электрическое зарево — огни на канале.

Снег валил неудержимо. Грузовики буксовали, зарывались в сугробы, и нужно было то подталкивать их, то прокапывать в снегах траншеи и пропускать по ним нашу колонну.

Обессиленные шоферы остановили машины: нужен был отдых. Выл и свистел за кабинами буран. Белесая мгла заволокла небо и землю. И вдруг в этой беснующейся ночной мгле где-то впереди мелькнул крохотный вздрагивающий огонек. Шелухин пошутил:

— Волк, наверно, пробирается...

Огонек приблизился: шел по сугробам линейный монтер. Старик в бараньем полушубке и меховой шапке открыл кабину, осветил нас ручным фонарем и попросил свернуть для него папиросу: у него пальцы замерзли.

— В Нижне-Чирской кончают завтра с переселением,— сообщил словоохотливый монтер.— Отовсюду звонят, а линия оборвана. Вот и приказали мне: иди, исправляй. Море-то не ждет, требует.

— Кто-то еще едет,— шофер открыл дверцу кабины и посмотрел во тьму.

Засветились фары медленно идущего по снегу автомобиля. Колонну догонял «газик»-вездеход с брезентовым верхом. Из Сталинграда ехали представители областного земельного управления, ехали в Нижне-Чирскую помогать райзо перевозить архивы и материалы. И мы опять услышали: «море наступает», «море идет», «завтра будут взрывать здание райзо, нужно успеть помочь товарищам с переселением».

Вскоре к пробегу присоединилось еще несколько грузовиков; они набрели на наши следы и поспешили догнать колонну. Это были машины из ближних и дальних станиц и хуторов: колхозы и совхозы правобережья послали свои автомобили на «дно моря» вывозить лес. В кузовах грузовиков лежали топоры, пилы, цепи и тросы.

Степенный шофер рассказывал:

— На собрании узнали наши, что море пошло вперед, а лес еще не вывезли, и постановили: послать от колхоза машину. Будем помогать лес возить.

Теперь, когда собралось много грузовиков, ехать было веселее и проще. Не страшны были заносы и визгливый ледяной буран.

...Нижне-Чирская с утра была в необычном движении: ревели тракторы, перевозившие по улицам дома; мычали коровы и блеяли овцы, переходившие на новое местожительство; гудели машины, увозившие из затопляемой части станицы доски, книги, фураж, стекло, домашнюю утварь и переселяющиеся семьи.

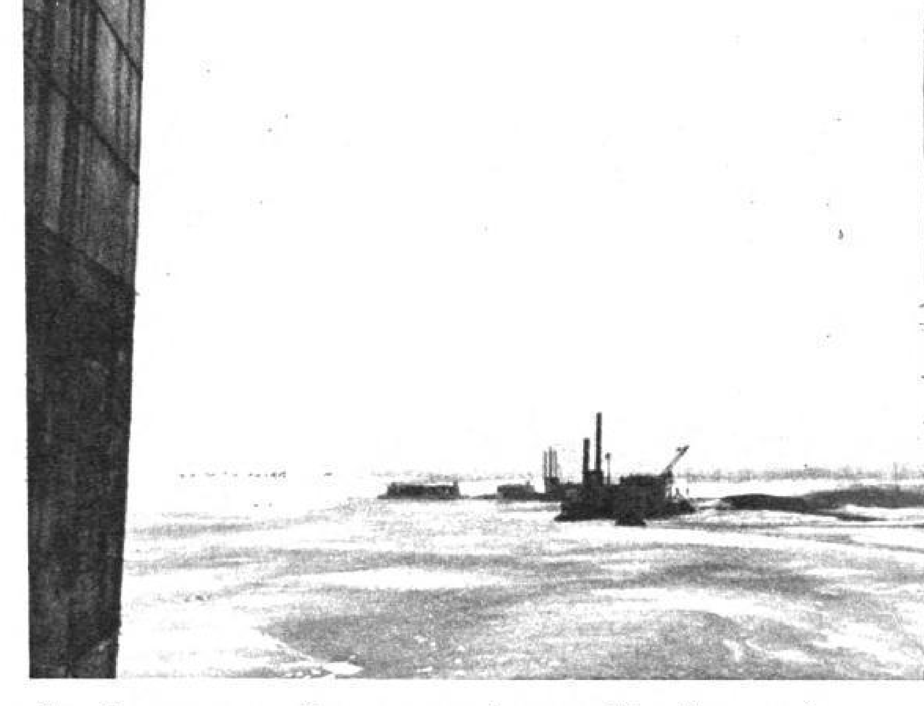
На взгорье разместились новенькие казачьи курени, обнесенные плетнями, из-за которых поглядывали журавли над колодцами и тесовые шатры хозяйственных построек. На центральной улице колонну остановил человек с красным флажком в руке. «Сейчас будет взрыв, ехать нельзя»,— сказал он и повернул машины в переулок. Не проехали и двух кварталов — снова показался человек с красным флажком: «Взрывать будем дом, поверните направо. Там чайная».

Чайная, разместившаяся в большом деревянном доме с верандой на втором этаже, тоже доживала последние часы. Буфетчица сообщила: «Скоро погасят плиту в кухне, начнем перебираться». Но в большом зале еще было шумно, как на вокзале. За столами сидели лесорубы и трактористы, геологи и гидрологи, каменщики и шоферы. Среди шумной и пестрой толпы заметили мы знакомого инженера В. Д. Цыплакова: с обветренным усталым лицом, осунувшийся от бессонных ночей, он сидел за столом и с наслаждением пил чай.

Цыплаков совершал инспекционную поездку по «дну моря» — проверял, весь ли вырублен лес, не остались ли где-нибудь хаты, мосты, пчельники. Он расспрашивал нас о дороге, новостях в Калаче, наконец, заговорил о своих делах.

— Чтобы подготовить для заполнения водой все дно Цимлянского моря, нужно вырубить миллион кубических метров леса,— сообщил инженер.— Миллион! Как известно, длина моря будет более трехсот километров. Все его дно должно быть чистым, чтобы ничто не мешало судоходству: по морю пойдут глубокосидящие суда. На повал леса и вывозку его брошена большая техника. Подготовка ложа Цимлянского водохранилища потребовала большой работы. Представьте себе: на «дне моря» жило семьдесят тысяч человек; их нужно было переселить на новые места. За десятки километров от старых мест переехало более пятнадцати тысяч колхозных дворов, убрано тридцать пять километров железных дорог, снято почти семьдесят различных мостов.

День светлел, буран пронесся, и стало теп-

Идет большая вода... Море заливает бетонные быки Цимлянской плотины.

С Цимлянской бетонной плотины открылась панорама разливающегося нового моря.

Машины «автопробега» остановились около чайной.

ло. Когда выехали из Нижне-Чирской, проселок уже отсырел и колеса вязли в мокром снегу. Уступая место встречным грузовикам, с трудом проехали мы по «дну моря» к делянкам. Леса уже не было. Там, где недавно шумели на ветру осокори и шептал краснотал, остались только пни, еще не выдранные тракторами.

Вот и лагерь лесорубов. Палатки, костры, коновязи и бочки с горючим для тракторов. Вошли в землянку. В полутьме радист передавал сводки о выполнении плана вывозки леса. Входили люди в полушубках и ватниках. За стенами слышался гул моторов и храп коней.

После рабочего дня около жарких костров собрались лесорубы. Девушки запели песни, гармонист растянул меха гармошки, и начались танцы. Взрослые и старики сидели около огня, покуривая, и вели на «дне моря» неторопливый разговор о море, о том, какая пойдет по нему волна и будут ли страшны для судоходства мелкие пни и обомшелые холмики.

Только отъехали от лесорубов, как увидели на голом берегу, где повален был лес, костер среди краснотала и новенькую брезентовую палатку. Из нее вышел бородатый дед в полушубке с двустволкой, опущенной дулами вниз. От костра поднялся другой старик. Перед нами были... «дедушки Мазаи» наших дней.

Хищные звери — волк и лиса,— почуяв наступление моря, покинули свои логова, ушли на крутой правый берег или далеко в задонские степи. А вот зайцы, по глупости, остались на донском приволье. На них надвигалась беда.

— Нам велено, как придет сюда море,— рассказывал старый охотник,— садиться в лодки и плыть к островам — спасать зайцев. Тут мы промеж себя сосчитали: может, больше тысячи зайцев спасем. Я себе так рисую: подъедем мы на челне к острову, а там на пеньках да на бережку зайцы будут сидеть и горевать. Хвать их за уши, за ноги — да в лодку. Отвезем к берегу, «ату!» крикнем, и поскачут зайцы, куда глаза глядят.

Мы распрощались с «мазаевской бригадой», но вскоре за длинным заснеженным мысом снова увидали палатки: здесь расположились ихтиологи. Они заняты изучением морского дна и решают вопросы, как разводить рыбу в Цимлянском море, куда нужно будет выгружать доставленных на самолетах мальков, где сохранять и где специально выращивать камыши и осоку, чтобы в тихих заводях могла нереститься рыба.

Ихтиологи нас предупредили: дальше по «дну моря» ехать нельзя. Дон вышел из русла, на реке разбит лед, вода заливает пойму. Нужно было взбираться на крутояр и держать путь поодаль от коварной воды.

Шоферы вывели машины на гору и направили их по целине через сугробы, без всяких дорог, сшибая на ходу колесами колючки и промерзшую лебеду. К тому времени подморозило, снег окреп, наст сковал сугробы, и ехать было уже не так страшно. Павел Васильевич Шелухин поглядывал по сторонам с видом завзятого охотника. Вдруг он достал из-за сиденья двустволку, снял с нее серый чехол и открыл окно кабины.

— Стой! — закричал он шоферу.— Стой, не видишь: лиса бежит!

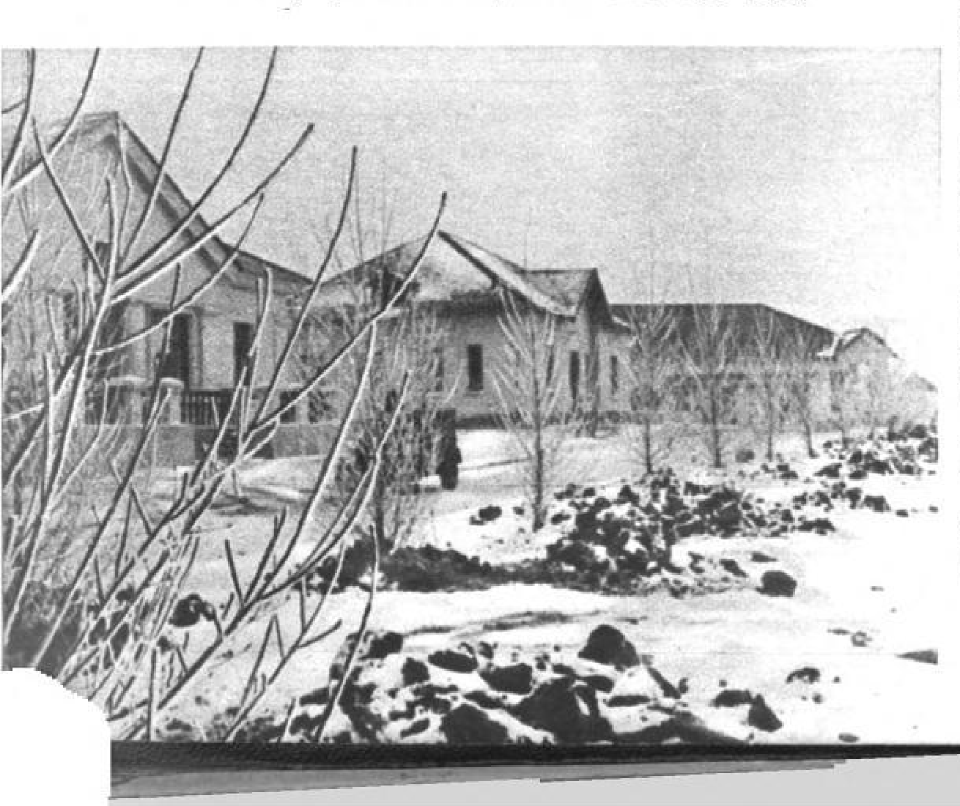
Машины остановились. Глухо шумели моторы. Шоферы выскочили из кабин и смотрели на лисицу. Плутовка застыла на пригорке и словно издевалась над нами: повернув острую морду, глядела на людей и машины.

— Ушла...— огорчался Шелухин.— Я говорил: стой, стой! Лиса-то какая!..

Грузовики тронулись с места; Шелухин сердился, корил водителей. И вдруг перед радиатором показались куропатки. Шелухин высунул из кабины ружье и выстрелил. Высыпали шоферы. Водитель Юра Татищев принес первую добычу. Павел Васильевич осмотрел птицу, нашел ее вполне достойной внимания и приказал ехать дальше. Но шоферы опять затормозили: стая куропаток сидела на сугробах. Снова выстрел, и Юра Татищев опять принес дичь.

Наступила ночь в открытой степи. Застала она нас вне дорог и селений. Крепчал мороз. К счастью, не было бурана. Остановили машины, развели костры, стали потрошить и жарить куропаток. Шелухин пел песни, их подхватывали остальные, и получался разноголосый хор. Потом начались рассказы. Рассказы шоферов мало чем уступают рассказам охотников, поэтому было весело и ночь проходила незаметно.

Станица Цимлянская переселилась на берег моря.

Георгий Веденеев, водитель грузовика, подсел к Шелухину и уговаривал отпустить его на строительство Туркменского канала.

— Тут мы кончаем работы и всякими подчистками занимаемся,— горячился Веденеев,— а там дело новое, большое!

— Приедем в Цимлу, тогда все и решим,— сказал Шелухин.

Павел Васильевич был одним из первых строителей Волго-Дона: при нем вели под Цимлой геологические исследования, намечали места, где возникнут плотина, шлюзы, здание ГЭС.

— Назначили меня по предложению замечательного гидромеханизатора, лауреата Сталинской премии Бориса Марковича Шкундина начальником конторы гидромеханизации Волго-Дона,— рассказывал Шелухин.— Гидромеханизация, скажу вам,— самая передовая, самая новейшая техника. Ей принадлежит будущее. Земснаряды могут прокапывать каналы, возводить плотины и дамбы, добывать уголь и торф, разгружать вагоны и баржи. Сейчас мы еще не в силах точно представить, каких успехов достигнет гидромеханизация в ближайшие годы. Возьмите Цимлянскую земляную плотину. Если бы ее возводили так называемым сухим способом, то есть строили бы ее шагающие экскаваторы, скреперы, бульдозеры, то пришлось бы выставить на линию тысячи машин, тысячи грузовиков, и вся эта армия машин проработала бы три года. А что сделали двадцать шесть земснарядов? За один год они намыли одну из величайших в мире плотин. Какая скорость! Всю работу выполнили с минимальным количеством людей, точно, быстро,

Инженеры-гидромеханизаторы, дважды лауреаты Сталинской премии П. В. Шелухин (слева) и А. Н. Потапов осматривают Цимлянскую земляную плотину, намытую земснарядами.

отлично.— Шелухин посмотрел на едва заметную полоску зарождающейся зари, переложил ружье.—Теперь плотина наша создает море...

Несколькими днями позже товарищи поздравляли Павла Васильевича Шелухина, вторично удостоенного Сталинской премии за участие в работе по осуществлению скоростного намыва земляной плотины Цимлянского гидроузла.

...Долго продолжался разговор у костра. Светлело небо. Тянуло из степи утренним ветром. Пролетел беркут, и стороной прошел волк. Развиднелось, и вскоре загудели моторы. Наконец машины автопробега въехали в станицу Цимлянскую.

По соседству с новой школой, на самом берегу моря, разместилась Цимлянская гидрометеорологическая обсерватория. Сюда стекаются сведения от водомерных постов и гидрологических створов. По телефону, радио и телеграфу сообщают о повышении уровня воды, об осадках, разливе моря по низинам и займищам.

Директор обсерватории П. П. Кокаулин подошел к окну. Внизу, под горой, широко разливалось Цимлянское море. Справа виднелась гигантская плотина.

— Пятнадцатого января закрыли донные отверстия в плотине,— говорил ученый.— Монолитная стéна-плотина остановила Дон. Его воды как бы упираются теперь в плотину и не находят выхода к Азовскому морю. Естественно, вода вынуждена идти вспять, затоплять низины, выходить из берегов. Образуется новое море — Цимлянское. Уровень воды поднялся уже на шесть метров. Для изучения гидро-

логического режима и климата водохранилища создана наша обсерватория.

Директор рассказал о любопытных явлениях: замерзать море будет раньше, чем замерзал Дон, позже будут таять на нем льды. Навигация на водохранилище несколько сократится. Чтобы продлить ее, придется использовать мощные ледоколы.

Под влиянием моря изменится климат: он станет более влажным и мягким. С поверхности всего водохранилища и каналов за год будет испаряться почти столько воды, сколько вмещает Московское море. Крутой и опасной пойдет по водохранилищу штормовая волна. Для изучения волн и деятельности ветров создается специальная служба метеорологических и гидрологических прогнозов.

Обсерватория получит специальные корабли для поисков... штормов. Из порта они будут выходить только во время бурь. Ученые смогут изучать работу волн и их зарождение.

Капитаны кораблей, строители Волго-Дона, колхозы, лесопосадочные станции, Цимлянская ГЭС, ирригаторы, дорожники, виноградари получат по радио, телефону и телеграфу важные сводки о состоянии моря, о погоде, грядущих дождях и бурях.

В сводках обсерватории уже сейчас нуждаются строители Цимлянского гидроузла. На бетонных быках исполинской плотины отмечены красной краской деления водомерных реек. Каждое утро, выходя на работу, бетонщики, арматурщики и монтажники смотрят на деления и видят, как быстро прибывает в море вода. От воды им нужно «оторваться»: успеть поднять бетонные плиты облицовки земляной плотины, закончить монтаж турбин, проложить дренажные трубы, возвести бетонные подпорные стены в верхнем бьефе, куда, ломая льды, идет море.

...Мы прошли к заместителю главного инженера гидроузла Григорию Андреевичу Перышкину. Старый инженер, всегда спокойный, был расстроен: из Ростова и затонов требуют увеличить отпуск воды.

— Нам нужно сейчас как можно больше накопить воды в море, — пояснил Перышкин. — За первый месяц собрано более четверти миллиарда кубометров. Сейчас происходит самый ответственный процесс — замачивается дно водохранилища и каналов. Для того, чтоб затопить всю огромную территорию, нужно очень много воды: более 30 миллиардов кубометров. Суровая необходимость заставляет нас пока что уменьшить подачу воды в нижнее течение — ростовчанам. Но им мы все-таки даем столько воды, сколько несут шесть таких рек, как Москва-река, а через месяц вода у них будет в изобилии. Дон в весеннюю пору сбрасывал в Азовское море до 80 процентов своего стока,— рассказывает Григорий Андреевич. — Летом река мелела, судоходство сокращалось. Теперь весь паводок останется в водохранилище, и мы в течение года будем равномерно давать воду в судоходный канал, каналы оросительной системы, к турбинам.

Перышкин достал графики, сводки и сообщил интересные данные: в 1917 году во время половодья на Дону наибольший сток равнялся 17 000 кубометров воды в секунду, а в прошлом году за каждую секунду проходило около 7 000 кубометров воды.

Перышкин, проведший всю свою жизнь в этих местах, вспомнил, что в Старо-Черкасской он видел забитые в стену древнего собора стальные костыли-отметки о «разинской воде», **«хомутовской воде» — о наводнениях, случавшихся в разные времена. По отметкам на соборе, а позже по журнальным сведениям установлено: половодье 1917 года было одним из грандиозных.**

— Вот бы нам сейчас такое половодье! — мечтательно сказал инженер.— Но в этом году мы должны экономить каждый кубометр воды. На протяжении столетий казаки видели, как бесполезно сбрасывал Дон свои воды в Азовское море, разрушая берега, вырывая с корнем деревья. И только теперь, в наши дни, Дон, обузданный советским человеком, будет при любой воде, при любом паводке надежно работать на коммунизм.

...Был вечер. Пахло весенним снегом. Сквозь гул и шум великой стройки слышался первый треск льдов и плеск волны на новом, созданном человеком, море — море Цимлянском.

Лауреаты Сталинской премии (слева направо): Е. К. Стародубцев, В. М. Балыков, А. В. Топчиев, В. Е. Сугоняко и М. К. Халимошкин.

ЛУЧШИЙ В МИРЕ УГОЛЬНЫЙ КОМБАЙН

Шахты Центрального района Донбасса разрабатывают крутопадающие угольные пласты. Многие из этих пластов залегают в земле почти вертикально. Работа в таких условиях требует от шахтера большого искусства.

До недавнего времени добыча угля производилась здесь отбойными молотками. Крутовики — так называют в Донбассе горняков, работающих на пластах крутого падения,— давно уже мечтали о машине, способной заменить отбойные молотки. Теперь эта мечта сбылась. Группа горных инженеров создала комбайн «ККП-I», полностью механизирующий выемку угля.

Конструирование и освоение этого комбайна проходило в тесном содружестве инженеров с рабочими-шахтерами. Авторы проекта — ныне лауреаты Сталинской премии — А. В. Топчиев, А. А. Пичугин и конструкторы В. М. Балыков и Н. М. Ксенофонтов — создали высокоэффективную конструкцию комбайна. Большую помощь в освоении и усовершенствовании машины оказали им горные инженеры С. М. Островский, Н. В. Гребцов и донецкие шахтеры-механизаторы В. Е. Сугоняко, Е. К. Стародубцев, М. К. Халимошкин и А. Я. Чичкан, также удостоенные Сталинской премии.

Комбайн «ККП-I» основан на более совершенном способе разрушения угля. Он не режет уголь, а скалывает его с поверхности забоя. Поэтому вместо применявшихся ранее режущих цепей с 30—40 зубками новый комбайн имеет всего 3 резца.

Новый способ разрушения угля требует значительно меньшего количества энергии. Это позволяет применить в машине пневматический двигатель. Впервые в мире угольный комбайн работает на сжатом воздухе.

Комбайн «ККП-I» изменяет и существующую технологию выемки угля. При работе молотками забой был уступным, теперь он представляет собой прямую линию. Как говорят шахтеры, лава находится «в столбе».

Прямолинейность забоя, замена электрического привода пневматическим, почти полное отсутствие пыли — все это значительно увеличивает безопасность работ. В условиях Советской страны, где забота о человеке стоит превыше всего, эти качества нового комбайна особенно существенны.

Комбайн «ККП-I» встретил у горняков Донбасса восторженный прием. И это не удивительно. Везде, где вводятся комбайны, увеличивается добыча, растут производительность труда и заработки рабочих. Так, на шахте имени Румянцева добыча с участка увеличилась вдвое, а производительность труда рабочих возросла в 2—3 раза. В несколько раз возрос и заработок рабочих. Одновременно с этим себестоимость угля снизилась на 25 процентов.

Особенно успешно работает на этой шахте бригада машиниста-новатора Виктора Сугоняко, инициатора социалистического соревнования за лучшее использование новой горной техники. Горняки этого участка разработали коллективный стахановский план и поточный график.

МАЛЕНЬКИЕ КОРАБЛИ ДЛЯ БОЛЬШИХ ПЛАВАНИЙ

Небольшие быстрые катера эти можно встретить на лесных рейдах Камы и Северной Двины, на извилистых фарватерах Унжи, Ветлуги, Суры. В дни бурного весеннего паводка они уверенно буксируют плоты, из которых формируются караваны. Летом — в межень, когда мелеют лесные реки, катера, преодолевая перекаты, поднимаются в верховья, доставляя такелаж для оснастки плотов, продукты и товары лесорубам и сплавщикам.

— Хоть и малы корабли, а на большие плавания способны! — с уважением говорят об этих катерах бывалые речники.

Создавая новый тип судна **для нужд лесосплава, конструкторы и судостроители решали одновременно несколько задач. Новые теплоходы, курсирующие теперь по сплавным рекам и обслуживающие лесные запани, отличаются небольшими размерами, малой осадкой и вместе с тем хорошей остойчивостью и управляемостью. Они оснащены мощными двигателями, специальными лебедками и буксирными устройствами. Двигатели этих судов необычны. Впервые в речном флоте применен дизель, работающий на дровах. Жидкое горючее здесь заменено газом, вырабатываемым газогенератором. В какой бы дальний рейс ни направили катер на сплаве, всюду в лесных краях найдется достаточно дров, чтобы загрузить судовые бункера.**

Конструкция нового катера-газохода разработана центральным конструкторским бюро по судостроению Главлесзапчасти. Над созданием газогенераторов немало поработали сотрудники Центрального научно-исследовательского института лесосплава. Серийная постройка новых судов была быстро освоена Костромским заводом Министерства лесной промышленности СССР.

Уже в прошлом году на сплаве работали такие суда. **Нынешней весной выйдут в плавание новые маленькие корабли. Строительство их ведется теперь уже не только на Костромском, но и на других заводах лесной промышленности.**

Конструкторы и судостроители, создавшие новый тип судна, товарищи Н. М. Андреев, Д. Т. Карпов, И. А. Афанасьев, Я. П. Петров, Н. Ф. Пузанов, Е. И. Артемьев, Б. Г. Егоров и П. А. Здоров удостоены Сталинской премии.

Новый катер-газоход. На борту (слева направо): Д. Т. Карпов и Н. М. Андреев.

У полюса ХОЛОДА

В. АКШИНСКИЙ Фото Я. РЮМКИНА

1 От Москвы до Якутска 8 468 километров. Экспедиция Беринга добиралась до этих мест полтора года. А сейчас слетать отсюда в Москву и вернуться обратно можно за несколько дней.

Вблизи полюса холода температура опускается до минус 60 градусов. Но даже непривычному человеку такие морозы не кажутся чрезмерными, потому что здесь сухой воздух и почти всегда держится безветреная погода.

Более трехсот лет стоят острожки первых русских землепроходцев.

Необъятны просторы Якутии: от Якутска до отдаленных районов не сотни — тысячи километров. Районы, отстоящие от столицы республики на 500—600 километров, считаются здесь ближними.

Днем и ночью по дорогам Якутии катят автомашины, идут тягачи. Только побывав на этих трассах, по-настоящему оценишь труд якутских шоферов. Николай Егорович Болдырев менее чем за полгода прошел на своей машине 40 тысяч километров без аварий и ремонта. Он по праву считается одним из лучших шоферов Якутии.

Из Якутска по всем направлениям летают самолеты гражданского воздушного флота, санитарной авиации, лесоохраны. В тяжелых условиях Севера летчикам работать нелегко. Пилот Якутского управления ГВФ Федор Матвеевич Козин со своим экипажем ежегодно перевыполняет планы воздушных перевозок. Козин налетал 2 миллиона километров и только за последний год сэкономил 214 тысяч рублей.

За годы советской власти в корне преобразилось лицо Якутии. Здесь все больше и больше развивается горнодобывающая, лесная, судостроительная, рыбная, пищевая и местная промышленность.

На Алдане и в Тикси, в Верхоянске и Витиме, в тысячах сел и наслегов дружной советской семьей трудятся якуты, русские, татары, эвенки, юкагиры.

Вооруженные передовой техникой, труженики республики успешно выполняют и перевыполняют производственные задания. Сейчас они соревнуются за досрочное выполнение полугодового плана к 1 июня в честь предстоящего 30-летия своей республики.

2 Улицы города утопают в морозном тумане. За два шага трудно увидеть идущего впереди человека. Временами туман рассеивается, и Якутск предстает в своем обычном виде.

Идут пешеходы; их брови, ресницы, щеки покрыты инеем, изо рта валит пар. Снуют автомашины. Город строится. В прошлом году здесь сдано в эксплуатацию 46 зданий.

3 Смелые якутские охотники выслеживают зверя, сутками бродят по тайге.

Драгоценная пушнина, добытая якутскими охотниками, умножает богатства нашей Родины. Большой известностью в Якутии пользуется виднейший специалист по пушнине Михаил Федорович Самсонов. За многолетнюю безупречную работу тов. Самсонов награжден орденом Трудового Красного Знамени.

4 В Якутии есть филиал Академии наук СССР, три института, теперь создается четвертый—Институт биологии. Биохимической лабораторией якутского филиала Академии наук СССР руководит якут доктор биологических наук Алексей Дмитриевич Егоров.

Большая сеть техникумов и специальных учебных заведений, сотни начальных, семилетних и средних школ. В них обучается более 64 тысяч человек. Дети, прибывающие учиться из дальних районов, живут в интернатах.

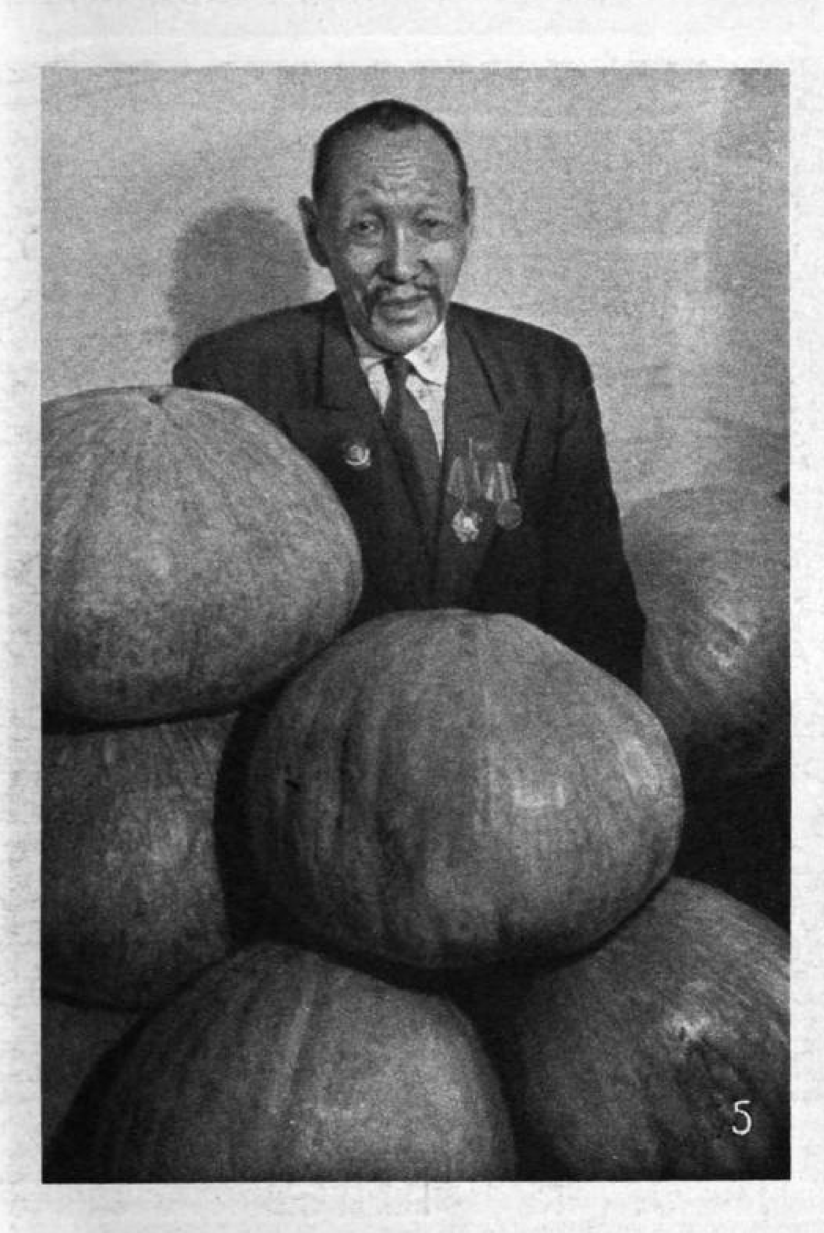

5 На всю Якутию прославился овощевод колхоза «Новая жизнь», Мегино-Кангаласского района, Михаил Григорьевич Егоров. Своевременно высаживая рассаду в специально подготовленные гряды, он выращивает в открытом грунте высокие урожаи огородных культур. Четвертый год Михаил Григорьевич по совместительству работает колхозным агротехником. За разработку и внедрение передовых приемов агротехники овощеводства ему присуждена Сталинская премия.

6 В укрупненном колхозе имени Сталина общественные закрома полны золотистым зерном, на скотном дворе и в конюшнях сотни коров и лошадей. Заботливо выращивает молодняк лучшая телятница этого колхоза комсомолка Дарья Протодьяконова. На звероводческой ферме колхозники разводят чернобурых лисиц. В колхозе есть свиньи, птица, кролики, а также пасека. Колхозная электростанция не только дает свет в дома колхозников, но и обслуживает пилораму, силосорезку. Электричество прочно входит в быт.

В этом колхозе учатся все. Коммунисты и комсомольцы изучают историю партии, биографию И. В. Сталина,

Советская власть, освободив якутский народ от кабалы тойонов и гнета буржуазии, открыла ему, как и другим народам нашей страны, широкую дорогу к просвещению, к высотам науки, культуры, искусства.

7 В Якутском музыкально-художественном училище есть вокальное, инструментальное, дирижерское, живописное, скульптурное, хореографическое и косторезное отделения.

Хореографический кружок есть в Якутском городском дворце пионеров. На снимке мы видим урок классического танца.

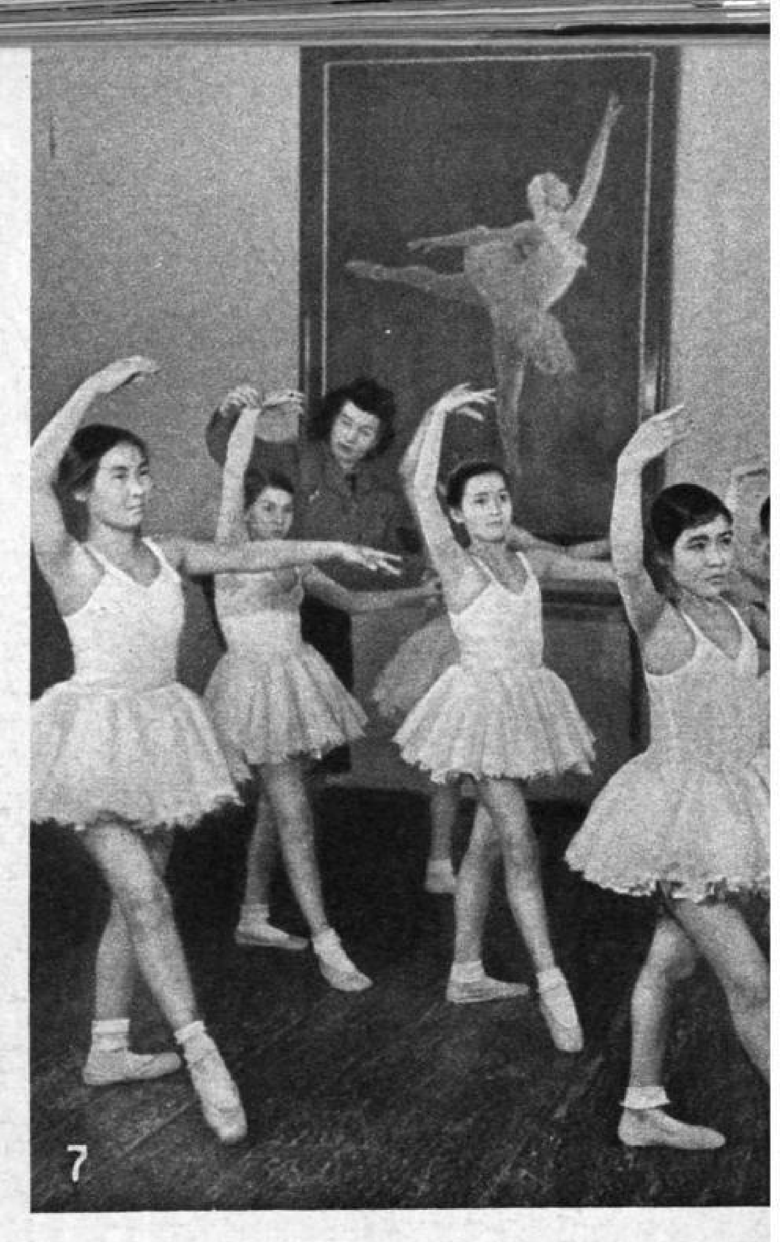
Заслуженно гордятся трудящиеся Якутии своими театрами: Якутским музыкально-драматическим и Русским драматическим. В Якутии издаются три республиканские газеты, два журнала, более тридцати районных и многотиражных газет.

☆ ☆ ☆

На родном языке якутский народ читает труды Ленина и Сталина, книги Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Льва Толстого, Горького, Шолохова, Маяковского, произведения местных авторов.

В республике — сотни больниц, фельдшерских пунктов, родильных домов и санаториев. В одной лишь Якутской городской больнице в несколько раз больше врачей и больничных коек, чем было во всей дореволюционной Якутии.

Якутский и русский народы связывает давняя, многовековая дружба. Но никогда еще эта дружба не была такой крепкой, как сейчас. Это социалистическая дружба.

бригадиры и передовики колхозного производства повышают свои знания на трехгодичных агротехнических курсах. Руководит курсами кандидат сельскохозяйственных наук Елизавета Александровна Солодовникова.

Пять человек из этого колхоза учатся в Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева, 20 парней и девушек скоро окончат различные техникумы.

В Орджоникидзевском районе расположена Якутская государственная селекционная станция.

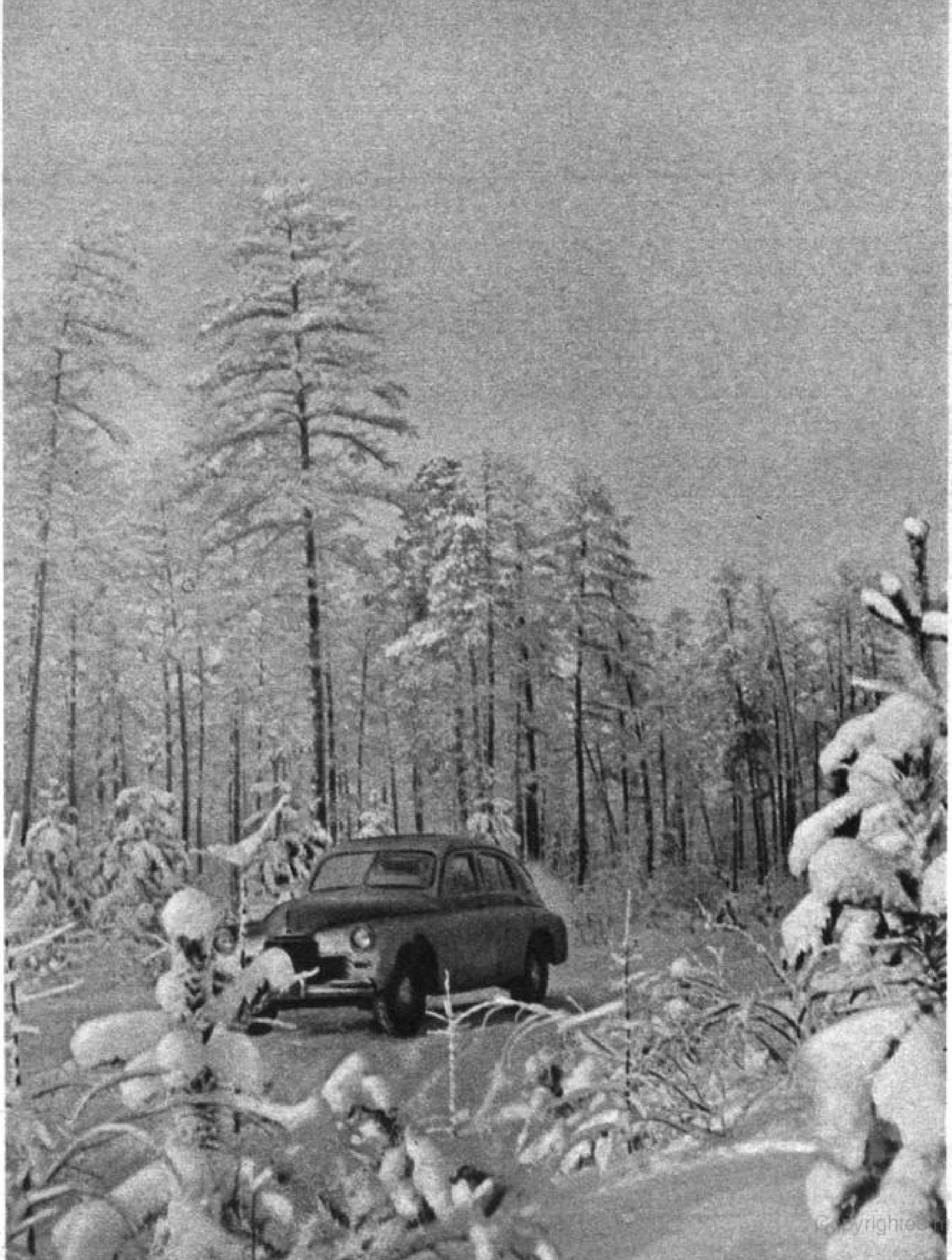
В борьбе с суровой северной природой на селекционной станции воспитывались многие ученые.

При станции — производственный сад: 450 плодовых деревьев, плодово-ягодный питомник. Уже 5 лет подряд собирают урожаи яблок. Для высадки к весне подготовлено 2 тысячи прижившихся прививок.

Невольно приходят на память стихи поэта Петра Комарова:

Здесь ртуть мертва,
А яблоня цветет.

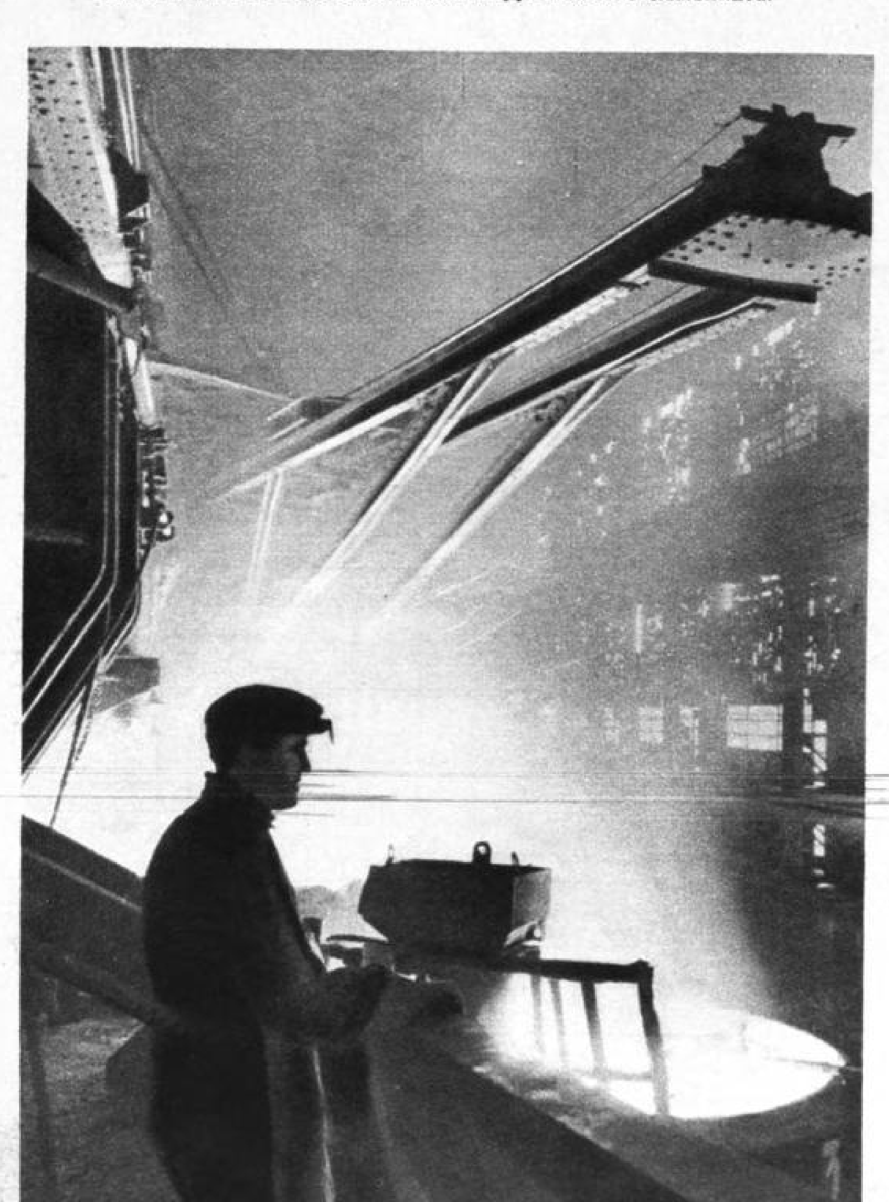

КУЗНЕЦКИЕ МЕТАЛЛУРГИ

Доменный цех Кузнецкого металлургического комбината.

А. РЕКЕМЧУК

Выпуск стали из мартеновской печи.

3 апреля 1952 года Кузнецкому металлургическому комбинату имени И. В. Сталина исполняется 20 лет.

...В доменном цехе сегодня особенно многолюдно: приехали кинооператоры. Они сняли великолепные кадры: ветеран предприятия, старейший горновой Лукьян Викторович Силицкий стоит у чугунной летки доменной печи № 1, выдавшей 20 лет назад первую плавку. Из-под широкополой шляпы смущенно улыбается молодое лицо доменщика: старейшему горновому всего 38 лет.

В 1931 году на строительную площадку Кузнецкстроя, оглашаемую первыми взрывами, пришел долговязый паренек — таежный золотоискатель Лукьян Силицкий — и, сбросив с плеча деревянный сундучок, потребовал:

— Дайте-ка лопату!..

Он строил первую доменную печь. Работал горячо. Работал и учился. В 1932 году на строительстве Кузнецкого комбината все рабочие заканчивали трудовой день в учебных классах.

На бескрайних просторах Урала и Сибири претворялась в жизнь гениальная сталинская идея создания могучей индустриальной базы — Урало-Кузнецкого комбината. Лукьян Викторович и другие доменщики встречали у себя в цехе В. М. Молотова, М. И. Калинина, Г. К. Орджоникидзе, К. Е. Ворошилова, А. И. Микояна, Л. М. Кагановича, А. А. Андреева. Соратники великого вождя стояли у колыбели кузнецкого металла.

Весной тридцать второго года доменная печь дала первый чугун. Кузнечане отлили из него барельеф товарища Сталина. В сентябре того же года первая мартеновская печь выдала сталь. Месяц спустя на блуминге прокатали первый стальной слиток. Главный инженер комбината Иван Павлович Бардин — ныне вице-президент Академии наук СССР — доложил о завершении металлургического цикла. Один из первенцев индустриализации уже служил народу.

...Гонг! Бригада старшего горнового Силицкого приступает к выпуску плавки. Струя горячего металла бежит по желобу. Наполняются чугуном многотонные ковши. И сколько бы раз ты ни присутствовал при этом, большое волнение охватывает твое сердце.

Лукьян Викторович помнит многое: победную поступь сталинских пятилеток, годы мирного созидания, пору войны...

Шел 1942 год. Один на один сражался советский народ против гитлеровских полчищ, спасая человечество от фашистских варваров. За океаном «выражали сочувствие», распинались в «симпатиях» к советским людям. Но вот перед нами американский журнал «Steel», вышедший в январе 1942 года. В нем приведены мате-

Вместе с прославленным предприятием — Кузнецким металлургическим комбинатом имени И. В. Сталина — рос и растет социалистический город Сталинск — тот самый «город-сад», о котором вместе с его строителями мечтал Владимир Маяковский:

Я знаю —
город
будет,
я знаю —
саду
цвесть,
когда
такие люди
в стране
в советской
есть!

Величавы улицы Сталинска. Проспекты имени Молотова, Кирова, Энтузиастов представляют собой великолепные архитектурные ансамбли. И каждая улица становится весной зеленым туннелем: так много здесь деревьев. Сейчас в Сталинске — институты, техникумы, 70 школ, несколько театров и дворцов культуры. В прошлом году здесь сдано в эксплуатацию 75 тысяч квадратных метров жилой площади.

А в ближайшие годы город будет еще краше: на площадях встанут первые в Сибири высотные здания, новые парки наполнят зеленым шумом окрестности.

Сегодня Сталинск в лесах: кипит стройка...

Бригада каменщиков П. Ф. Ларионова, выполняющая план на 150—170%, работает на строительстве новых жилых домов в городе Сталинске.

Город Сталинск. Проспект имени Молотова.

Фото М. Савина

Кузнецкий металлургический комбинат имени И. В. Сталина.

В в е р х у с л е в а: выпуск шлака из доменной печи. С п р а в а: сталевар, лауреат Сталинской премии С. С. Баев.

В н и з у с л е в а: старейшие производственники — мастер доменной печи Л. Т. Герасимов (слева) и старший горновой К. М. Олещук. С п р а в а: ковши с жидким чугуном направляются из доменного цеха к мартеновским печам.

риалы о промышленных ресурсах стран мира. Американские «статистики», полагая, видимо, что Украина навсегда отошла к оккупантам, безоговорочно и не без злорадства приплюсовали к металлургической мощности фашистской Германии... 9 миллионов тонн чугуна за счет юга Советской страны. «Русские останутся без металла!» — пророчили за океаном.

Русские не остались без металла! Уральские и сибирские металлурги внесли веские коррективы в подсчеты и расчеты Уолл-стрита. Металлурги востока Советской страны выполнили свой долг перед Родиной.

В числе других священных реликвий кузнецкие доменщики берегут переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны СССР, переданное им на вечное хранение. Еще три почетных знамени вручены коллективу Кузнецкого металлургического комбината имени И. В. Сталина за его великий подвиг в годы войны.

...Старший горновой Лукьян Викторович Силицкий переходит к пульту управления. Нажим рычага — и электрическая пушка забивает чугунную летку доменной печи. Ни на одну минуту не прекращается плавка: беспрерывен процесс рождения металла — металла мира.

Русские люди достигли большого мастерства в доменном деле. Неподалеку от доменных печей Кузнецкого комбината, в тихой рощице на склоне горы, — могила знаменитого русского доменщика М. К. Курако. Сюда долетает басовитое гудение цехов, и легкий ветерок шевелит ветви берез...

Знатный вальцовщик комбината лауреат Сталинской премии Иван Алексеевич Сомов.

Советские люди, овладевшие передовой наукой, обогатившие ее своим разумом и вдохновенным трудом, приумножили славу своих предков. Имена кузнецких доменщиков Кузьмы Олещука, Луки Герасимова, Лукьяна Силицкого и многих других известны всей стране.

Каждый из них смотрит далеко вперед — видятся им плоды их труда, знают они, куда идет этот чугун.

...Сталевар мартеновского цеха № 1 Степан Баев возвращался в родной Кузбасс из Магнитогорска, где он делился своим опытом проведения скоростных плавок. Поздно ночью в поезде его разбудил товарищ по купе — инженер Ткачев:

— Степан Сергеевич! С лауреатством тебя! Только что передавали по радио.

В родном Сталинске Баева встречали с цветами. Большой группе кузнецких сталеваров в 1951 году присудили Сталинскую премию за усовершенствование и внедрение скоростных методов сталеварения. Степан Баев принимал цветы и на крепкие рукопожатия отвечал:

— Надо сделать так, чтобы во всех мартеновских цехах вели скоростные плавки.

Скоростная плавка — это рекордное достижение не одного сталевара. Когда лауреат Сталинской премии Степан Баев приходит на смену, сталевар предыдущей смены Михаил Рукин уже успел сэкономить десять минут на заправке пода печи. С деловитой придирчивостью Баев проверяет состояние печи и, пожав товарищу руку, как эстафету, принимает от него уже начатую скоростную плавку.

Сталевара Баева мы увидели в застекленной кабине, у пульта управления. В цехе механизированы почти все производственные операции, автоматизировано управление тепловым режимом мартеновских печей. Поочередно поднимаются крышки мартеновской печи, озаряя все вокруг ярким светом. Руда, известняк, железный лом опрокидываются в печь. Четко работают подручные сталевара — Николай Говор, Николай Анциферов и другие.

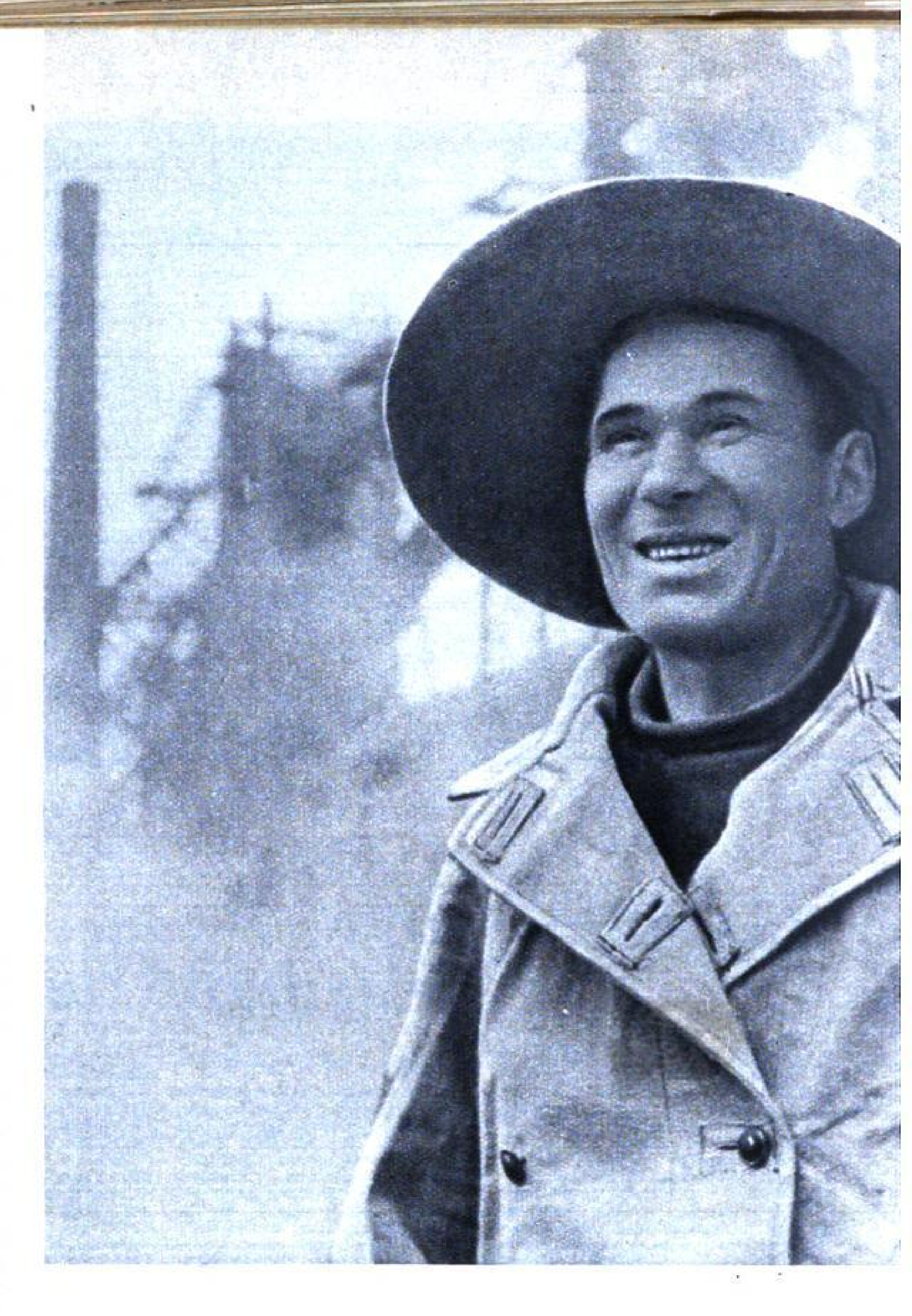
— На завалке шихты экономия 30 минут, — докладывает Баев вошедшему в кабину обер-мастеру лауреату Сталинской премии Михаилу Привалову. Тот кивает головой.

Обер-мастер и сталевар смотрят сквозь синие стекла очков в окна мартеновской печи: там бушует кипящая сталь... Сталь! Будущие рельсы железных дорог и балки многоэтажных зданий, турбины гидростанций и котлы высокого давления. Сколько труда и вдохновения требует металл от человека!

Очередную пробу стали Степан Баев отправляет в экспресс-лабораторию. Через несколько минут он получает данные анализа: плавка идет хорошо. На плавлении за счет напряженного теплового режима сталевару удалось сэкономить еще 40 драгоценных минут!

Кузнецкий сталевар Степан Баев и его товарищи выдали в нынешнем году десятки скоростных плавок и сотни тонн стали сверх плана. Что можно сделать из этой сверхплановой стали?

...На трибуну III Всесоюзной конференции сторонников мира взошел невысокий плотный человек и, деловито придвинув к себе микрофон, сказал:

...Из-под широкополой шляпы смущенно улыбается молодое лицо доменщика: старейшему горновому Лукьяну Викторовичу Силицкому всего 38 лет.

— За десять месяцев коллектив нашего блуминга прокатал сверх плана 20 тысяч тонн стали. Из этого металла можно построить 4 400 тракторов...

Речь держал знатный вальцовщик Кузнецкого металлургического комбината имени И. В. Сталина лауреат Сталинской премии Иван Алексеевич Сомов.

Блуминг — ворота прокатных цехов. Этот прокатный стан был введен в строй в 1932 году, и наша печать тогда с гордостью сообщала о его уникальной мощности. Опрокинув самые смелые предположения, прокатный стан перекрыл установленную для него проектную техническую мощность на 24 процента. Теперь это самый производительный блуминг в мире.

В будке, возвышающейся перед станом, двое: старший оператор Иван Сомов и манипуляторщик Юрий Сомов. Они с поразительной быстротой управляют рычагами-командоконтроллерами.

Оператор и манипуляторщик должны понимать друг друга без слов. И это им вполне удается...

Братья знатного вальцовщика коммуниста Ивана Алексеевича Сомова — Василий и Константин — тоже работают в прокатном цехе. Недавно в семье Сомовых появился еще один прокатчик: племянник Юрий заявил о своем желании работать на блуминге.

— А как же с инженерством? — спросил племянника Иван Алексеевич. — Мечтал ведь...

— И не отказываюсь, — ответил Юрий.

В короткий срок он овладел сложным искусством манипуляторщика; одновременно посещал школу рабочей молодежи, где учатся 1 500 рабочих комбината. Нынешней весной Юрий будет держать экзамены на аттестат зрелости и на звание старшего оператора блуминга. А потом — в Сибирский металлургический институт, на заочное отделение...

План юноши горячо одобряют прокатчики:

— Будут у нас вальцовщики с высшим образованием!

Кипением юности наполнена жизнь прославленного предприятия. Накануне двадцатилетия комбината многотысячный коллектив больших мастеров, смелых новаторов принял на себя новые социалистические обязательства — выдать сверх плана в нынешнем году 40 тысяч тонн чугуна, 50 тысяч тонн стали, 30 тысяч тонн проката, 20 тысяч тонн кокса, 70 тысяч тонн железной руды...

Выступление немецкой писательницы Анны Зегерс после вручения ей международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами».

Фото А. Гостева

Славная дочь немецкого народа

Когда 21 декабря прошлого года московское радио принесло в Германию весть о том, что Анне Зегерс присуждена международная Сталинская премия, берлинская газета «Нейес Дейчланд» писала: «Впервые эта премия, эта самая благородная награда, какую только знает миролюбивое человечество, присуждена немецкому борцу за мир».

Это событие подтверждало, что демократические силы по обе стороны Эльбы растут и крепнут. Это событие подтверждало также еще и еще раз, что, несмотря на козни империалистов разных стран, мечтающих о возрождении варварского фашизма, будущее принадлежит миролюбивой демократической Германии.

В этом росте демократических сил немецкого народа большая заслуга принадлежит Анне Зегерс. Она сама говорит, что слово прогрессивных писателей, словно прожектор, освещает дела немецких сторонников мира. Правдивое слово разрывает паутину коварной лжи, которую плетут враги мира; оно открывает глаза обманутым, оно зовет к борьбе.

В книге новых рассказов Анны Зегерс, изданных недавно под общим заглавием «Мир», есть маленькая новелла о бывшем немецком солдате. Он вернулся с войны грязным, оборванным, с разбитыми в кровь ногами. Отчаяние и страх разъедали его душу. Он никому и ничему не верил. С предельной выразительностью и лаконизмом Анна Зегерс повествует о том, как этот в прошлом озлобленный солдат стал новым человеком, строителем своей обновленной родины. На демонстрации во время праздника Урожая Мира этот солдат, ставший мирным землепашцем, оделся в старую рвань и волочил за собой тележку. На тележке с солдатским тряпьем и рваными ботинками была прикреплена доска: «Вот что мне дали Гитлер и война». А сзади на золотых снопах ехала его жена, одетая в праздничный наряд. На возу тоже была надпись: «Вот что мне дали Советский Союз и Германская Демократическая Республика».

Каждая книга Анны Зегерс зовет к борьбе за мир, за лучшее будущее. Каждая написанная ею страница прославляет отважных и смелых людей, борющихся с фашизмом,— таких, как горняки Рура, отказывающиеся работать на войну, таких, как патриотка Лили Вехтер, которая томится в тюрьме за то, что она говорила правду о Корее...

Автор всемирно известных романов Анна Зегерс в последние годы много путешествует; она выступает с речами и со статьями, повсюду вдохновенно и радостно рассказывая о новой Германии, повсюду страстно разоблачая боннских марионеток и их американских хозяев.

Анна Зегерс прибыла в Москву, чтобы получить высокую заслуженную награду. 19 марта в два часа дня седая, скромно одетая женщина вошла в Свердловский зал Кремля, и собравшиеся здесь ученые, писатели, рабочие, артисты поднялись ей навстречу, бурно рукоплеская. Они приветствовали в ее лице новую, демократическую, миролюбивую Германию. Было видно, как дрогнуло от волнения лицо Анны Зегерс. Она прошла за стол президиума и тоже начала аплодировать.

На русском и немецком языках зачитывается постановление Комитета по международным Сталинским премиям о присуждении Анне Зегерс почетной награды. Председатель Комитета академик Д. В. Скобельцын вручает Анне Зегерс диплом лауреата и золотую нагрудную медаль, и снова под высокими светлыми сводами Свердловского зала гремят аплодисменты.

— Я благодарю за присуждение мне международной Сталинской премии,— говорит Анна Зегерс,— так, как может благодарить человек за одну из самых больших радостей, какие выпадают на его долю в течение всей жизни. Благодарю за то, что меня сочли достойной и этой награды и той большой ответственности, которая с нею связана.

Это была взволнованная, страстная речь. Это была речь отважного борца за мир, верного друга Советского Союза.

ТЕПЛОХОД ВЕРНУЛСЯ ИЗ АНТАРКТИКИ

В Одесском порту ошвартовался теплоход «Кремль» — первое в этом году судно, прибывшее из района промысла советской китобойной флотилии «Слава» в Антарктике.

Три месяца теплоход «Кремль» находился в плавании, прошел 19 000 миль. Это его четвертый по счету рейс в Антарктику. Он совершен в предельно сжатый срок.

Теплоход доставил для промысловых кораблей флотилии «Слава» много тысяч тонн топлива, газеты, журналы, письма от близких и друзей. Встреча экипажа «Кремля» с советскими китобоями произошла вблизи Южного полярного круга. Стоял февраль — последний летний месяц в южном полушарии,— но бушевал шторм, встречались айсберги и обломки льдин; порой над морем опускался густой туман.

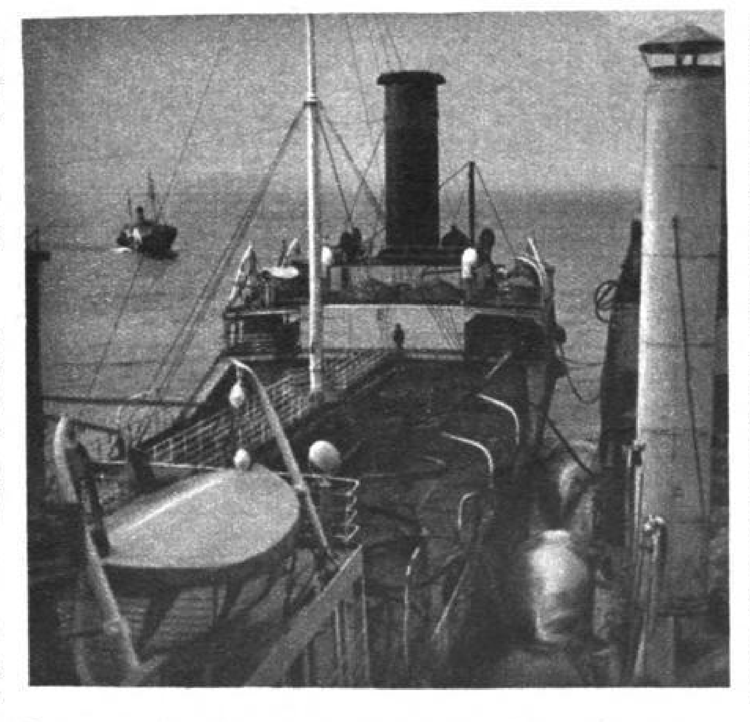
«Кремль» подошел к пароходу «Слава» — флагманскому судну флотилии. Меж кораблями находились огромные туши убитых китов, служившие своеобразными амортизаторами, предохранявшими корпуса судов от повреждений.

Десять дней в океане шли грузовые операции. Не раз морякам приходилось прекращать выгрузку из-за штормов. Матросы работали на пронизывающем ветру, во время пурги, выбирая тяжелые обледенелые канаты и шланги. В те дни радиооператоры узла связи Министерства морского флота принимали из Антарктики короткие радиограммы от Василия Павловича Панфилова — капитана теплохода «Кремль»: «Ждем улучшения погоды». Когда наступало затишье, вновь возобновлялась работа, и в Москву приходило сообщение: «Грузовые операции продолжаем».

...Над просторами Антарктики прозвучали протяжные гудки — прощальный салют кораблей китобойной флотилии «Слава» уходящему на север теплоходу «Кремль». Опытный советский мореплаватель В. П. Панфилов повел судно к берегам Родины. Шли дни за днями. В стороне остались гористые берега Южной Африки; теплоход миновал Гвинейский залив, Гибралтарский пролив, Средиземное море, Дарданеллы, Босфор. И наконец перед взорами моряков открылись родные черноморские просторы, долгожданный берег Отчизны.

Корабль доставил в Одессу тысячи тонн ценного жира, добытого отважными китобоями.

Б. ГЕОРГИЕВ

Теплоход «Кремль» завершил один из рейсов в Антарктику. На снимке: «Кремль» (слева) у борта парохода «Слава». Между судами находятся туши убитых китов.

Снимок моряка флотилии «Слава» С. Муравьева

Научные работы студентов

Студент-отличник Новосибирского сельскохозяйственного института комсомолец Владимир Остапов с двумя товарищами обследовал посевы рыжика (масличной культуры) на площади около 2 тысяч гектаров. В результате на городской смотр научных работ студентов был представлен доклад «Влияние сроков и способов посева на урожай рыжика». Это исследование, высоко оцененное жюри смотра студенческих научных работ, поможет колхозникам значительно улучшить агротехнику, установить точные сроки сева рыжика в разных зонах Западной Сибири и повысить его урожайность.

Почти одновременно в другом конце страны жюри городского смотра, проводившегося в Алма-Ате, рассматривало работу члена студенческого научного общества Казахского сельскохозяйственного института М. Заговенко об опыте перехода на новую систему орошения. Студентка дала научный анализ обширных материалов по организации поливного хозяйства в колхозе имени Кирова, Илийского района, начиная с 1931 года. На основе своих расчетов автор исследования предложил проект переустройства оросительной системы колхоза имени Кирова.

Смотры научных трудов студентов высших учебных заведений прошли во многих городах страны. Им предшествовали конференции, которые привлекли десятки тысяч молодых людей, посвятивших себя научной деятельности. Сейчас только в вузах Москвы имеется 72 студенческих научных общества, объединяющих около 1 700 научных кружков различных специальностей. Всего же в стране ныне насчитывается свыше 5 тысяч кружков. В их работе принимает участие около 100 тысяч студентов.

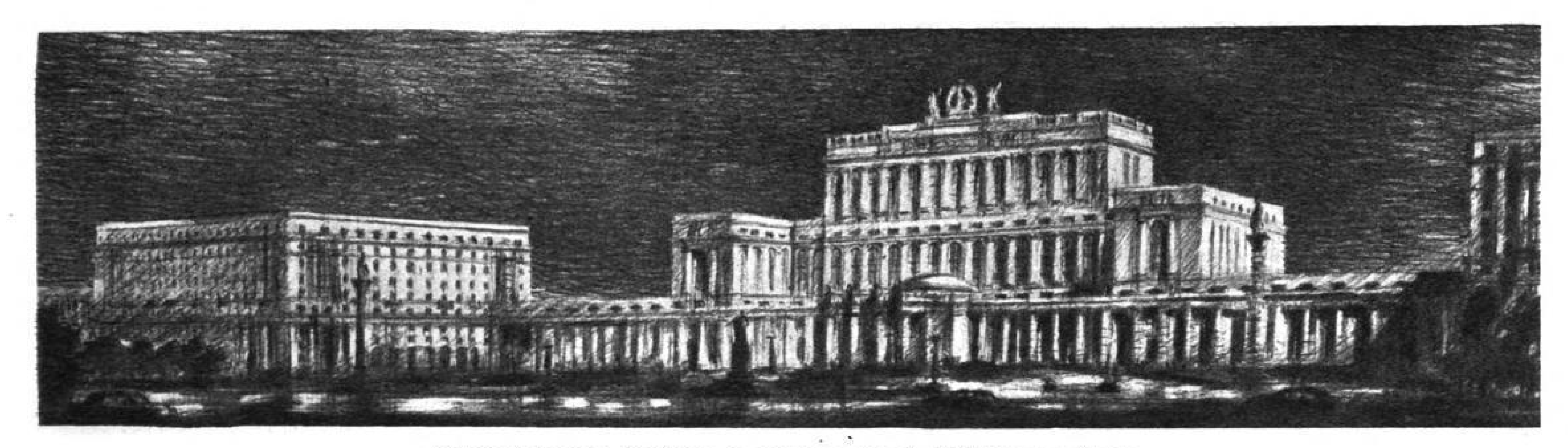
Студенты столицы подали на смотр 592 работы. Многие из них имеют большое народнохозяйственное значение. Весьма активно действуют научные общества периферийных вузов. В Казани, например, на смотр поступило 187 работ студентов десяти вузов, в Новосибирске — 124 работы из шести вузов, в Молотове — 101 работа из шести вузов.

В процессе смотра еще больше укрепилось содружество студентов с новаторами производства. В декабре прошлого года состоялась конференция студентов Ростовского института сельскохозяйственного машиностроения, стахановцев и инженеров ростовских предприятий «Ростсельмаш» и «Красный Аксай» и Таганрогского завода имени Сталина. Многие доклады были подготовлены коллективно: студентом 5-го курса Г. Козубовским и рабочим-станочником «Ростсельмаша» С. Максименко; студенткой Н. Дунаевой и начальником инструментального бюро Таганрогского завода К. Додукановой; студентом Ю. Черным и профилировщиком кузнечно-прессового цеха «Ростсельмаша» Н. Курочка.

Молодые биологи — члены научного общества Тбилисского государственного университета имени Сталина — представили 13 докладов, посвященных строительству Самгорской оросительной системы.

Лучшие научные работы студентов отмечены приказом Министерства высшего образования СССР.

А. СИНЕЛЬНИКОВ

Проект Нефтяного института имени академика И. М. Губкина в Москве.

НОВЫЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ АНСАМБЛЬ В МОСКВЕ

В районе Ленинских гор, там, где пересекаются Калужское шоссе и новая магистраль, проходящая перед зданием строящегося Московского государственного университета, в этом году закладывается огромный архитектурный ансамбль. Он образует большую площадь, на которой разместятся несколько зданий: Горный и Нефтяной институты, десятиэтажные студенческие общежития и жилые дома для профессоров и преподавателей. Единство архитектуры зданий обоих институтов придает целостность и монументальность всей площади.

В архитектурной композиции авторы проекта придерживались традиций отечественного зодчества, положив в основу принцип ярусности. Так построены кремлевские башни, старое здание Библиотеки имени Ленина. Так строили наши великие зодчие Баженов, Воронихин и другие.

Внутренняя планировка зданий институтов соответствует их внешнему виду: светлые, просторные, оборудованные по последнему слову техники лаборатории и аудитории.

Центральный вестибюль — наиболее просторный, богато отделанный, с гардеробом на 2 400 человек. Десять скоростных лифтов, каждый из которых рассчитан на 14 человек, в течение пятнадцати минут могут доставить 4 тысячи студентов на разные этажи. Лестница в этом здании будет играть второстепенную роль: это — лишь средство сообщения между смежными этажами.

Аудитории на 200—250 человек размещаются в нижних ярусах, а большие помещения дипломных мастерских сосредоточены в верхних этажах. Одно крыло отведено кафедре физкультуры; здесь два спортивных зала.

Предусматриваются наиболее совершенная система вентиляции, установки для кондиционирования воздуха.

Строительство нового архитектурного ансамбля предполагается вести скоростными индустриальными методами, путем широкого внедрения крупноблочных элементов (балки, перекрытия, перегородки и т. п.). Для этого уже сейчас развертывается строительство подсобных предприятий, мастерских и складов.

Два десятиэтажных общежития, на 2 тысячи студентов каждое, будут расположены друг против друга. В обоих зданиях будет 1 300 комнат, рассчитанных на 2 и 4 человек. К услугам студентов специальные комнаты для занятий, гостиные, читальни. В зданиях общежитий разместятся поликлиника для студентов, прачечные, кладовые, склады, пошивочные и другие мастерские.

В двух жилых десятиэтажных домах будет 340 благоустроенных квартир для профессоров и преподавателей. Первый и второй этажи этих корпусов займут магазины, аптеки, парикмахерская и детский сад.

Проект всего архитектурного комплекса разработан авторским коллективом в составе лауреата Сталинской премии действительного члена Академии архитектуры СССР Б. М. Иофана, архитектора-художника А. И. Баранского, архитектора-художника И. В. Ткаченко и мастерской ГИПРОВУЗа.

Сооружение нового архитектурного ансамбля начнется весной этого года. Первая очередь строительства — главный учебный корпус Нефтяного института и общежитие на 2 тысячи студентов.

И. ТКАЧЕНКО

МАГНИТОФОН

Идет спектакль. На сцене актер, играющий роль директора завода, говорит по селектору с цехами огромного предприятия. Вот он нажал кнопку — и в кабинет ворвался грохот кузнечного цеха. Как же театр сумел спрятать за кулисами работающий электромолот, звенящие балки и сотни людских голосов?

Весь этот «шум», дающий иллюзию реальности, умещается на небольшой катушке магнитной пленки и в нужный момент проигрывается на портативном аппарате — магнитофоне.

Инженеры Л. А. Демиховский (слева) и В. П. Крылов у новой модели магнитофона.

Фото М. Михайлова

Аппараты МАГ-5, МАГ-3М и МАГ-8 — их сконструировали инженеры Л. А. Демиховский и В. П. Крылов — выпускает московский завод «Гостеасвет». Эта продукция уже нашла широкое применение в самых различных отраслях техники.

Казалось бы, в наше время никого не может поразить возможность записи звука. И каждый вправе сказать: а звук в кино, а записи по радио, а, наконец, граммофонные пластинки — что ж тут удивительного, нового? И тем не менее в магнитной записи есть и удивительное и новое.

Основное преимущество этого способа записи в том, что звук может быть воспроизведен немедленно. Вот человек кончил речь или спел арию, и уже через секунду аппарат точно, с соблюдением всех модуляций и тембра, повторяет человеческий голос и музыку.

Магнитная запись не требует громоздкой аппаратуры. Легкий, портативный магнитофон можно принести куда угодно — и на завод и на стадион,— использовать во время хроникальной киносъемки. Академик С. П. Обнорский рассказывал, что при помощи магнитофона удалось произвести огромную работу по изучению народных говоров.

Завод приступает к выпуску нового аппарата — магнитного диктофона. Построенный по тому же принципу, что и магнитофон, этот портативный аппарат отличается еще большим удобством записи. Она ведется не на пленке, а на магнитной пластинке. Достаточно провести над ней электромагнит, и все зафиксированное «сотрется». Поэтому вы можете на одной и той же пластинке производить запись до 50 тысяч раз.

Диктофон прост в управлении. Вот он стоит в комнате. Включите его. Аппарат будет фиксировать все звуки. Его можно подключить к телефону, он запишет телефонный разговор и при этом будет корректировать плохую слышимость.

Возможности применения магнитофона безграничны. Их встретишь и в диспетчерской службе, и в гражданском воздушном флоте, и в различных экспедициях, где аппараты могут действовать от источника постоянного тока.

Магнитофоны установят во многих аудиториях нового здания Московского университета. Это даст возможность записать для студентов наиболее важные лекции.

Так новые работы советских конструкторов широко входят в жизнь, облегчая и совершенствуя наш труд.

Е. ТАРХАНОВА

Хлопковые сеялки вышли на поля

Зима в Узбекистане была необычно теплой даже для этого края. Почти всю зиму не смолкал над полями рокот тракторов: механизаторы готовили зябь под посевы яровой пшеницы и хлопчатника.

С наступлением ранней солнечной весны на хлопковые карты колхозов вышли тракторы-универсалы — настала пора последней предпосевной обработки земли.

Большинство колхозов республики хлопок сеет в этом году только по зяби: это намного повысит урожай. Семена будут ложиться в почву предварительно обогретые солнцем, чтобы скорее пробились на рядках дружные, густые всходы: весной дорог каждый день. Узбекские хлопкоробы помнят слово, данное ими на курултае великому Сталину,— с каждого гектара колхозных полей собрать высокий урожай хлопка.

В первые дни марта, когда трактористы северных районов еще не закончили бороновать поля, в колхозах Андижана и Кашка-Дарьи на поля вышли хлопковые сеялки. В Узбекистане начался весенний сев хлопка.

Н. НЕСТЕРОВА

На снимке: тракторист 1-й Бухарской МТС X. Хикматов проводит боронование зяби под хлопок на полях колхоза имени Калинина, Бухарского района. Он значительно перевыполняет задания.

Фото Ш. Муминова (ТАСС)

Даже распорядок уличного движения в Токио перестроен так, как угодно оккупантам. Повсюду указатели на английском языке.

Оккупанты в Японии

Американцев видишь повсюду в японской столице. По Гинзе[1] мчатся американские машины — яблоку негде упасть. Всех цветов и марок, чаще же зеленые, оккупационных воинских частей. Можно подумать, это Бродвей. Американцы толпятся у баров, у пивных, у лавочек. Их всегда можно узнать по этакой петушиной осанке, по тому, как важно ступают они, словно несут на головах сосуды с водой, изредка поглядывая мельком, как на неодушевленные предметы, на тех, кто не принадлежит к их «высшей» расе.

Американские вояки больших и малых рангов привыкли думать, что за доллары здесь можно купить все. Возвращаясь в Америку, иные из них вздыхают, как этот молодчик из Чикаго, написавший в «Джапэйн Адвертайзер»: «Я никогда не вел такую роскошную жизнь, как в Японии. В Токио я имел три прислуги, нам подавали завтрак в постель, для разнообразия я разъезжал на рикшах».

Все, кто составляет американскую машину закабаления Японии, приучаются к мысли, что они прибыли сюда властвовать и повелевать. Вот на углу этой площади стоит указатель с широкими стрелками. На них отчетливо выписано: «Стрит» и «Авеню». Даже распорядок уличного движения здесь перестроен так, как угодно оккупантам. Они не считаются ни с обычаями, ни с национальным достоинством японцев.

В Токио, насчитывающем шесть миллионов населения, около миллиона безработных мужчин и женщин. Американские империалисты превращают Японию в страну рабов и нищих. Разверните токийские газеты — сколько вы узнаете печальных и страшных историй! Несколько дней тому назад на токийскую станцию Иоцуя пришла Харуко Тагами с пятилетней дочерью. Пассажиры слышали, как девочка пожаловалась перед этим матери, что ей холодно. «Сейчас будет тепло»,— сказала мать и кинулась с дочкой под поезд. И каждый день в Токио узнаешь: отравились, бросились в реку, повесились... Часто целыми семьями. Это сегодняшний день Японии.

Горькая действительность наложила свой отпечаток на людей. Озабоченно и угрюмо осунувшееся, бледное лицо простого японца. Он торопливо и молча проходит мимо зеркальных витрин магазинов, словно стараясь скорее укрыться от шумной, лихорадочной уличной суеты, от ощущения гнетущей, всюду преследующей беды, в которую попала страна.

Но нет, не только выражение отчаяния и безысходного горя видишь на лицах трудящихся Токио. Все чаще проступает на них пламенный отблеск гнева, жажда борьбы за свободу, за независимость родины.

Против тех, кто не хочет мириться с колониальным американским гнетом — а не хочет с ним мириться весь народ, — оккупанты и правительство Иосида бросают отряды полиции, мобилизуют судебную машину, учиняют все новые провокации, вводят новые драконовские законы. Мне довелось побывать на двух судебных процессах в Токио. В верховном суде слушалось дело группы токийских студентов, вся вина которых была в том, что они протестовали против увольнения демократически настроенных профессоров. А неподалеку, в здании личной охраны Риджуэя, американский военно-полевой суд на-

[1] Одна из центральных улиц Токио.

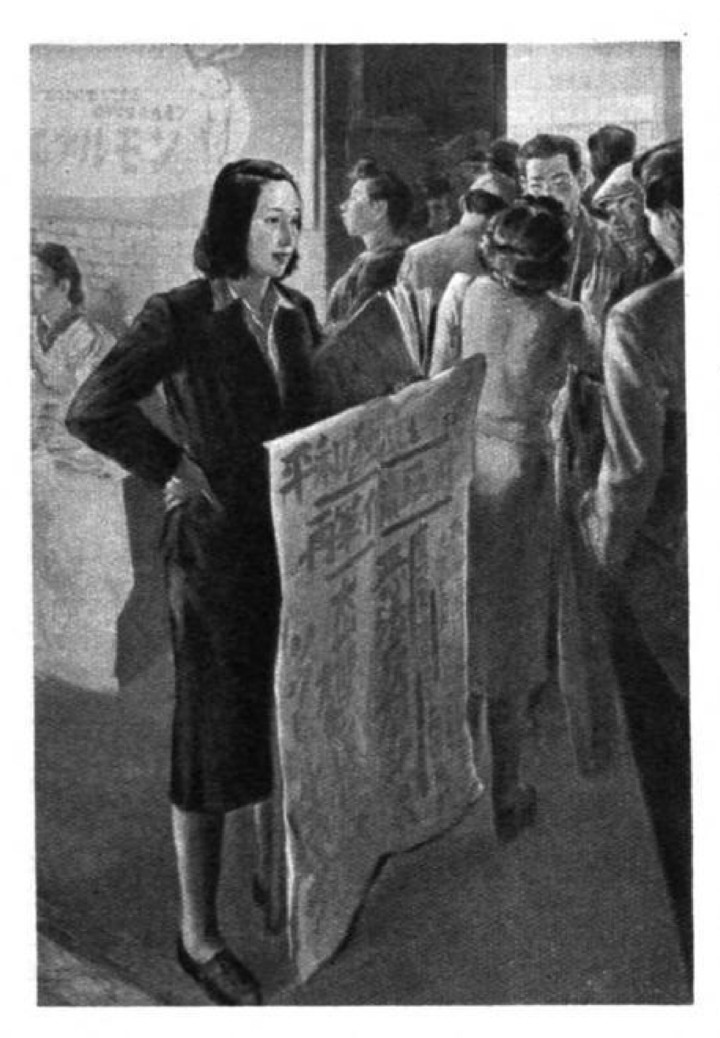
Сатирическая картина, изображающая взаимоотношения оккупантов и их японских марионеток. (Выставка прогрессивных художников Японии. Автор картины — художник-рабочий Наказима.)

На улицах Токио.

Полиция разгоняет инвалидов войны, устроивших в парке Скиабаси манифестацию протеста против военных приготовлений правительства Иосида.

Картина художника Синкай Какуо, изображающая активную сторонницу мира Тадзимо Кимико.

чал процесс семи японских патриотов, которые открыто сказали, что не хотят видеть родину порабощенной американскими монополиями. И тот и другой «суд» не более, как грязная комедия, заранее предрешенная расправа.

Тысячи людей, участвующих в манифестациях и забастовках, выбрасываются за ворота заводов и фабрик. Полиция сплошь и рядом пускает в ход оружие.

21 февраля... День борьбы с колониальным гнетом. В Токио и во многих других городах Японии состоялись бурные митинги и демонстрации трудящихся. В токийском районе Ота полиция открыла стрельбу по демонстрантам. Близ станции Сибуя шестьсот полицейских окружили группу молодежи и начали зверски избивать ее палками. Несколько человек получили тяжелые увечья.

Но американским оккупантам не задушить демократические силы Японии! Эти силы растут и крепнут с каждым днем. По всей стране возникают все новые местные комитеты защиты мира— их уже около двух тысяч. Во Всеяпонский комитет мира входят крупнейшие прогрессивные деятели страны.

Трудно даже представить себе, как велико число людей, которые на улицах, на заводах, в квартирах, в учебных заведениях зовут простых граждан Японии поставить свои подписи за мир.

Вот двадцатичетырехлетняя Тадзимо Кимико, продавщица газет. Каждый вечер она появляется в одном из людных районов Токио с лачкой демократических газет и журналов. У ее лотка — лозунг: «За мир, против перевооружения Японии!» Тысячи подписей за мир собрала эта молодая женщина. Каждую неделю ее по нескольку раз таскают в полицейский участок, отбирают литературу, грубо оскорбляют. Но она неизменно появляется на своем месте, как солдат на посту.

Идея защиты мира все больше пронизывает собой произведения передового японского искусства, ярко передающие настроения простых людей Японии.

Недавно нам довелось слышать, как токийский молодежный хор с огромным воодушевлением исполнил песню, в которой есть слова:

И сидя в холодной тюрьме,
Мы будем бороться за
правду.
Глядя на железную
решетку,
Мы поем песню: «За мир».

Эти слова написаны рабочим Никамия Ютака, привлеченным к суду по так называемому делу Мацукава. Он прислал текст песни из тюрьмы.

Растущее сознание простых людей Японии озарили, как яркий луч солнца, проникновенные, теплые слова приветствия товарища Сталина. В этом все больше убеждаешься, встречаясь повседневно с горожанами, жителями сел, студентами, представителями интеллигенции. Почти каждый раз в конце беседы они обращаются с просьбой:

— Передайте, пожалуйста, товарищу Сталину вот это.

И подают узенький конверт с письмом. И сколько в этих словах искреннего, горячего чувства благодарности к товарищу Сталину! Это имя стало светочем мужественной борьбы миллионов трудящихся Японии за свою свободу и независимость.

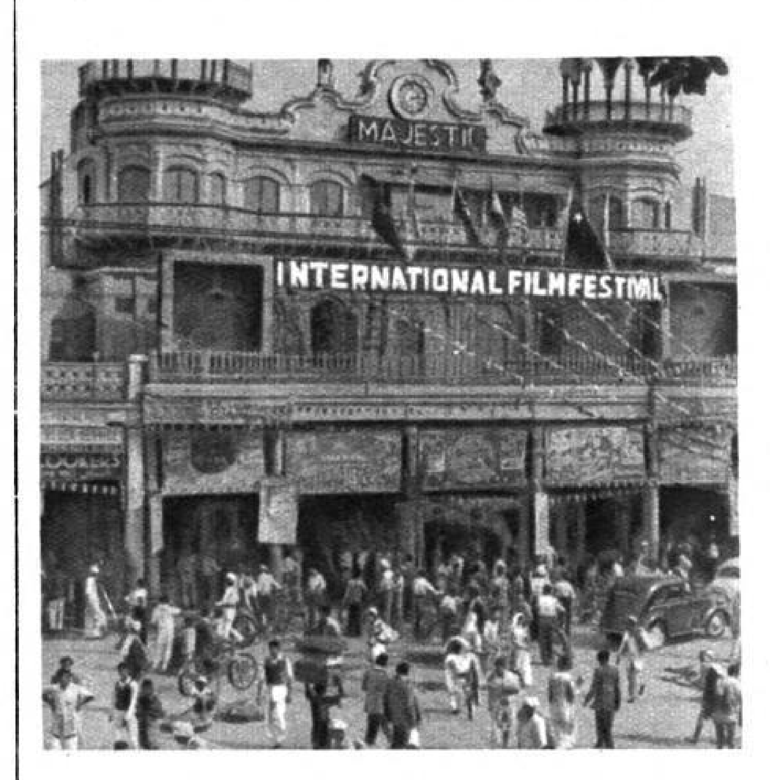
А. Кожин

Токио, Март, 1952.

Многотысячная демонстрация трудящихся Токио, протестующих против антирабочих законов и военного бюджета.

Слово индийского народа

Кинотеатр «Мажестик» в городе Дели.
Фото Г. Монгловской

Закончился Международный кинофестиваль в Индии. В течение пяти недель жители четырех крупнейших городов страны — Бомбея, Мадраса, Дели, Калькутты — поочередно знакомились с киноискусством двадцати трех стран, принимавших участие в фестивале.

СССР, Китай, Чехословакия, Румыния, Венгрия, США, Англия, Франция, Италия, Египет и другие страны показали более пятидесяти картин. Около трети всех демонстрировавшихся фильмов принадлежит СССР, Китаю и странам народной демократии.

На фестивале не присуждались премии: на этом настояли американские киноdельцы, опасаясь повторения провала, который потерпела голливудская продукция на Международном кинофестивале в Каннах в 1951 году. Но индийский народ оценил показанные на фестивале фильмы: переполненные залы, бурные аплодисменты, требование дополнительных сеансов, распродажа билетов за неделю до демонстрации фильмов — так встречали советское киноискусство. А рядом — полупустые кинотеатры, в которых демонстрировалась голливудская стряпня.

В день открытия фестиваля в Бомбее в трех из семи кинотеатров шли советские фильмы «Падение Берлина», «Мусоргский» и «Донецкие шахтеры». Зрительные залы были заполнены до отказа. Вокруг кинотеатров стояли огромные толпы зрителей, не сумевших достать билеты. Владельцы кинотеатров по настоянию публики обратились в комитет с просьбой о дополнительных сеансах фильма «Падение Берлина». Но и на сеансы в двенадцать и три часа ночи все билеты были раскуплены.

Большим успехом у зрителей пользовались фильмы Китайской Народной Республики, а также стран народной демократии — фильмы, повествующие о новой, счастливой жизни народов этих стран. С интересом были встречены итальянские фильмы «Рим — открытый город», «Похитители велосипедов» и другие картины.

Исключительно тепло приняли в Индии делегацию советских кинематографистов. Всюду, где бы ни появлялись советские артисты, их встречали цветами, овациями, горячими приветствиями в честь советского народа и товарища Сталина. На многотысячных митингах, пресс-конференциях, во время встреч и бесед наши делегаты убеждались, как велик интерес индийского народа к Советской стране.

«Мацеста» на заводе

Стремительный поток горячей воды день и ночь мчится по дну небольшого оврага и, завершая свой недолгий путь, впадает в большое «горячее озеро». Вода здесь красная благодаря большому количеству содержащейся в ней рудной пыли и имеет резкий запах серы.

Этот поток горячей воды берет свое начало у доменного и мартеновского цехов металлургического завода имени Петровского. Охлаждая раскаленный шлак, вода нагревается и жадно вбирает сернистые примеси, которыми шлак так богат. «Горячее озеро» — это огромный отстойник сточных вод на берегу Днепра, в Днепропетровске.

Много лет назад было обнаружено, что сточные воды обладают замечательными целебными свойствами: они содержат сернистые соли и сероводород. Оказалось, что по своему химическому составу эти воды родственны знаменитым сернистым источникам Мацесты.

«Заводская Мацеста» особенно широкую известность получила после того, как здесь была оборудована небольшая водолечебница. Из Киева, Харькова, Одессы, Полтавы сюда приезжали на лечение больные подагрой, ревматизмом, гангреной.

После войны интерес к целебным водам «горячего озера» еще более возрос. Сейчас заканчивается строительство нового просторного здания сероводородной лечебницы. Тут оборудуются ванные, комнаты отдыха, душевые. Ежедневно лечебница сможет обслужить 300 человек, не только рабочих завода имени Петровского, но и металлургов других предприятий Приднепровья.

Ал. АХМАТОВ

Кадр из фильма «Советская Грузия».

«СОВЕТСКАЯ ГРУЗИЯ»

Немало интересных документальных фильмов, посвященных жизни советских республик, прошло перед зрителями за последние годы. Сейчас эта серия пополнилась новой поэтичной и содержательной картиной — «Советская Грузия» [1].

Любовно запечатлены в картине успехи народного хозяйства, рост благосостояния и культуры Грузии, глубокая дружба, связывающая русский и грузинский народы.

...Издавна славится красотой и богатством щедрая природа Грузии. Но, любуясь великолепными пейзажами, открывающими фильм, обращаешь внимание на то, как преобразил грузинскую землю труд советского человека. Широкие асфальтированные шоссе изрезали горы и долины Закавказья, над глубокими ущельями плывут вагонетки канатных подвесных дорог; заключенные в трубы водопады несут свои потоки к турбинам электростанций; парки, стадионы, кварталы новых домов украшают столицу, города и села республики.

Фильм раскрывает коренные изменения в труде и в быту народа. Авторы не ограничиваются рассказом о производственных успехах мастера скоростных плавок Бердзанишвили. Они показывают его в кругу родных, а затем во время отпуска в деревне. Так возникает лаконичный, но убедительный очерк о жизни одной рабочей семьи.

Не менее ярко показан в картине и современный облик колхозного села. Молодая крестьянка собирается на учебу в один из тбилисских вузов. Прощаясь с подругой, она оставляет ей свою домашнюю библиотеку. Будущую студентку на собственном автомобиле отец увозит в Тбилиси.

Зрители видят на экране встречу двух боевых друзей, Героев Советского Союза: в гости к Мелитону Кантария приезжает из России Михаил Егоров. Их связывают крепкие узы фронтового братства.

...Гори, Дом-музей товарища Сталина. Миллионы людей приходят сюда, на родину друга и учителя всех народов. С берегов Ледовитого океана приехал учитель-якут, из Средней Азии — строители Главного Туркменского канала. На экране представители свободного Китая, героической Кореи, отважная дочь французского народа Раймонда Дьен, негры из южных штатов Америки, индиец с берегов Ганга. Как много мыслей и чувств будят эти волнующие встречи!

Торжественными кадрами открытия Самгорского оросительного канала заканчивается фильм «Советская Грузия». Ликующий народ возгласами и цветами приветствует воду, пришедшую на сожженную солнцем землю.

О. ОЛЬГИНА

[1] Авторы — режиссеры С. Долидзе, Р. Кармен. Операторы — Д. Канделаки, З. Фельдман, Ш. Гегелашвили, Р. Кармен. Композитор — А. Кереселидзе. Текст Д. Думбадзе, И. Бачелиса, Е. Кригера. Производство Тбилисской киностудии.

Кино в полевом стане

— Киномеханик приехал! Радостно встречают желанного гостя в полевых станах колхозов Ипатовского района, Ставропольского края.

В прошлом году Ипатовский отдел кинофикации вошел в число победителей всесоюзного социалистического соревнования. Ему были присуждены третья премия и грамота Министерства кинематографии СССР и ВЦСПС. Ныне, в пору весеннего сева, киномеханики стараются работать еще лучше. Недавно они получили узкопленочный киноаппарат.

Один из лучших киномехаников Ипатовского района, комсомолец Иван Фоменко, знакомится с новым узкопленочным киноаппаратом «Украина».

Фото К. Хмара

НЕДЕЛЯ ЛЫЖНОГО СПОРТА

Есть у нас города с ярко выраженным «спортивным профилем». Скажем, в Туле увлекаются велосипедом, в Кирове — коньками, в Каунасе — баскетболом, в Свердловске — лыжами.

Подступающие к Свердловску Уктусские горы, поросшие соснами, давно уже облюбованы лыжниками, стали местом крупнейших состязаний. Это своеобразная «академия» лыжного спорта.

В нынешнем зимнем сезоне Уктусские горы выдержали невиданную «нагрузку»: склоны сплошь исполосованы лыжными следами. Тут в феврале и марте состоялось множество состязаний. Начальнику дистанций соревнований на первенство СССР Н. Емельянову и его бригаде пришлось основательно потрудиться, прежде чем проложить лыжню на новых местах.

Соревнования продолжались без малого неделю. Разыгрывались эстафеты, бег патрулей, гонки на дистанциях от 5 до 50 километров.

Возле места старта и финиша в эти дни раскинулся маленький городок: фанерные будки судейской коллегии, брезентовые палатки спортсменов, над которыми ровными столбиками поднимался вверх дым. Почти все время стояли морозы, и в железных печах огонь поддерживался непрерывно.

Радисты первыми нарушали предутреннюю тишину, налаживая связь.

— Мельница, мельница, я сосна, как вы меня слышите?

На свои места отправлялись контролеры. Позже на автобусах приезжали участники состязаний. Они делали короткие пробежки, пробовали, как скользят их длинные легкие лыжи, правильно ли подобрана мазь.

Один за другим в затылок выстраиваются спортсмены. Судья держит флаг.

— Внимание... — предупреждает он. — Марш!

Лыжник, боясь потерять хотя бы одну десятую секунды, стремительно начинает гонку. Скорость, быстрота действий решают в конечном счете все. Сто девяносто четыре человека вступили в борьбу. Зрители видели и прославленных мастеров и совсем молодых, впервые участвующих в соревнованиях на первенство СССР спортсменов.

За право называться лучшим лыжником 1952 года сражались мастера старшего поколения Василий Смирнов, Анатолий Борин, Петр Володин, Михаил Протасов, Павел Орлов, мастера среднего поколения Владимир Оляшев, Валентин Матюшенков, Герман Чернев, Петр Морозов, Федор Терентьев и молодежь, имена которых ничего не говорили даже искушенным зрителям, знатокам лыжного спорта. Вряд ли кто мог предположить, что именно эти молодые спортсмены основательно потеснят бывалых лыжников.

Через каждые 30 секунд уходили со старта участники. Энергично отталкиваясь палками, отправился в путь мастер спорта свердловчанин Анатолий Борин. У него большой опыт, длинный список побед на крупнейших состязаниях. Один из его учеников, Эльмар Лилле, стартовал на минуту позже. Он, конечно, и не предполагал, что сумеет обойти своего учителя. Но случилось именно так. Вскоре Лилле приблизился к Борину. Есть правило, по которому спортсмен, если его догнали, обязан уступить лыжню.

— Разрешите вас обойти, — обратился Лилле к Борину.

И ученик обошел учителя.

Итоги гонки на 18 километров опрокинули все прогнозы. В числе первых десяти победителей только трое опытных, хорошо известных мастеров, остальные — молодежь. В самом деле, что, например, знали о молодом лыжнике Викторе Бутакове, спортсменах Федоре Макарове или Михаиле Мизюкаеве?

Из тех, кто впервые попал в число призеров, хотелось бы рассказать о Павле Колчине. Этот 22-летний лыжник стал любимцем зрителей. Застенчивый, худощавый, он не производит впечатления такого рода спортсменов, о которых говорят: «Пышет здоровьем» или «Парень кровь с молоком». Но сколько в нем неудержимого задора, хорошего спортивного азарта!

Колчин движется вперед. В прошлом году на первенстве СССР в гонке на 18 километров он занял 108-е место, а в нынешнем — третье. Павел Колчин — уроженец Ярославской области. Его первой лыжной школой были крутые волжские берега.

В лыжном марафоне — беге на самую длинную дистанцию, 50 километров, — признанные мастера, на стороне которых опыт, хладнокровие и выдержка, взяли реванш за тяжелое поражение в гонке на 18 километров. Петр Володин сохранил за собой звание чемпиона СССР. Вторым был Борин.

Состязания женщин прошли без таких сюрпризов. Но борьба все же была волнующей. Достаточно сказать, что победительницы гонки на 10 километров ленинградские спортсменки общества «Искра» Любовь Ватина и Валентина Царева показали одинаковый результат. Случай, очень редкий в практике лыжных состязаний.

Гонку на 5 километров выиграла Ульяна Ярмоленко. Она затратила на всю дистанцию 18 минут 53 секунды. Второе место осталось за ленинградкой Валентиной Царевой. Любопытно, что и Ярмоленко и Царева выросли на Волге: первая — в Ярославле, вторая — в Костроме.

Общекомандное первенство завоевал коллектив лыжников Советской Армии.

Зимний сезон подходит к концу. И не будет преувеличением, если мы скажем, что наши гонщики заметно продвинулись вперед. Об этом красноречиво свидетельствуют результаты.

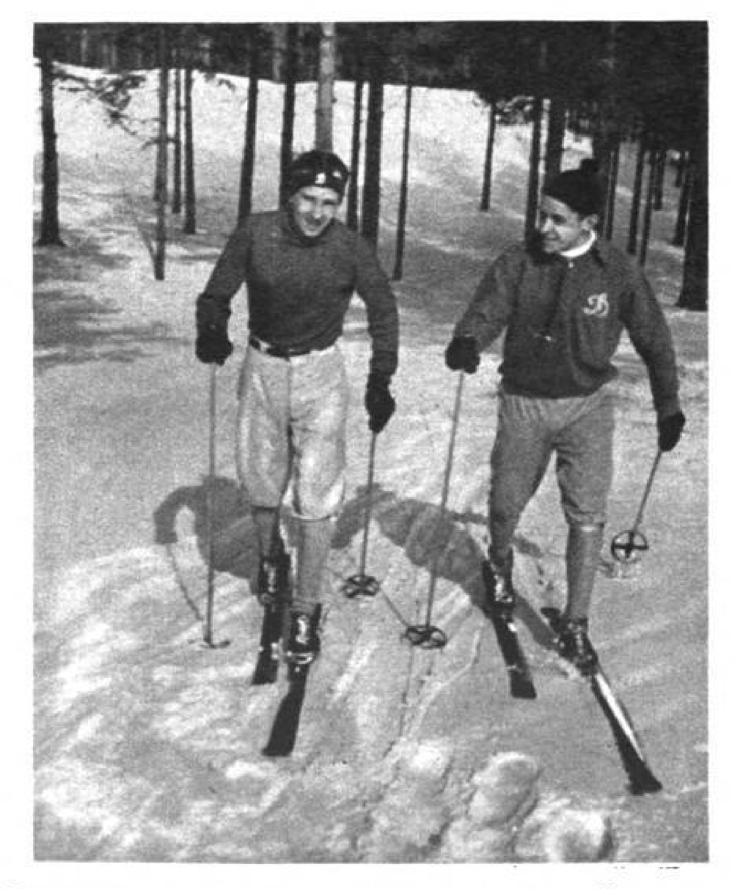
И. ЕФИМОВ

Свердловск.

— Лыжи придется перемазать...

Фото В. Захарова

Солнечный морозный день. Легко дышится на Уктусских горах. В канун Всесоюзных лыжных состязаний Валентин Матюшенков (слева) и Павел Колчин проводят последнюю тренировку.

В день годовщины смерти автора музыки «Интернационала» Пьера Дегейтера. Морис Торез выступает с речью перед трудящимися Сен-Дени.

В СЕН-ДЕНИ

Р. ИЗМАЙЛОВА

Если вы обратитесь поочередно к нескольким французам и спросите их, что интересного есть в городке Сен-Дени, вам ответят по-разному:

— Ну, конечно, туда нечего ездить. Это «столица лачуг».

— Поезжайте. Там усыпальница французских королей. Ведь аббатство Сен-Дени — это наша гордость!

— Дым, грязь, заводская духота, и дети, представьте, играют на тротуаре. Это — мрачное место. Во Франции есть другие, более прекрасные уголки.

— Конечно, надо увидеть Сен-Дени. Там работает мэр-коммунист — наш товарищ. В Сен-Дени боевые ребята!

Что же такое Сен-Дени? И кто прав из этих людей: пожилой ли француз, одетый в дорогой светлый костюм, с газетой «Фигаро» в руках; изящный ли адвокат средних лет, подчеркивающий, что во Франции можно смотреть только её старину и памятники архитектурного искусства; дама ли с двумя черными пуделями на поводке, вышедшая их прогуливать до обеда, или юноша в берете и синей блузе, остановивший свой велосипед, чтобы перекинуться словцом с товарищем, продающим на углу воскресный выпуск «Юманите»? Каждый из них сказал то, что думает, и в каждом из этих ответов — портрет человека, его место в обществе.

Мрачный облик Сен-Дени поражает человека, отъехавшего всего семь километров от центра Парижа и увидевшего эти узкие улицы, обветшавшие стены домов, окна, в которых на веревках сушат белье, женщин с ведрами у водопроводных колонок. Нужда, нужда кругом!

Вот дверь в квартиру, и под ней такая щель, что черной тощей кошке не надо даже пригибаться, чтобы войти к себе домой. Как тут, должно быть, дует в осенние дни! Неприглядно вокруг.

Вот маленький дворик в соседнем доме; дети вернулись из школы. Они всегда тут играют, на этом каменном квадратике земли, замкнутом четырьмя грязными стенами и клочком серого, дождливого неба.

Часто встречаешь развалины, следы войны: Сен-Дени выдержал шесть бомбардировок. Три тысячи двести семей до сих пор здесь остаются без крова. Худая слава у этого города. Ведь многие годы Сен-Дени занимал во всей Франции первое место... в статистике детской смертности от туберкулеза. Была неважная больница, разрушающиеся школы, многие жилища без воды, без газа, без света. А ведь Сен-Дени снабжает электричеством и газом огромный Париж.

Тут нет парков. Куда уйти детям от тяжелого воздуха, насыщенного пылью заводов и фабрик и отбросами химических предприятий? Домой? Но теснота такова, что во многих рабочих квартирах дети спят по пять — шесть человек в одной кровати. В муниципальном совете подсчитали, что 1 395 семей не имеют кухни, 2 106 семей обходятся без электричества, 9 233 — без водопровода. И это не дальняя, затерянная в глуши деревня. Это всего несколько километров от Парижа. Сен-Дени — это город, имеющий много заводов, а в его великолепном аббатстве почивают короли Франции в роскошных мраморных саркофагах, богато украшенных скульптурой.

Перелистывая страницы истории

В королевской усыпальнице тихо и сыро, перекликаются голуби, залетевшие под высокие своды аббатства, и слышен торжественный голос гида, ведущего группу приезжих англичан. Он показывает им гробницы Людовика XII, Генриха II, Катерины Медичи, вазу с сердцем Франциска I, коленопреклоненную статую Марии-Антуанетты. Саркофаги редчайшей художественной ценности, с превосходно исполненными барельефами, гербами, распятиями из слоновой кости. Красив портал аббатства Сен-Дени. О прошлом Сен-Дени, о военных заслугах этого стариннейшего уголка Франции много написано в исторических книгах. В двенадцатом веке Людовик VI воевал здесь с немцами, вторгшимися во Францию. В 1346 году Сен-Дени изгнал англичан, явившихся грабить аббатство. Во время Французской революции народ ворвался в это «святилище» и выбросил на улицу, в общую яму, кости многих французских королей.

Много раз маленький городок служил ареной военных действий. Население Сен-Дени, отличавшееся своим патриотизмом, всегда откликалось на призыв родины. Здесь сформировался в 1792 году знаменитый народный «батальон Сен-Дени» из шестисот добровольцев, покрывший себя славой в битве при Вальми, участвовавший в изгнании прусских и австрийских войск. В 1871 году, в дни немецкой оккупации, в канале и в речке по ночам топили пруссаков. И снова, в годы второй мировой войны, партизаны Сен-Дени героически сопротивлялись гитлеровским захватчикам.

Партизаны за мирной работой

Мы встретили некоторых из этих партизан в большом зале городского муниципалитета. И здесь воспоминания о прошлом, только совсем недавнем, сопровождают вас. Стены зала мэрии сплошь украшены живописными фресками, названными «Деревья свободы». Лес, богатый и ветвистый, узорные листья дуба и бука, бесчисленные птицы на ветвях... И в тени густых деревьев фигуры людей, занятых чисткой оружия. Вот люди строятся, чтобы выступить боевой колонной. А там они дают клятву у выцветшего, старого знамени. Здесь группа готовится идти в разведку. Это лес свободы, партизанский лес, молчаливый, настороженный, грозящий гибелью врагам родины. Писал эти фрески известный демократический Франции художник Жан Амбляр, сам партизан и участник Сопротивления.

За столами в мэрии сидят оставшиеся в живых партизаны; они заняты мирной работой. Впрочем, трудно назвать ее мирной. Это постоянная, настойчивая борьба за то, чтобы изменить угрюмый облик своего городка, облегчить участь 75 тысяч трудящихся, проживающих в Сен-Дени.

Огюст Жило, сорокалетний мэр, коммунист и в прошлом партизан,— фигура, ненавистная для реакционеров и популярная среди трудового населения городка. Жители Сен-Дени очень многим обязаны своему мэру и его помощникам, которых правительство упорно, нагло и мелочно преследует. В январе прошлого года сендени́йцы вдруг узнали, что их мэр... на три месяца уволен в отставку. За что? Правительству не понравилось, что рабочие Сен-Дени, включая и служащих из мэрии, отправились большой колонной в Париж, чтобы участвовать в мощной демонстрации на Елисейских полях против приезда Эйзенхауэра. Не успел Жило вернуться к работе, как его заместителя Анри Барона, тоже бывшего партизана, отстранили от работы на месяц — за то, что он выступил в защиту прав бастующих газовщиков.

— Ничего, ничего! — улыбается Жило.— Нас этими «мерами воздействия» не напугаешь! Знаете ли вы, когда в нашем Сен-Дени была первая забастовка, сведения о которой дошли до нашего поколения? В 1461 году, вот когда! В тот год в Сен-Дени несли

Мэру-коммунисту досталось трудное наследство — «столица лачуг» и все ее бедствия...

из Парижа останки короля Карла VII, чтобы похоронить в королевской усыпальнице. И вот, пройдя полдороги от Парижа, носильщики поставили королевский гроб на землю и заявили, что за столь низкую плату дальше не пойдут, пусть прибавят десять ливров! Казначей пробовал урезонить носильщиков ударами палкой, но забастовщики стояли на своем, и ему пришлось уступить. Давненько это было, методы борьбы иные, но все мы потомки этих далеких забастовщиков,— смеясь, говорит Огюст Жило...

...В зал приносят большие схемы, чертежи, карты. Это планы реконструкции Сен-Дени; их показывают нам советники муниципалитета.

Морис Торез еще в 1936 году, обращаясь к муниципальным советникам-коммунистам одного из французских городов, говорил:

— Стройте жилища, развивайте деятельность, охраняющую детей, устраивайте детские сады, консультации для грудных детей, помогайте старикам-рабочим.

Это и делают коммунисты в муниципалитетах многих городов Франции, показывая на своем маленьком участке, что могло бы сделать действительно демократическое правительство, если бы оно управляло страной.

Коммунистическая мэрия творит и воюет. Всем известно, что это значит в условиях французского капиталистического государства.

Черты нового в старом городе

В Сен-Дени строительство началось тогда, когда в правительство входили министры-коммунисты. Мэру-коммунисту досталось трудное наследство — «столица лачуг» и все ее бедствия. Надо было воевать против роста мрачной статистики смертей и болезней.

Но теперь в Сен-Дени уже есть что показать. Есть новые ясли в центральном квартале, есть они и в районе долины и на улице Урсулинок, строятся в поселке имени Ланжевена.

— Посмотрите на этот манеж-лесенку, где ребята учатся ходить,— говорит нам воспитательница.— Вы ее не узнаете? Мы увидели в «Юманите» фотографию московского детского сада и этот манеж, в котором ползунки делают свои первые шаги. Прямо по фотографии наши плотники сделали такой же для ребят рабочих Сен-Дени...

Мы идем дальше по поселку, и черты новой жизни, той, за которую борется и которую отстаивает коммунистическая мэрия, проходят перед глазами. Три консультации для грудных младенцев, дом медицинского осмотра школьников, пункт стерилизации молока. Вот необычное здание — одноэтажная школа; она вся из алюминиевых тонких листов. Оказывается, был такой печальный для городка день, когда внезапно рухнула — к счастью, вечером — одна из очень старых школ со всеми своими семнадцатью классами. Событие, правда, никого не удивило: это был четырнадцатый по счету рухнувший от ветхости дом в Сен-Дени. Где же учить ребят осенью? И мэрия решила спешно строить временную школу. Созвала всех, кто мог придти на помощь. И через три месяца, несмотря на семнадцать дней проливного дождя, «алюминиевая школа» была собрана, и в нее пришло учиться более четырехсот ребят.

Самым печальным временем для детей Сен-Дени всегда было лето.

В пору, когда все цветет и зеленеет, им негде было порезвиться. Выход был найден не сразу, но все же был найден.

— Не устроить ли нам «дни свежего воздуха» для детей? Ну, хотя бы по очереди?

Эта идея нашла многих защитников в муниципалитете. И вот в двадцати километрах от Сен-Дени, в сосновой роще, мэрия покупает дом с участком. Этот прелестный уголок — Мэриэль — теперь так любят ребятишки! По воскресеньям и четвергам, в дни отдыха во французской школе, дети выезжают, чтобы там, среди цветов, на лужайках, досыта надышаться свежим лесным воздухом. У муниципалитета есть еще две детские летние колонии — в департаментах Луары и Дордони,—третья подготовляется в Вандее. Но как много еще нужно, чтобы помочь детям Сен-Дени!

Все лучшее, что удалось создать в Сен-Дени коммунистам, носит имена дорогих французскому народу людей. Тут есть проспект товарища Сталина, улица Сталинграда, улица Габриеля Пери, улицы, названные именами писателя-коммуниста Вайян-Кутюрье, замученной немцами героини Франции Даниэль Казановы, есть улица Пьера Дегейтера, автора музыки «Интернационала». Поселок имени Поля Ланжевена, знаменитого физика, ставшего в годы второй мировой войны коммунистом, сильно отличается от мрачного облика старого Сен-Дени. Здесь выстроены новые дома, светлые и чистые, с квартирами по три — четыре комнаты. Появление этих домов было радостным событием для всего городка. Сюда приехали прогрессивные художники Пиньон, Сен-Санс и вместе с Жаном Амбляром расписали вестибюли новых рабочих квартир легкими, веселыми рисунками, придавшими домам уютный вид. Еще мало зелени, еще молоды тонкие, неокрепшие деревья, но уже теперь в стороне от вредных испарений заводов играют на воле дети поселившихся здесь рабочих.

Мэрия строит еще один новый поселок, который будет носить имя погибшего на фронте полковника Фабьена, 23-летнего храбреца, командовавшего партизанской дивизией. Тут будет размещено еще пять тысяч жителей, будут новые школы, магазины, больницы.

Трудно перечислить, сколько злобных препятствий ставит французское правительство этим благородным начинаниям. Какое дело американизированным правителям до нужд жителей рабочего города?! Весь французский бюджет они направляют в ненасытную пасть вооружений. Правительство думает только об интересах богачей. Когда в Сен-Дени были закончены 133 квартиры в поселке Поля Ланжевена, тогдашний министр «реконструкции» Клодиус Пети заявил, что в первую очередь государство «возместит военные убытки» нескольким собственникам, у которых были разрушены бомбардировками их личные дома. Восемнадцать месяцев борьбы пришлось выдержать муниципалитету Сен-Дени, чтобы вырвать в свое распоряжение 66 квартир для рабочих. Остальные министр Пети роздал бывшим домовладельцам, которые прекрасно устроены в Париже, вовсе не нуждаются в жилье и квартиры в этих новых домах продают по дорогим ценам. Так под покровительством государства толстосумов поощряется самая наглая спекуляция за счет трудящихся.

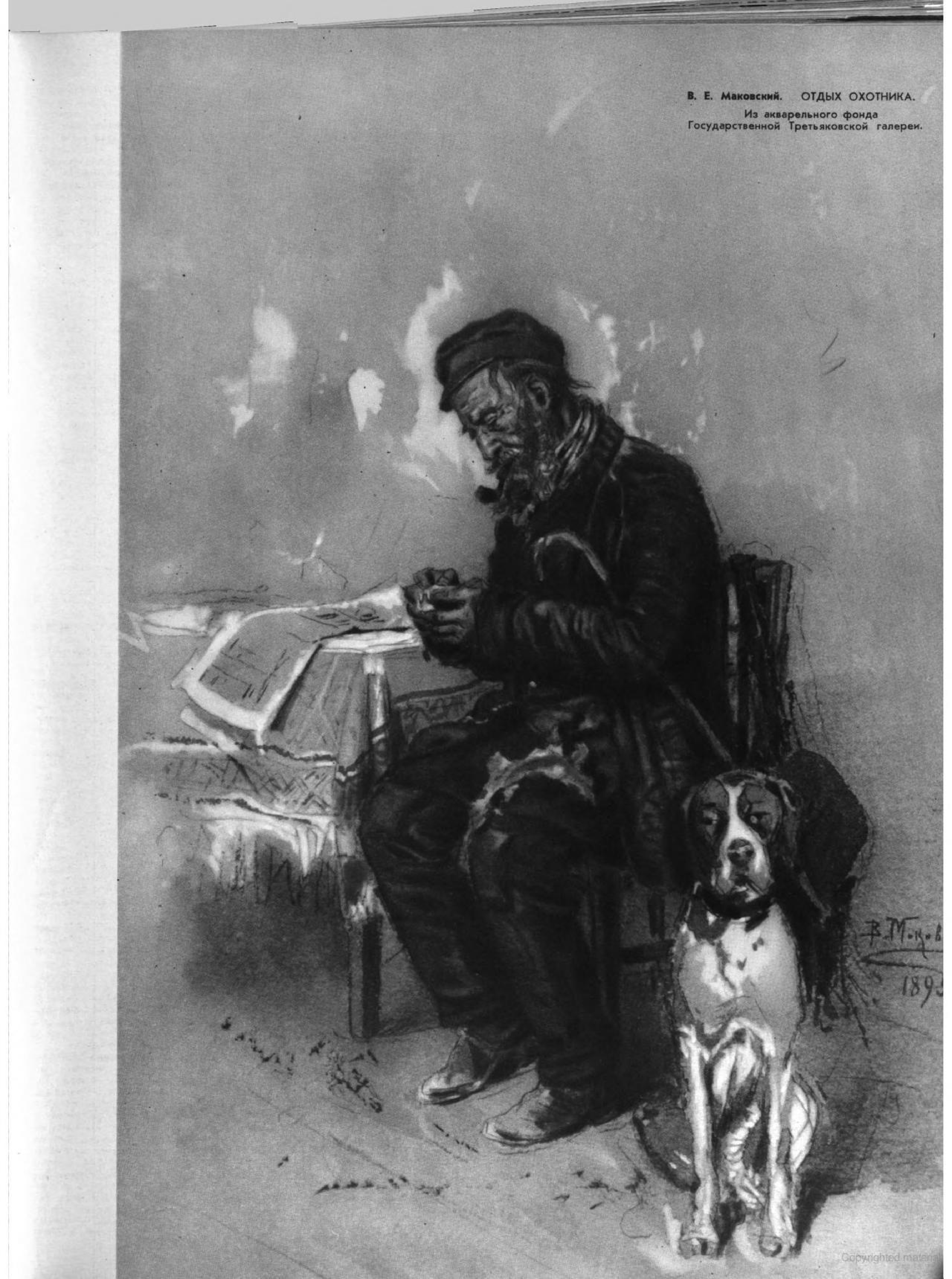
Мы проезжали по светлым, широким улицам новых поселков. Один из советников, бывший партизан, сказал:

— Вот о чем мечтал наш Фабьен со своими товарищами. Они воевали за новую жизнь, они отдали свою жизнь, чтобы народ Франции был счастливым. Но кто из нас тогда думал, что и в 1952 году нам снова надо будет бороться, чтобы защитить мир! — И он протягивает руку в направлении каменной стены, на которой ночью борцы за мир сделали свежую надпись: «Этот завод работает на войну! Долой поджигателей войны!».

Париж.

Мэрия Сен-Дени развернула строительство жилых домов для рабочих.

В. Е. Маковский. ОТДЫХ ОХОТНИКА.
Из акварельного фонда
Государственной Третьяковской галереи.

В. Е. Маковский.
ПОМЕЩИК.
Из акварельного фонда Государственной Третьяковской галереи.

В. Е. Маковский

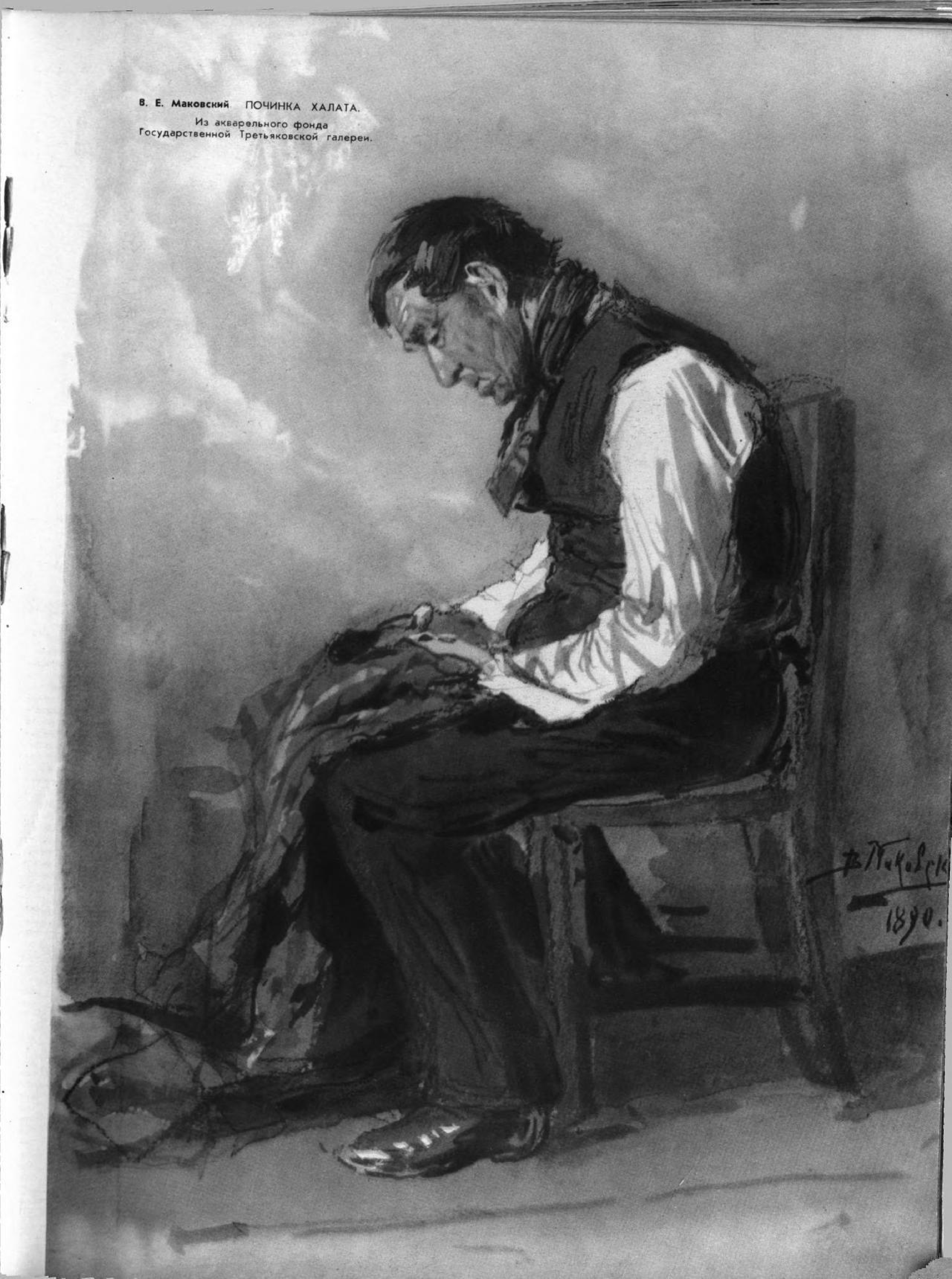
(1846—1920)

Творчество замечательного реалиста, одного из столпов Товарищества передвижных выставок, Владимира Егоровича Маковского, — увлекательная глава русской живописи. Маковский — бытописатель, жанрист. Его картины — это сцены, выхваченные из самой жизни. Глаз художника безошибочно меткий. Его наблюдения поразительно разнообразны.

Маковский никогда не успокаивался на достигнутом; упорный и трудолюбивый, он стремился расширять круг своих наблюдений, все время совершенствовал свое мастерство.

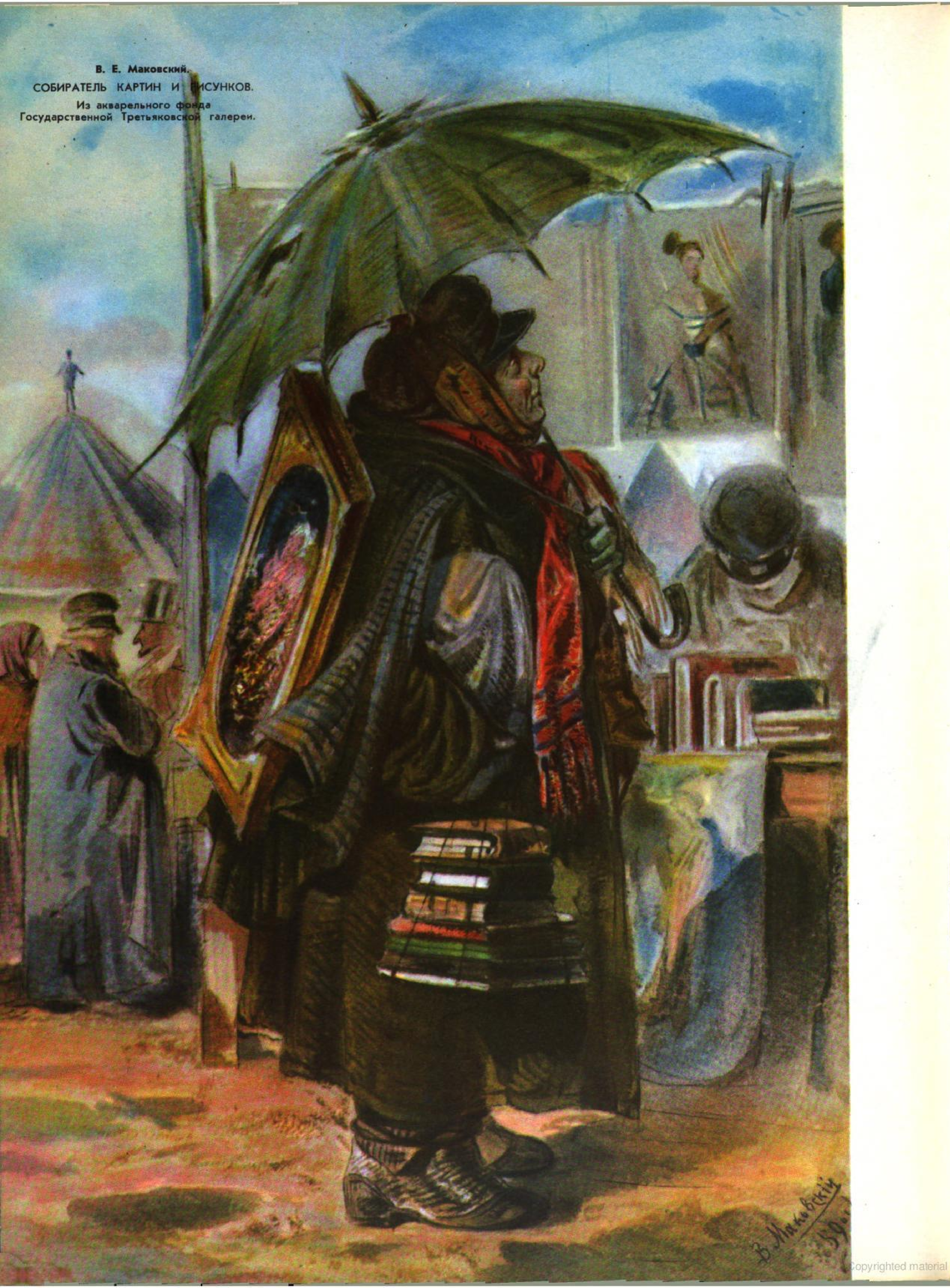
Известен следующий факт. Один иностранный художник, пораженный разнообразием типажа в картинах Маковского, обратился к мастеру: «Не сможете ли Вы познакомить меня со своими натурщиками?» Маковский, улыбнувшись, вывел гостя на шумную улицу: «Вот мои натурщики».

Мы публикуем произведения Маковского из акварельного фонда Государственной Третьяковской галереи. Превосходный рисовальщик, Маковский с равным успехом владел искусством и масляной живописи и акварели. Его акварели, типичные для него, — живые жанровые сцены. Некоторые из них использовались потом в картинах. Так, «Помещика» можно узнать на полотне «Наем прислуги» (Молотовская галерея).

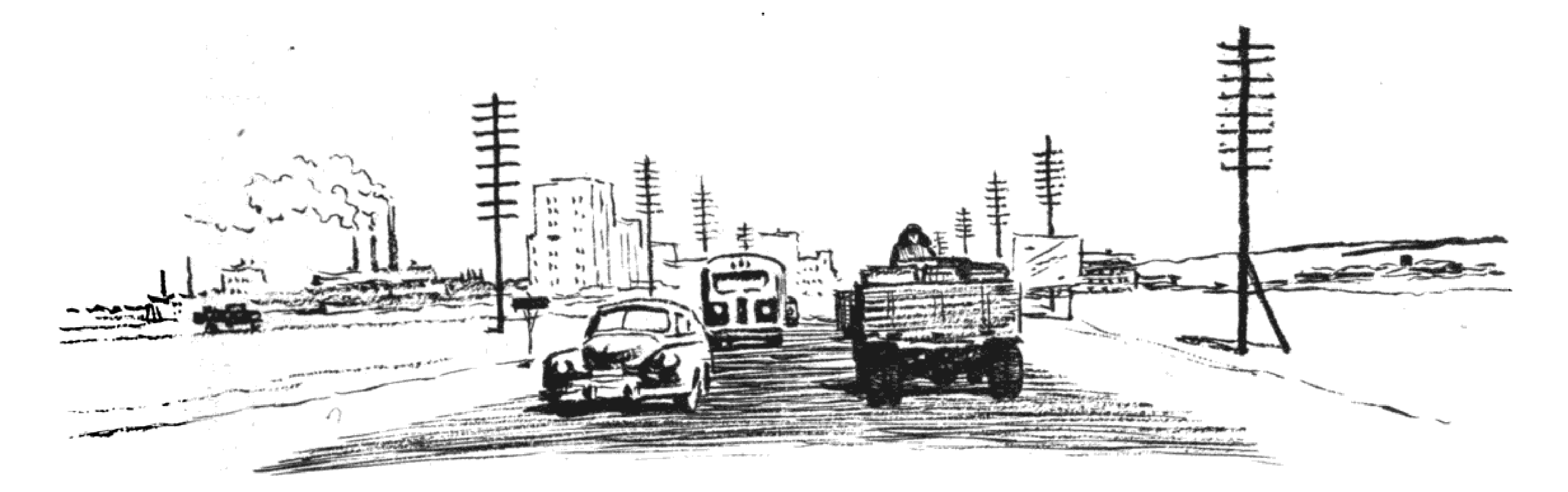

В. Е. Маковский. ПОЧИНКА ХАЛАТА.

Из акварельного фонда
Государственной Третьяковской галереи.

В. Е. Маковский.
СОБИРАТЕЛЬ КАРТИН И РИСУНКОВ.
Из акварельного фонда
Государственной Третьяковской галереи.

ПОКУПКА АВТОМОБИЛЯ

Рассказ

Ефим ДОРОШ

Рисунки О. Верейского

Семен Поликарпович Колиенко, председатель колхоза имени Ленина, собирался купить автомобиль.

Еще прошлой зимой, когда обсуждали предстоящие расходы, кто-то из членов правления сказал, что в обстановке укрупненного хозяйства руководителю без легковой машины никак не обойтись. Первая причина — земли семь тысяч гектаров; попробуй поспеть во всякое место на бегунках или в бедарке! А второе — то, что автомобиль необходим для представительства: на районное совещание съездить, в областные организации по каким-либо делам... Одним словом, куда ни кинь, не миновать купить «Победу».

Уже хотели было проголосовать, но Семен Поликарпович взял счеты, с грохотом сдвинул костяшки, положил шестнадцать тысяч, которые потребуются на покупку автомобиля, и тут же рассчитал, что на эту сумму можно приобрести картофелемялку, моторчик для пилорамы и сверлильный станок слесарям. Члены правления, как говорится, «потылицы зачесали»... Автомобиль, понятно,— хорошая вещь, но и вся эта механизация, которую перечислил председатель, тоже нужна бы в хозяйстве. Можно бы, правда, и то и другое осилить — капитал позволяет. Но, с другой стороны, как подумаешь, что вместо «Победы», без которой все ж таки обходились, появится в колхозе, к примеру, зернодробилка, да еще и мотор к веялке, да еще... А что, если и «Победу», и все эти моторы, и зернодробилку со всем прочим купить? Вполне, конечно, доступно. Но только опять же — шестнадцать тысяч! Это же ко всему перечисленному еще и насосы для поливки огородов добавить.

— Лучше уж я на свои деньги куплю,— предложил Колиенко.— В личное пользование.

Однако в ту зиму Семен Поликарпович не собрался с деньгами: надо было пальто дочери справить, и не какое-нибудь, а драповое, с котиковым воротником,— совсем уже взрослой девушкой стала Ивга. Да и по дому надо было кое-что купить: из белья, из посуды разной всячины, гардероб зеркальный... Тысяч пять — шесть и не видели, как разошлись. Пришлось отложить покупку автомобиля.

И вот недавно, недели за две до Нового года, достал Семен Поликарпович сберегательную книжку — вполне хватает на «Победу». Еще и останется тысчонка — другая, чтобы книжка яловой не гуляла.

— Ну как,— спросил Колиенко жену,— какую будем брать: лимузин или кабриолет?

— Та мне все равно! Когда бы это корова, я бы сказала...

— Вы ж, тату, зеленую берите,— вмешалась Ивга.— Или нет, голубенькую. Как у самого Даниденки... И чтобы приемник обязательно. Не жалейте уж денег.

Автомобиль можно было приобрести в Киеве, но Колиенко давно уже списался с одним московским знакомым, и тут как раз пришла телеграмма: срочно, мол, выезжай, ожидает машина. К тому же колхоз собирался отправить в столицу на новогодний базар трехтонку с продуктами: гусей штук пятьдесят, яблок титовки ящиков двадцать, сушеной вишни, чесноку, цыбули... Очень удобно получилось: не нужно тратиться на железнодорожный билет, и опять же свой человек при покупке будет — шофер Яков Середа.

Семен Поликарпович вызвал к себе в кабинет кладовщика, бегавшего по каморам и амбарам с пачкой ордеров. Высокий, тощий, в короткой замасленной стеганке, рукава которой были не по его длинным рукам, Микола Абрамович Робуль даже речи лишился от огорчения, когда услышал, что председатель собирается вместе с ним в Москву: это же хуже нет с хозяином ездить — посади его в кабину, а сам в кузове торчи!

— Так поездом же лучше! — проговорил наконец кладовщик.— Я ж вам и билет возьму. Хотите — мягкий, хотите — купейный. Поедете, как люди...

Но Колиенко раз уж решил что-нибудь, так наново решать не станет.

— Давайте, Микола Абрамович, завтра с утра и тронемся.

На другой день, еще темно было, Семен Поликарпович стал собираться в дорогу. Он побрился, взял с подзеркальника дочкин одеколон, налил в горсть и тщательно растер красное, в глубоких складках лицо, чуть блестевшее после бритья. Над рыжими его усами несколько вкривь торчал крупный горбатый нос. Семен Поликарпович натянул на ноги белые, как снег, фетровые бурки, надел отутюженный дочерью китель с отложным воротником, пришпилил орденскую планку и остался весьма доволен своей внешностью.

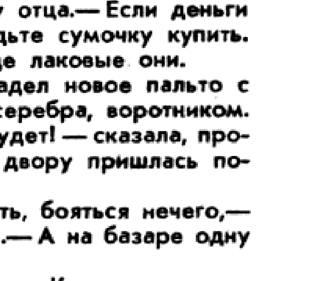
А в кухне уже сиял на столе самовар. Из-под крышки самовара свисали концы чистой холстинки. Жена проворно сняла крышку и вынула сваренные вкрутую яички.

Опорожнив первую чашку чаю, Семен Поликарпович спросил:

— Может, «Москвича» взять? Или, еще лучше, мотоцикл с коляской?.. Тогда бы и на пианино осталось и на швейную машину.

— Чертопхайку! — запротестовала жена. — Нет уж, когда покупать, так чтоб вещь была.

Где-то далеко в предутренней тишине еще не проснувшегося села возник рокот мотора. Сбрехнула собака, другая, третья... Задребезжала посуда на столе, в щели между створками ставней вспыхнул белый свет автомобильных фар, и возле крыльца остановилась машина.

Сырой и холодный воздух, смешанный с острым запахом бензина, хлынул в открывшуюся дверь.

Вошел Яков Середа, щеголеватый, подтянутый, в армейском тулупчике и высоких, до колен, ботинках, со всякими пряжками, шнурками, крючочками.

— Вы сейчас будете садиться? — спросил, поздоровавшись, шофер.— Или подождете, пока я за Миколой Абрамовичем сгоняю?.. Они там в погребе... Загорелось им кавунов соленых кадушку взять.

— Татусенька! — вспомнила вдруг Ивга и прижалась щекой к плечу отца.— Если деньги останутся, вы ж не забудьте сумочку купить. Такую... торбочкой... Вроде лаковые они.

Семен Поликарпович надел новое пальто с мерлушковым, будто из серебра, воротником.

— Нехай все хорошо будет! — сказала, прощаясь, жена.— Чтобы ко двору пришлась покупка.

— Если в магазине брать, бояться нечего,— авторитетно заметил Яков.— А на базаре одну копию продадуть.

Захлопнув дверцу кабины, Колиенко уселся поудобнее на кожаной мягкой подушке, и машина тронулась.

В хатах горели огни, топились печи, кизячный дым низко стлался над крышами, путался в черных и мокрых ветлах. Из-под колес грузовика летел мелкий гравий, которым посыпана была новая грейдерная дорога, барабанил по днищу кузова. У выезда из села, где над темной ровной степью возвышались двускатные крыши овощехранилищ, стоял в длинном, до земли, тулупе Микола Абрамович, махал руками, словно его могли не заметить.

— Я сейчас!.. Минуточку! — суетился кладовщик, умещая кадушку в задке машины.

— Дались вам те ка-

вуны,— проговорил, зевая, Семен Поликарпович.— Нужны они в Москве!..

Микола Абрамович усмотрел в этом замечании прямое вмешательство в его дела, но промолчал,— ох, то ли еще будет впереди! — закутался поплотнее в тулуп и привалился к задней стенке кабины.

За селом, где дорогу не успели покрыть, она раскисла, матово поблескивали большие лужи, вдоль обочин желтели разбитые машинами и бестолку втоптанные в грязь кучи щебня и гравия. В другое время Семен Поликарпович стал бы ругать шоферов, которые только и думают, как бы проехать по сухому, а что материал загублен, так им безразлично... Но сейчас он уже видел себя владельцем «Победы», и ему представлялось, как на ближайшей сессии исполкома он выступит с критикой дорожного отдела.

Из степи, подпрыгивая, катились через грейдер сквозные шары перекати-поля. Среди косматой озими торчали рядами бурые, исхлестанные ветром бодылья кукурузы, посаженной для задержания снега. Серое, мглистое небо по временам сеяло мелкий дождик, и стекла кабины покрывались косыми, похожими на царапины линиями...

В кабине было тепло. Уютно погромыхивал в ящике под сиденьем инструмент. Пахло нагревшейся резиной. Семен Поликарпович задремал.

Когда он проснулся, машина стояла. Впереди, за кустами бурьяна, дрожавшими на ветру, чуть выпуклая посередине, тянулась гладкая полоса асфальта, соединенная с грейдером пологим булыжным съездом. Вдоль съезда по обеим его сторонам врыты были в землю белые каменные столбики. «Государственная дорога»,— сообразил Семен Поликарпович.

Он опустил боковое стекло и высунулся наружу. Вокруг машины, пиная ногой скаты, ходил Середа, соскабливая пучком прутьев налипшую на колеса грязь, протирал борта и крылья.

— Теперь газанем! — сказал он, забираясь в кабину, посигналил для порядка, хотя впереди никого не было, и выехал на асфальт.— Симферопольское шоссе!..

Семен Поликарпович залюбовался прямой лентой асфальта, с двумя накатанными до черноты полосами. Мелькнули серебристые перила моста, по-зимнему темная вода неподвижной речки, болотистые, истоптанные скотиной берега. Навстречу бежали белые с черным километровые столбы, яркие от дождя рекламные щиты на тонких железных трубах. Со свистом рассекая воздух, мчались грузовики, легковые автомобили, автобусы.

И хоть бы одна лошадь встретилась! Для каждого дела были свои машины: для перевозки молока — длинные розовые цистерны с голубыми буквами на боку; уголь или кирпич везли в огромных железных корытах самосвалов. Даже коров, и то какие-то колхозники поставили в грузовик, загородив кузов решеткой из горбылей.

— Богатый шлях! — восхищался Семен Поликарпович.— Ой, богаты-ы-ый!..

Он то и дело поворачивался, глядел то вправо, то влево, читал дорожные знаки, на которых все, что тебе надо, написано: и сколько километров до какого города, и куда ведет ушедшее в сторону шоссе, и скоро ли будет заправочная станция.

— Яков! — толкнул он локтем водителя.— А ну, давай остановимся.

Выпрыгнув из кабины, Семен Поликарпович, словно какой-нибудь начальник или уполномоченный, осмотрел длинную, в белых столбиках дамбу, перегородившую устье обширной балки. Балка была наполнена зеленоватой, похожей на бутылочное стекло водой; медленно текла она плоскими светлыми струйками по вогнутой стене бетонной плотины, кипела и пенилась у входа в трубу. Семен Поликарпович выспрашивал случившегося здесь дядьку: велико ли зеркало пруда, зарыблен ли он, вовсе ли бесплатно построили дорожники плотину или же колхоз принимал трудовое участие?..

Не успели проехать и десяти километров, как Семен Поликарпович увидел впереди длинный товарный состав, нырнувший под путепровод. Как же тут было не остановиться, не сосчитать, сколько платформ тянет паровоз, сколько тракторов-челябинцев стоит на каждой платформе, тем более, что сверху все это будто на ладони!

Пощелкивая буферами, катились платформы; сквозь редкую гриву дыма, цеплявшуюся за высокие кабины тракторов, тускло поблескивали прямоугольные траки гусениц...

— Экскурсия у нас или что! — послышался сердитый голос Миколы Абрамовича, осипший от холода.— Мы ж так за неделю до Москвы не доедем... А у меня гуси!

Семен Поликарпович смешался, несколько виновато приказал Якову трогать.

Некоторое время он молчал, смотрел, как бежит под радиатор шоссе; оно начиналось далеко впереди у самого неба и было такого же серого цвета. Но стоило ему увидеть стоявшую на обочине колонну грузовиков, на которых, прижатые чуть ли не телеграфными столбами, возвышались огромные стога сена, и ему уже не терпелось остановиться, узнать у людей, какого они колхоза и откуда везут такое богатство. Он поглядывал искоса на заднее окошко, закрытое тулупом Миколы Абрамовича, вздыхал, а грузовиков уже как не бывало...

Под Новомосковском кладовщик начал вдруг стучать в крышу кабины.

— Базар у них сегодня,— сказал он, когда машина остановилась,— надо поглядеть, почем что.

Вокруг белого, с зелеными главами собора, на черной вязкой земле, в которую втоптаны были золотые соломинки, стояли, задрав оглобли, мажары и брички, сцепившиеся рулями велосипеды, грузовые машины; под задние скаты машин были положены ушедшие в грязь булыжники. В ином грузовике, нахваливая товар, дородная тетка встряхивала тяжелую и длинную плеть лука, и легкая кожура медленно кружилась над головами людей. С другой машины, принадлежавшей кооперации, сползая с вертевшегося в руках продавца деревянного метра, текли вниз, в кошелки колхозниц, яркие, трепетавшие на ветру ткани.

Покачиваясь, плыл на полуторке новый зеркальный шкаф. В забрызганной грязью коляске мотоцикла, то поднимаясь, то опускаясь, ворочался мешок с двумя визжавшими поросятами.

Веселый, шумливый дидусь в распахнутом тулупе взывал ко всему базару:

— Где тут, люди добрые, книжками торгуют? Или плакатами?..

Микола Абрамович сразу же нырнул в толпу, только треух его с развязанными, мотавшимися из стороны в сторону ушами виден был то в одном, то в другом месте.

А Семен Поликарпович с Яковом задержались возле собора.

Красив был собор! Высокий, легкий, он уходил в свинцовое небо строгими белыми стенами своими, обшитыми узкими дощечками; а где-то вверху — шапку уронишь — теснились зеленые купола.

— Между прочим,— заметил Середа,— говорят, без всякого гвоздя построена церковь.

— Не церковь, а храм! — вмешался дидусь.— Имени пресвятой троицы! Еще при запорожцах построен. И строил его нашей слободы Новые Водолаги простой житель Яким Погребняк.

— Да,— с уважением проговорил Семен Поликарпович.— Памятник архитектуры!..

Он хотел было осмотреть собор внутри, но тут подошел Робуль. Шапка у кладовщика была надвинута на самые брови; он беззвучно шевелил запавшими губами, растопырив пальцы левой руки, медленно пригибал их указательным пальцем правой, словно подсчитывал что-то в уме, наконец, решительно заявил:

— Ничего интересного! Что у нас, то и у них. Поехали!..

— Прямо скоростной пробег получается! — проворчал Семен Поликарпович, но Яков, сообразив, что Микола Абрамович, как говорится, взял в руки инициативу, заторопился к машине.

Чем ближе к Харькову, тем интереснее становилась дорога. Все больше встречалось машин, и Семен Поликарпович, увидев заляпанную по самую крышу «Победу», догадывался, что она из глубинного района; если же у машины только сзади кузов был в мелких, как из пульверизатора, брызгах, значит, городская она, харьковская... Должно быть, накануне выпал снег, на высоких местах он уже успел растаять, а в суходолах лежал нетронутый. Дорога была в сером, исполосованном машинами месиве, которое как бы дымилось под колесами. Семену Поликарповичу очень понравилась шедшая навстречу машина — тяжелый «ЗИС-150» с исполинским скребком впереди и цилиндрической проволочной щеткой под кузовом; скребок сваливал снег к обочине, а стремительно вращавшаяся щетка подметала асфальт.

— Большое облегчение для человека,— сказал председатель.

— Техника! — многозначительно обронил Яков.

Вокруг простиралась все та же степь, но чем-то она казалась Семену Поликарповичу иной, не такой просторной, что ли, как дома. Куда ни глянешь, по склонам широких балок пестрели белыми и красными черепками большие села; коричневые рощи косяками стояли среди тусклозеленых или черных полей, пятнистых от снега. То здесь, то там, клубясь почти у земли, тянулись паровозные дымы. В посветлевшем небе, у горизонта, отчетливо рисовались заводские трубы.

Потом, словно все деревья, какие были в степи, сбежались к дороге, по обеим ее сторонам встал густой лес. Каждое дерево стояло как бы отдельно на чистом снегу. В прямоугольных выемках, спланированных между опушкой леса и блестевшим от воды шоссе, голубела снежная жижа.

Семен Поликарпович стал было прикидывать, какая польза от этого леса окрестным колхозам, но впереди открылся Харьков. Дорога вдруг пропала среди асфальтированных площадей и улиц; замелькали витрины и вывески магазинов; высекая молнии из проводов, катили во все стороны трамваи и троллейбусы; повсюду, казалось, без всякого порядка, шныряли машины; толпами, чуть ли не под колеса грузовика, валили люди, и председатель с некоторым беспокойством спросил Якова:

— Ты как, угадаешь обратно на шоссе?

Шофер небрежным кивком показал на большую стрелу, глядевшую с угла какого-то дома: «На Москву».

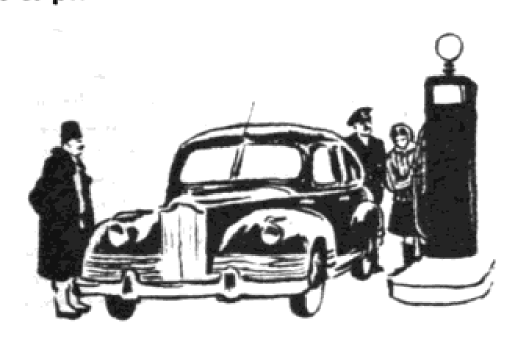

За Харьковом среди белого поля возникли красные плоскости черепичных крыш; потом, отделившись от снега, встали светлые стены небольших каменных домиков. Между домиками, посреди залитой асфальтом площади, пламенели бензоколонки, похожие на огромные палочки сургуча.

Микола Абрамович снова забарабанил в крышу кабины.

— Они тут всегда останавливаются, — усмехнулся Яков и повернул к автозаправочной станции.— Так сказать, по случаю благополучного прибытия на территорию Рэ-сэ-фэ-сэ-рэ.

Покуда Робуль бегал в буфет, Семен Поликарпович осмотрел рейсовый «ЗИС-110», заправлявшийся у колонки. Он обошел машину вокруг, почтительно разглядывая ее длинный черный лакированный корпус, в который можно было глядеться, как в зеркало. Рубинами горели фонарики, блестела нержавеющая сталь. Все это в сочетании с белыми скатами придавало машине отдаленное сходство с вороным, в белых чулках жеребцом, убранным богатой сбруей.

— Важная машина! — с восхищением проговорил председатель.— Министерская!.. Тысяч на пятьдесят, не меньше, потянет!

Водитель «зиса», черноволосый с косыми височками парень в форменной фуражке с золотым жгутом, шептавшийся о чем-то с краснощекой девушкой в стеганке, отпускавшей бензин, лениво повел взглядом в сторону Семена Поликарповича, но, должно быть, даже не счел нужным сказать что-нибудь, зато Яков стозвался с нескрываемой иронией:

— На пятьдесят! Прибавьте спереди палочку.

— Ну, мы пока на «Победе» поездим, — смущенно сказал Семен Поликарпович и отправился за Робулем.— Чего он там, в самом деле... к теще в гости приехал!

Робуль, распахнув тулуп и чуть откинувшись на спинку стула, важно сидел перед чайным стаканом с водкой и маленькой стопочкой томатного соку. За буфетной стойкой, положив руки на согнутое стекло витрины, стоял невысокий остролицый человек с прямым пробором и рыжим пятнышком аккуратно подбритых усиков.

— «Победу» покупаем, — хвастал кладовщик. — Очень большая у нас езда.

— Значит, средства позволяют, Николай Абрамович? — подобострастно осведомился буфетчик.

— Вполне! — с достоинством ответил Робуль.

По всему было видать, что кладовщик расположился здесь надолго, и Семен Поликарпович нетерпеливо окликнул его. Увидев председателя, Робуль вдруг помрачнел, медленно опорожнил стакан, опрокинул вслед за ним стопочку с соком и стал расплачиваться.

— Мало погостили нынче, Николай Абрамович! — сказал буфетчик и тут же представился Семену Поликарповичу: — Елизар Чунькин... Здешний, так сказать, метр-д-отель. Мы с вашим товарищем хорошие знакомые. Постоянно у меня останавливаются.

— Что ж, у вас тут неплохо.— вежливо заметил Семен Поликарпович, обведя взглядом голубые, в серебряных прожилках стены с матовыми шарами ламп на медных кронштейнах.— Очень даже культурно... Не хуже, как на Крещатике.

— Выходит, и мы еще жители! — скромно проговорил буфетчик.

Начинало уже смеркаться, когда выехали со двора автозаправочной станции.

По временам, борясь со светом уходящего дня, вспыхивали фары машин. Неяркие, как бы дымящиеся лучи возникали в воздухе, и от этого становилось темнее, пропадала линия горизонта, исчезали дальние деревни. Но водитель вдруг выключал фары, и снова видна была граница, отделявшая белое поле от серого неба, прямые лиловатые столбы дыма над темными хатами. Виден был трактор на проселочной дороге; лошади возле окутанного паром колодца; большой голый сад, где между деревьями, осматривая стволы, бродил человек.

Но вот опять где-то далеко впереди вставало в небе зарево зажженных фар.

Яков, поминутно наклоняясь, то включал, то выключал свет; должно быть, то же самое делали водители встречных машин; и было похоже, что они разговаривают друг с другом условными знаками.

В наступившей темноте, перемигиваясь, мчались круглые огни, отраженные асфальтом.

Изредка в свете фар зажигались составленные из стеклянных кружочков надписи на указателях. Цепочки огней мерцали то справа, то слева, то впереди... Временами огни занимали собою все видимое пространство, стремительно приближались, пылающими окнами многоэтажных зданий вставали по обеим сторонам дороги. В Курске, господствуя над округой, сиял огнями красный, как свежее мясо, дом с фронтоном, опиравшимся на толстые белые колонны. В Орле среди пляшущих снежинок начавшейся вдруг метели промелькнула залитая светом уличных фонарей полукруглая колоннада театра.

— Богатый шлях! — не уставал восхищаться Семен Поликарпович.— Ой, богатый!..

Стояла глубокая ночь. Белая, в черных дырках движущаяся стена снега падала и падала вокруг машины. Не видно стало огней деревень. В лучах фар возникали иной раз провисшие провода электропередачи; тянувшиеся из тьмы во тьму, или обледенелые, как бы одетые в стекло, веточки молодых тополей, сторожививших дорогу.

Семен Поликарпович начал уже было беспокоиться, как там Робуль в кузове, не замело ли его, но тут за каким-то городком, утонувшим в снегу, вспыхнуло вдруг среди чистого поля радужное сияние неоновой вывески, и грузовик, свернув с шоссе, подъехал к двухэтажному, с четырехугольной башней домику гостиницы.

В полукруглой розовой нише, освещенной двумя фонарями, поблескивали стекла тяжелой двери.

Микола Абрамович хотел было войти, но Семен Поликарпович, показав на видневшийся сквозь стекло ковер, которым застлан был пол, остановил кладовщика, и тот, похожий на белого медведя, начал неуклюже топтаться на месте, стряхивая с себя пласты снега.

Меж тем подоспел Яков, поставивший машину в гараж, и все они вошли в прихожую гостиницы, где перед высоким зеркалом, охорашиваясь, стояла коренастая полногрудая девушка в халатике и едва державшейся на светлых пышных волосах косынке.

— Як бы нам, будь ласка,— обратился к дежурной Микола Абрамович, словно приехал он в красильниковский заезжий двор,— як бы нам тут у вас по коечке...

Но здесь вмешался Семен Поликарпович, как-никак человек бывалый: ему еще до войны, когда он приезжал на сельскохозяйственную выставку, пришлось однажды больше недели жить в гостинице «Москва». Он попросил отвести им лучший номер и приготовить ванну, осведомился, до которого часа открыт ресторан. Дежурная, должно быть, угадала в нем старшего: в номере она предупредительно распахнула гардероб и предложила повесить пальто на «плечики», чтобы оно не помялось; спросила, возле стены он «уважает» спать или возле окна, взбила подушки на его постели.

После ванны, красный и распаренный, ожидая, пока искупаются Микола Абрамович с Яковом, чтобы вместе пойти ужинать, Семен Поликарпович в одних шерстяных носках домашней вязки, в накинутом на плечи кителе прохаживался по малиновым дорожкам комнаты отдыха, разговаривая с дежурной. Девушка сидела на диване, подобрав под себя полные, с круглыми коленками ноги в синих спортивных тапочках. Поглядывая на Семена Поликарповича светлыми, чуть навыкате глазами, она спросила, не из колхоза ли он, и тут же добавила, что если даже не из колхоза, то все равно очень уж на ихнего председателя похож. Оказалось, что раньше она работала в колхозе, но потянуло ее, как она сказала, на чистую работу, а теперь так жалеет, так жалеет, ну прямо места себе не находит. О своем председателе она говорила почти с нежностью, радуясь, вероятно, случаю рассказать о нем понимающему человеку:

— Такой он у нас хороший, такой хозяйственный!.. Папаня писали, осенью у нас зерносушилка сгорела, так Афанасий Егорович, поверите, от огорчения даже заболел. Давление крови, говорят, повысилось. Наши мужики всем колхозом ходили его утешать.

Семену Поликарповичу интересно было узнать, велик ли тот колхоз да какие там урожаи, помногу ли выдают на трудодень, но у двери, переминаясь с ноги на ногу, стоял Робуль, показывая на часы, приглашал ужинать,— так и не пришлось закончить разговор.

Когда ложились спать, Микола Абрамович некоторое время сидел на постели, свесив свои тощие ноги, что-то, видать, обдумывал, а потом неожиданно заявил:

— Все равно на отчетно-выборном вспомнят ему... Шутка сказать, зерносушилка сгорела! Давление там или не давление, а она, худо-бедно, тысяч шестьдесят стоит!..

И сразу же лег, повернулся к стене, натянув на голову одеяло.

По наружным стеклам окон с тихим шорохом скользил сухой снег. В батареях центрального отопления, излучавших чуть пахнущее краской тепло, по временам принималась вдруг урчать и булькать вода. От засушенных листьев клена в стеклянной вазе на столе тянуло горьковатым запахом осеннего леса.

Утром — в номере еще стоял душный ночной сумрак — с крыльца гостиницы открылась тихая белая равнина, с мохнатыми от снега кустами в складках оврагов, с голубыми дымами деревень, с врезанной в небо зубчатой стеной елового леса, из-за которого, как бы дымясь, вставало большое красное солнце. Крепко пахло морозом. Окутанная снежной пылью, промчалась по шоссе уборочная машина. Маленькая старушка в большой толстой шали, поверх которой она повязала скрученное жгутом полотенце, топталась возле крыльца, просила подвезти до Тулы, и хотя Семен Поликарпович сразу же согласился, старушка продолжала вздыхать, рассказывала плачущим голосом, что вот проспала и опоздала на автобус. Потом она замолчала, прислушиваясь к тому, как разговаривают между собой Колиенко с Робулем, и вдруг спросила:

— Вы, деточки, русские будете али какие демократы?.. Летошний год тоже вот приезжали к нам в колхоз черные мужики, говорят вроде по-русски, ан не понять. Председатель

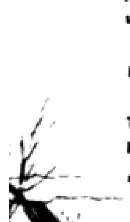
объяснял — демократы. Народные будто... Так вы уж подвезите, опоздала я на автобус.

Усадив старушку в кабину, Семен Поликарпович взобрался к Миколе Абрамовичу в кузов грузовика.

Среди ослепительно сиявших полей, на склонах низких холмов, разбежавшихся широкими волнами, стояли тоненькие голые березки, к стволам которых примерзли снежные комья. Встречались круглые стога сена с торчащими в центре шестами, сплошь укрытые снегом, только по низу, у самой земли, темнел зеленоватый поясок. Сквозь белые ветви осинника, взобравшегося на косогор, слепящими пятнами просвечивало солнце. Черная полоса дороги стремглав мчалась вниз, потом устремлялась к вершине холма, за которой виднелась другая, более узкая полоса, а за той — третья, еще уже, и так — насколько видел глаз.

В этот час к Семену Поликарповичу обычно уже стучался кто-нибудь из колхозников, чаще всего заведующий животноводством Реус, всегда что-нибудь требовавший. А там начинался день ну прямо как в том анекдоте: Марфа навоз выгребала — ногу вилами наколола; учителю для побелки школы известка нужна, а кладовщик говорит: нету ее; тракторист с прицепщиком не поладил; из райисполкома запрашивают, как с культурой в полевых станах обстоит... И среди всего этого крутится какой-нибудь газетчик, которому до всего есть дело.

Так и толчешься в сутолоке этой, чисто комарами облепленный...

Семен Поликарпович, толкнув локтем Робуля, показал на стоявший возле дороги каменный постамент с бородатой гипсовой головой, и прочитал вслух надпись на большой стреле, повернутой в сторону чуть видного среди сугробов проселка: «Музей-усадьба И. С. Тургенева».

— Знаменитый писатель! — заметил он. — У него про одного немого мужика выведено: как тот собачку кохал... Вроде бы фантазия, а так за сердце берет!.. Вы ж читали?

Робуль промолчал, только взглядом повел в сторону председателя.

А тот уже заинтересовался кирпичными избами промелькнувшей мимо деревни; соображал вслух, скоро ли управится с ремонтом машинно-тракторная станция, усадьба которой, тесно заставленная тракторами и комбайнами, вплотную примыкала к шоссе; насчитав десятка полтора «москвичей» и «побед», занявших собою почти всю базарную площадь какого-то шахтерского городка, высказал предположение, что народ здесь, видать, живет подходяще.

Крутые, поросшие хвойным лесом косогоры встали по обеим сторонам дороги. Вокруг как бы потемнело. Семен Поликарпович только раз в году, на новогоднем вечере в клубе, видел елку, которую привозили обычно издалека, и поэтому, должно быть, запах смолы, обильно струившийся в морозном воздухе, вызвал у него праздничное настроение.

— Толстой! — воскликнул он вдруг, показывая на высеченный из мрамора бюст, стоявший у поворота в Ясную Поляну.— Ох и писатель!.. Я ж таки подписался на собрание его сочинений... Крепко пишет! Вы как, Микола Абрамович, читаете Толстого?

— Нет у меня времени читать,— угрюмо отозвался Робуль.

— Не работаете вы над собой, Микола Абрамович,— вздохнул Колиенко.— Уровень у вас низкий... Ну никак не растете.

— Та что вы меня все критикуете! — вскинулся кладовщик. — Собрание вам тут или что?

— А вы не обижайтесь... На самокритику, все равно что на батьку, обижаться нечего.

Разговор этот, вероятно, затянулся бы, потому что Семен Поликарпович любил-таки поговорить насчет «движущей силы», но впереди, среди грязного от колоти снега на крутой

горе, под рыжей шапкой дыма, возник завод, а за горой, с одного из поворотов дороги, опять стало видно на много километров окрест.

Тут уже Семену Поликарповичу было не до Робуля; он едва успевал поворачиваться, чтобы взглянуть на шагавшие через равнину фермы электропередачи или мчавшиеся по бесчисленным путям поезда, на заводские трубы или шахтные копры, возникавшие то здесь, то там. Он не стал даже пересаживаться в кабину, хотя старушка, пытаясь сунуть Якову аккуратно сложенную пятерку, сошла еще в Туле. Очень уж хорошо было наверху, откуда, насколько мог охватить взгляд, видны были пылавшие на солнце кирпичные плоскости домов, сквозные железные краны и какие-то арки, коленчатые трубы, резервуары, сплошь застекленные крыши...

Семен Поликарпович привык у себя дома к необозримым степным просторам, где с мостика комбайна, куда ни глянешь, глазу не на чем остановиться, и ему казалось, что здесь нет и кусочка свободной земли, хотя дорога шла и среди полей и среди лугов с замерзшими речками, окаймленными торчавшим из снега тальником.

— Это же сколько тут продукции производят! — рассуждал председатель.— И машин, и мануфактуры, и другого всякого добра! Очень наглядная картина!.. С нашими гусями та цыбулей и соваться вроде совестно. Маловато везем!.. Машины бы три — четыре нагрузить, тогда б еще так.

— Что ж мы одни! — сказал Робуль.

— Одни не одни, а все ж таки... Производительность надо повышать, вот что! Когда, к примеру, ездил я в город за ситцем или, сказать, за патефоном,— один был с меня спрос. А теперь за автомобилем еду. Тут, Микола Абрамович, вовсе другая ситуация. Держава мне автомобиль, а я ей сто пудов с гектара, как и вчера! Стыднэнько вроде получается. Га?

— Москву уже видать,— уклонился от ответа кладовщик.

Над неровной от множества крыш линией горизонта, в фарфоровом небе солнечного зимнего утра, почти такого же цвета, как небо, только темнее, словно сгустившийся дым, возвышалась исполинская, в остроконечных уступах гора. Такое уже было однажды с Семеном Поликарповичем, когда он впервые приехал в Одессу и, повернув с одной из улиц на какую-то площадь, увидел огромную, чуть выпуклую синюю стену, дышавшую холодом, — море!

— Если б не знал, не поверил бы, что это человеком сделано,— проговорил председатель, показав на высотный дом.

Меж тем грузовик в ряду других машин медленно катился по московским улицам.

Вдоль тротуаров, проворно работая железными руками, двигались транспортеры, и кучи грязного снега, всползая по наклонной плоскости наверх, падали в кузовы шедших впереди самосвалов. Семен Поликарпович подумал, что

такую бы машину хорошо поставить на току для погрузки зерна, стал было развивать свою мысль кладовщику, но грузовик уже входил в ворота колхозного рынка; беспрерывно сигналя, Яков вел машину сквозь плотную массу людей, осторожно раздвигая ее бортами. Семен Поликарпович даже устал от напряжения, словно это он, а не Яков сидел за рулем. И хотя шофер не мог его услышать, он кричал ему совсем по-стариковски:

— Трошки тише, Яша!.. Та тише же!..

А Робуль, подобно Тарасу Бульбе, прибывшему в Сечь, приветствовал знакомых председателей и кладовщиков, стоявших кто в кузове машины среди бараньих туш или мешков с картофелем, а кто в ларьке, загроможденном ящиками с мандаринами, урюком, изюмом:

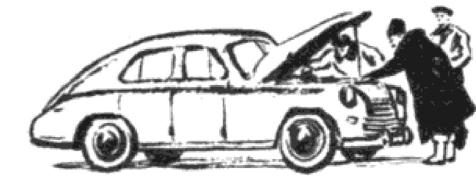
— Доброго здоровья, Усман-оке!.. Здоров, Рожневский!.. Как торговля, Цомая?..

Оставив Миколу Абрамовича на базаре, Семен Поликарпович с Яковом отправились покупать автомобиль.

Магазин был большой и выглядел полупустым, только в глубине его, у стен, стояли маленькие прилавки. Круглые столики, диваны, пальмы в зеленых кадушках создавали впечатление, будто здесь помещается приемная какого-нибудь министерства, и Семен Поликарпович по привычке даже поискал глазами окошечко справочного бюро. Взгляд его остановился на светлосерой «Победе», стоявшей возле окна и отгороженной чуть провисшим толстым шнуром из малинового бархата. Расстегнув пальто, Колиенко как бы невзначай нащупал через сукно кителя хрустящую пачку денег во внутреннем кармане.

— Эту и возьмем,— сказал он Якову.— Подходящая масть. Солидная.

Но оказалось, что облюбованная председателем машина — выставочная, а те, что для продажи, стоят в смежном помещении, похожем на гараж, где густо пахло резиной.

Яков, несколько смущавшийся в магазине, почувствовал себя здесь свободнее и хотел было поднять капот одной из машин, точно такой же, как и на выставке, но продавец — плотный мужчина в мягкой кожаной рубашке с бесчисленными застежками-молниями—остановил его небрежным жестом:

— Показывать буду я, молодой человек!

Неслышно переступая толстыми слоновьими ногами, как бы нехотя двигался он вокруг машины, чуть ленивыми и в то же время повикими движениями поднял капот, надел клеммы на аккумулятор и опробовал сигнал, включил зажигание, нажал на стартер... А Яков, прислушиваясь к ровному шуму мотора, к тихому пощелкиванию, какое издавали замки, когда продавец одну за другой распахивал дверцы, таинственно, словно они обманывали продавца, шептал на ухо председателю:

— Как часы! Редкая машина!

Когда же продавец, открыв багажник, показал набор инструментов и приспособлений числом в сто с лишним штук, вплоть до кусочка замши для протирки стекол, Яков быстро спросил:

— Это как, положено к машине?

— С чем конь покупается, то с него не сымается,— сказал пословицей Семен Поликарпович, вытащил зачем-то пепельницу из гнезда, осмотрел ее внимательно, проговорил: — Культура! — потом, решившись, обратился к продавцу: — Прямо в кассу платить или как?..

Покамест он оформлял покупку, Яков еще раз осмотрел машину, занял место за рулем и, когда председатель вернулся, с профессиональной лихостью распахнул перед ним дверцу.

Автомобиль медленно выехал из магазина.

УКРОЩЕНИЕ СТИХИИ

Академик И. А. ШАРОВ

Солнце жжет. Земля потрескалась. Кусты хлопчатника поникли. Но вот засеребрилась, засверкала в оросительных каналах вода, весело заструилась между кустами. И кажется, на глазах темнеют, насыщаются хлорофиллом листья и стебли. Скоро распустятся кремовые, розовые цветы; затем они превратятся в коробочки, полные белых хлопьев.

Благодаря искусственному орошению жгучие лучи южного солнца преобразуются в зеленое тело растений. Вспоминаются слова В. В. Докучаева о стихиях природы: «Они не зло, их только надо изучить и научиться управлять ими, и тогда они же будут работать нам на пользу».

Советский человек все глубже познает природу и все увереннее заставляет ее «работать нам на пользу».

На Кавказе, в Средней Азии, в Поволжье зной вредит человеку: выжигает огромные пространства. Но вот здесь появилась вода, и с ее помощью энергия солнца делается великим другом человека.

Два «лица» имеет и вода. Она тоже бывает и недругом и самым лучшим помощником нашим. Недругом она может оказаться не только, когда мчится горным потоком, снося все на своем пути, или когда наводнение заливает улицы деревень и городов, но и в самом мирном обличье, когда приходит к нам как будто с добром — оросить поля. Умело «подать» растениям воду иногда труднее, чем построить целую ирригационную систему.

Именно это мы видим в странах, где властвует капитал. Возьмем, например, Индию, где мне довелось побывать в прошлом году. Это оазис древней земледельческой культуры, построенной на системе искусственного орошения. Казалось бы, здесь умеют распоряжаться водой.

На самом деле это далеко не так. В прошлом году я познакомился с тем, как орошаются поля в районах Дели, Калькутты, Бомбея и в других местах. И что же, современные ирригационные сооружения — плотины, шлюзы, каналы — соседствуют с самой примитивной техникой. Как только вода пущена на посевы, мы сразу как бы переносимся в седую древность. Крестьянские поля разбиты на крохотные участки. Каждый в отличие от наших крупных участков орошается не по бороздам, а затоплением.

Это агрономическая бессмыслица. Воздух, проникающий в нормально увлажненную почву, заставляет действовать полезные бактерии. Благодаря им растение усваивает даже такие вещества, какие без их помощи оно «переварить» не может. Затопление цементирует почву, разрушает ее структуру, закрывает доступ воздуху. И тогда оживают враги растения — вредные микробы, которые уничтожают его пищу, делают ее «несъедобной», неусвояемой.

Сплошной полив не единственное свидетельство крайней отсталости индийского земледелия. На маленьких поливных участках с трудом поворачивается даже такой «агрегат», как буйвол, запряженный в омач, а ведь по сравнению с этим деревянным орудием даже соха-матушка, давно сданная у нас в музей,— чудо техники. Посев, окучивание, уборка проводятся вручную.

И почва, которую В. Р. Вильямс называл посредником между водой и пищей, с одной стороны, и растением — с другой, не может как следует кормить посевы.

Все это говорит, конечно, не о том, что индийские крестьяне — плохие земледельцы, а совсем о другом. Английские колонизаторы и туземные богачи видят в ирригационных системах лишь выгодное коммерческое предприятие, приносящее громадную прибыль.

Крестьянин платит за пользование водой независимо от того, какой урожай он собрал. Ясно, что владельцев ее мало интересует, что делает крестьянин на своей или арендованной земле, как распределяет он воду. Отсюда — жалкие урожаи, частый голод, высокая смертность в стране природного изобилия.

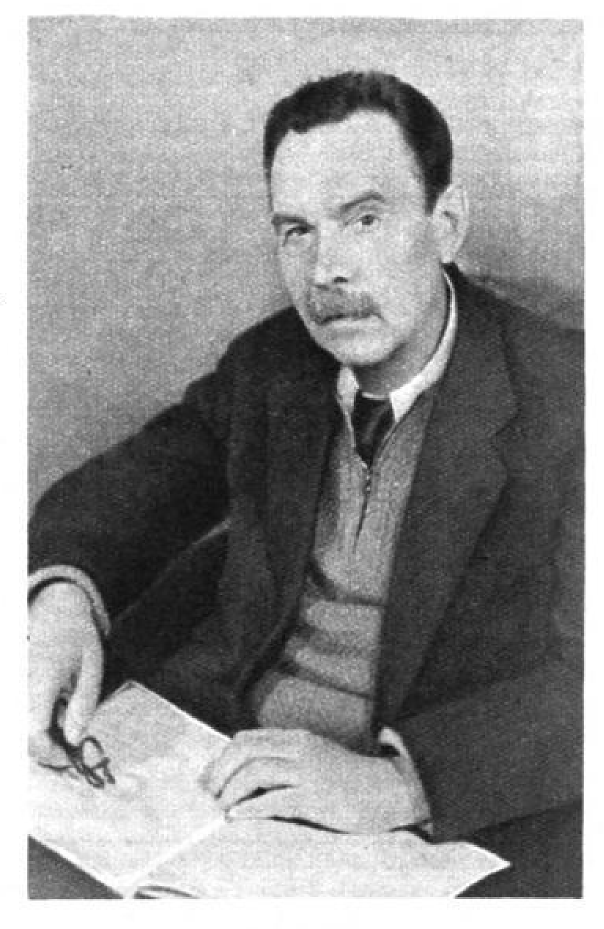
Несоответствие между инженерными системами ирригации и отсталыми, нерациональными формами их использования характерно для любой капиталистической страны. Магнатам Америки, например, важно нажиться на ирригационном бизнесе. Что же касается распределения воды на поле, то это — уже дело самих фермеров, жизнь которых подчинена стихии рынка. О рациональном земледелии и орошении никто всерьез не думает.

Как далеко вперед ушла наша Родина! Засуха, маловодье когда-то порождали в Туркестане острую борьбу за воду. И здесь тогда безраздельно царил омач, кое-как царапавший землю крохотных поливных участков. И здесь орошались они сплошным затоплением. Закон гласил: кто не имеет воды, тот не имеет земли, кто не имеет земли, — не имеет жены, кто не имеет жены, — не имеет права на воду...

Ничего не осталось теперь от этих изуверских законов. Народ, ведомый партией Ленина — Сталина, построил новые оросительные системы, усовершенствовал старые. Он создает самый крупный в мире Главный Туркменский канал длиной в 1 100 километров, который будет орошать 1 300 000 га новых земель и обводнит до 7 миллионов гектаров.

Советская власть не только дала народам восточных и южных республик воду, но и научила их пользоваться ею, снабдила всем необходимым — удобрениями, сложными машинами. Вместо сплошного полива введен полив по бороздам.

Долгое время оставалось неясным, какие нормы полива и какую агротехнику необходимо применять, чтобы получить высокий урожай.

А. Н. Костяков.

На этот вопрос отвечают работы академика Алексея Николаевича Костякова, занимающегося проблемами мелиорации на протяжении десятилетий.

Бесчисленные наблюдения и всесторонне обдуманные опыты помогли ему установить, сколько воды требуется разным растениям при тех или иных условиях. Вовсе не обязательно давать растению много воды — надо распоряжаться ею разумно, рассматривая растение не изолированно, не само по себе, а в связи с окружающей средой: качеством почвы, удобрением, обработкой, атмосферными условиями.

Так выявляются совершенно новые взаимозависимости между растением и средой, а отсюда и новые законы полива. Установив их, А. Н. Костяков тем самым помог тысячам агрономов, ирригаторов, рядовых колхозников надежно управлять водой, извлекать из нее максимальную пользу для народного хозяйства.

Объясняя, как утолять жажду растений, он

Оросительный канал в Армении, проложенный на пустовавших ранее землях.

разработал и совершенные способы избавления почвы от излишней влаги.

Много в нашей стране засушливых степей. Но немало в ней и земель, захлебывающихся влагой. В. Р. Вильямс глубоко вскрыл процессы заболачивания и указал пути борьбы с ним в социалистических условиях.

А. Н. Костяков развил это учение. Он создал, в частности, теорию о том, как превращать заболоченные поймы в прекрасные луга. На осушенных поймах будут произрастать сизозеленые кочаны капусты, розовая морковь, огурцы.

Сама жизнь убедительно показывает, что только там, где существует советский строй, где нет частной собственности на землю и где ведется плановое хозяйство, человек может создать условия для коренного улучшения климата и глубокой переделки природы на благо народа.

Лишь при советской власти в нашей стране начало применяться искусственное дождевание. Раскрывая его преимущества, А. Н. Костяков отмечает и недостатки, указывает, как их избежать. В книге описываются советские дождевальные машины и агрегаты, методы расчета и дальнейшего их совершенствования.

Новостройки коммунизма изменят климат, покорят засуху и суховеи в самом их царстве. Но иногда, покинув его пределы, стихии вторгаются и в районы неустойчивого увлажнения. Здесь также созданы и строятся оросительные системы. Но как ими пользоваться?

«Основы мелиораций» отвечают и на этот вопрос. Они предусматривают создание участков гарантированного урожая, указывают приемы орошения в зависимости от климатических условий в Курской, Орловской, Тамбовской и других областях.

Неотъемлемая часть оросительных систем — огромные водохранилища. От них на тысячи километров протянутся в знойные степи и полупустыни магистральные и распределительные каналы. Нельзя допускать просачивания большого количества воды в стенки и дно, что вызывает подъем грунтовых вод, ведет к заболачиванию и засолению почвы.

А. Н. Костяков разработал наиболее эффективные средства предупреждения таких явлений и борьбы с ними. Это расчеты режима поливов, промывки уже засоленных почв, дренирование орошаемых земель.

Костякову 65 лет. Когда-то его называли «мелиоративным Калитой». Подобно тому как Иван Калита «собирал» Русь, Алексей Николаевич первым в нашей стране собрал и систематизировал отечественный и мировой опыт мелиорации. А. Н. Костяков творчески переработал его и создал новую, советскую мелиоративную науку. Главные положения этой науки изложены в фундаментальном труде «Основы мелиораций», выпущенном в переработанном виде в 1951 году.

Ученый рассматривает сложный комплекс вопросов орошения и осушения. В своем труде А. Н. Костяков исходит из научных положений великих русских агрономов, из учения И. В. Мичурина и его продолжателя академика Т. Д. Лысенко.

«Основы мелиораций» — ключ к овладению стихиями природы. По широте постановки вопросов орошения засушливых степей, осушения болот, борьбы с эрозией, по глубине анализа всех этих вопросов книга А. Н. Костякова не имеет равных в мировой научной литературе. По ней учатся и созидатели новостроек коммунизма, и агрономы, и осушители болот, и тысячи учащихся высших и средних учебных заведений.

Автор труда «Основы мелиораций» удостоен Сталинской премии первой степени.

Научную работу А. Н. Костяков на протяжении многих лет сочетает с педагогической. Он заведует кафедрой мелиорации в Московском институте инженеров водного хозяйства имени В. Р. Вильямса. И как ученый и как педагог он помогает советским людям управлять стихией воды, связывать в единое гармоничное целое весь процесс ирригации от постройки гигантских плотин до превращения воды, питательных веществ почвы и солнечной энергии в продукты социалистического земледелия.

По белому свету

Алексей СУРКОВ

Рисунки О. Верейского.

На перекрестке

По асфальту шаркнула резина.
Распахнулась дверца лимузина.
Благостны, жирны, как караси,
Два почтенных брата капуцина
Сгинули в подъезде Си-Ай-Си[1].

Невдомек доверчивым прохожим,
Для чего смиреннейшим отцам,
Пастырям овец во стаде божьем,
Наносить визиты меднорожим,
Бравым вашингтонским молодцам.

Не смотрите исподлобья, косо
И недоуменные вопросы
При себе оставьте, простаки!
Не впервой сюда несут доносы
Эти рясоносные шпики.

Господу угодная работа —
Выследить и выдать патриота,
Как гестапо выдавали встарь.
Первый божий шпик из Кариота
Против этой братии — кустарь!

[1] Разведка США.

Причастие

Глаза Христа-спасителя кротки...
Поет орган о мире и о счастье.
Затянутые в хаки штабники,
Давясь, глотают пресное причастье.

В глазах христовых воинов азарт:
— Кончайте, патер, мессу поскорее!
В планшетах их шуршат квадраты карт
Истерзанной, пылающей Кореи.

Их слух ласкает рев железных птиц,
Стон матерей и плач детей в Пхеньяне.
Смиренный бог грехи детоубийц
Всевышней волей отпустил заране.

Храм опустел...
Воинственный лорд-мэр
Слепит солдат у сходней блеском речи.

. . . .

— Какой ты, боже, мелкий лицемер! —
Сказал привратник, задувая свечи.

У Мраморной арки

В Шотландии и в городах Йоркшира,
И в Кембридже, и в Лондоне — везде
Беседовали мы о судьбах мира,
О книгах, о культуре, о труде.

В ответы наши пристально вникая,
Пытали нас: — А есть в СССР
Свобода слова полная, такая,
Как в лондонском Гайд-парке, например?

Каков же он, свобод британских идол,
Узнать, конечно, я считал за честь.
И отыскал его. И что увидел,
Описываю точно, все как есть.

Вечерний час. Зеленый плес Гайд-парка.
Пестрит песок обрывками газет.
Торжественная Мраморная арка,
И рядом прозаический клозет.

Сквозь вязь решеток с улицы струится
Из выхлопных бензиновый угар.
Вдоль улицы доступные девицы
Шлифуют каблуками тротуар.

А возле арки гул землетрясенья.
Витийствуют, толпой окружены,
Бездельники из Армии спасенья
И всякие иные болтуны.

Один кропит святые песнопенья
На души впечатлительных старух;
Другой на пудинг с рисом точку зренья
С серьезным видом излагает вслух;

А третий, как пожарная сирена,
Ревет и тычет кулаком в зенит.
И даже постового полисмена
От этой «демократии» тошнит.

Его виски посеребрила проседь.
Он четверть века слышит этот крик.
«Собака себе лает, ветер носит!» —
Придремывая, думает старик.

Его отец такие разговоры
Слыхал в эпоху кэбов и карет.
И так же у клозета сутенеры
Тогда чадили дымом сигарет.

И так же в мутной накипи столицы
По улице, прохожих теребя,
Бездомные, бездольные девицы
Шли ради хлеба продавать себя.

. . . .

На «просвещенном Западе» народы
Опутать могут на любой манер.
Я был в Гайд-парке. И такой «свободы»,
На наше счастье, нет в СССР.

На дипломатическом приеме

Викторианский старый дом
На тихом лондонском бульваре.
Дипломатический прием
Поближе к полночи в разгаре.

Звон вилок, рокот голосов
В просторных залах и гостиных.
Набор породистых носов —
Латинских, эллинских, утиных.

Среди элиты золотой
Мелькают выскочки и хамы.
Слепят несвежей красотой
Декольтированные дамы.

Дымков сигарных синева
Тушует потолки и стены.
Разноязычные слова,
Разноплеменные джентльмены.

Здесь титулы и имена,
Известнейшие в высшем свете.
Мундиры, фраки, ордена,
Как в старой венской оперетте.

И мы с тобой, мой милый друг,
На этот маскарад глазея,
Под праздник очутились вдруг
Меж восковых фигур музея.

И неуютно нам с тобой
В таком блистательном синклите
Лэнд-лордов крови голубой
И лысых властелинов Сити.

Противно нам (который раз!)
Глядеть на выбритые морды
Тред-юнионовских пролаз,
За подлость возведенных в лорды.

Ругать себя (который раз!)
За то, что горестно негибок
В искусстве беспредметных фраз
И обязательных улыбок.

Вот некто взглядом обласкал
Мою невзрачную особу,

А мне мерещится оскал
Зубов, таящих волчью злобу.

Вот старичок из экс-послов,
Промямлив имя Сталинграда,
В поток медоточивых слов
Учтиво впрыснул каплю яда.

Ему бы прямиком сказать,
Что подлость старцев не почтенна,
Припомнив бабушку и мать
Высокородного джентльмена.

Но, соблюдая протокол,
Свой гнев утопишь в чашке чая,
На обольстительный укол
Нежнейшей шпилькой отвечая.

Нет, мы привыкли, мой сосед,
Жить чище, искреннее, проще.
И тянет нас сквозь этот бред
В Москву, на Пушкинскую площадь.

Ведь в этот час в стране родной,
В канун великой годовщины,
Без бухгалтерии двойной,
Без маскарадной чертовщины,

Без лицемерья, без вранья,
Без этих мертвецов с погоста
С бокалами встают друзья
На слово праздничного тоста.

Там будет новый день с утра,
А здесь опять придет вчера.

Сказки Венского леса

Снег на аллеи медленно сыплется.
В ближнем костеле окончилась месса.
Робко пиликает старая скрипица
«Сказки Венского леса».

Где ты, тепло деревенской хижины?
Что ты не греешь, зимнее солнце?
Взрывом глаза инвалида выжжены
В пекле траншей Изонцо.

Нет ей конца, изнуряющей темени.
Скрипка не выплачет злую обиду.
Как тут не сбиться со счета времени
Старому инвалиду?

Сколько стоит он под липами Пратера,
Всеми покинут, жалок, немолод?..
Стой, проклинай старика императора,
Войны, тоску и голод.

Меряй шагами парки и скверики,
Спать отправляйся на голые доски...
Пьяный вояка из дальней Америки
Вырос на перекрестке.

Выщерив рожи багровое зарево,
Вышел, шатаясь, на кромку дорожки.
Что тут за чучело? В ухо ударь его!
Сбей его с ног, с подножки!

Старый картуз упал на обочину.
Медная мелочь посыпалась в яму.
Вспыхни, прохожий! Влепи пощечину
Злому пьяному хаму!

Ориентальный сюжет

Герой моего рассказа
Известен знати Шираза
Как истый сноб-сибарит.
Знаток лошадей и спорта,
Он любит читать Водсворта
И вхож на Даунинг-стрит [1].

Не раз писали газеты,
Что разные кабинеты
С ним сети интриг плели.
Но хан Али за табль д'отом
Был истинным патриотом
Священной фарсской земли.

Салонный оратор яркий,
Фанатик ислама жаркий,
Он любит успех в делах.
Из Пентагона подарки
И ружья британской марки
Ему посылает аллах.

Как все кашкайские ханы,
Герой наш лелеет планы —
Дать счастье земле отцов.
А люди его от скуки
В ночи запускают руки
В багажники и карманы,
В баулы и чемоданы
Проезжих зевак-купцов.

К нему залетают в горы
Сенаторы и прокуроры,
Входя в альпинистский раж.
И там же растущий гений
Из лондонских учреждений
Проходит шпионский стаж.

Когда известят газеты,
Что в Южном Иране где-то
Повеяло гарью смут,
В воронке переворота
След этого «патриота»
Отыщется тут как тут.

[1] Улица в Лондоне, где находится Мининдел Англии.

Шахтер Том

За дальней далью двух морей,
За цепью невысоких гор
Живет товарищ Том Маррей,
Неунывающий шахтер.

Где настоящие друзья,
Для дружбы расстояний нет —
Мы побратались, Том и я,
На рубежах суровых лет.

Когда четырнадцать держав
Несли в Россию кровь и ночь,
Том, кулаки стальные сжав,
Сказал упрямо: — Руки прочь!

А в девятьсот двадцать шестом,
Когда в Шотландии родной
Всеобщей стачкой грянул Том,
Мы встали за него стеной.

Те даты дружбы Том и я
Нетленно в памяти храним.
Вчера, как старые друзья,
Мы в Глазго повстречались с ним.

Лежала снегом седина
У Тома на виске крутом.
— Опять воюем, старина? —
Сказал, сверкнув улыбкой, Том.—

Давно ли вот сказали мне,
Что сын во Фландрии убит,
А Черчилль снова на коне
И снова о войне трубит.

Он в пепле и руинах рад
Увидеть ваши города.
Но не забудут Сталинград
Шотландцы наши никогда.

Они сумеют в нужный час
Призвать к порядку толстяка.
Не обмануть рабочий класс,
Даю вам слово горняка!

Смотрите, сколько их вокруг.
Они сумеют дать отпор!
. . . .
Вот он какой, мой старый друг,
Неунывающий шахтер!

Шапка по кругу!

Много традиций в Британии есть,
Но не забыть до последнего часа
Ту, что вместила и славу, и честь,
И благородство рабочего класса.
Если к соседу внезапно беда
Гостьей незваной нагрянет в лачугу,
В цехе и шахте пускают тогда
Шапку по кругу,
Шапку по кругу...

В черных, безрадостных буднях труда
Этой традиции славной начало.
Чувство рабочего локтя всегда
Жить помогало, в беде выручало.
Ежели стачкой берет в оборот
Труженик-раб фабриканта-хапугу,
В знак солидарности пустит народ
Шапку по кругу,
Шапку по кругу...

В Лондоне в сорок девятом году,
В сумраке к Темзе сползающей ночи,
Случай занес нас в родную среду
Верных защитников мира — рабочих.

Митинг шумел. Переполненный зал
Хлопал ораторам дружно, упруго.
Здесь я услышал, как докер сказал:
— Шапку по кругу!
Шапку по кругу!

Старый рабочий по краю стола
Стукнул ладонью увесисто, крепко:
— Шиллинг за мир!
По рядам поплыла
Виды видавшая серая кепка.
Скотланд, Уэллс, Йоркшир, Ланкашир
Передавали ту кепку друг другу.
Шиллинг за мир! Шиллинг за мир!
Шапку по кругу!
Шапку по кругу!

Вот ветеран в отдаленном ряду
На ухо грузчику шепчет в смущеньи:
— Все, что осталось в кармане, кладу —
Стертое пенни, последнее пенни.
Кости не греет дырявый мундир.
Поясом брюхо подтянуто туго...
Пенни за мир! Пенни за мир!
Шапку по кругу!
Шапку по кругу!

Ну-ка, дождем золотым заглуши
Звон медяков, поджигатель-иуда!
Долларов смерти сильнее гроши —
Скромная лепта рабочего люда.
Черный Уэллс! Хлопкопряд Ланкашир!
Передавайте кепку друг другу!
Шиллинг за мир! Пенни за мир!
Шапку по кругу!
Шапку по кругу!

Мы мир выбираем

Пусть ждет его дома тюремная камера.
Пусть крест Ку-клукс-клана вспыхнет
над кровом.
Как будто изваян из черного мрамора,
Он зал потрясает взволнованным словом:

— Нас голод в могилы валил миллионами.
Трудом нашим Штаты сильны и богаты.
Америка! Мы под твоими знаменами
Сражались и верные были солдаты.

А наша свобода плантаторам продана,
А труд наш присвоен бессовестным вором.
И слово, святое для каждого,— РОДИНА! —
Звучит на устах наших горьким укором.

Достоинство матери нашей Америки
Унижено в мире сегодня не нами.
Мучители наши, ханжи и истерики,
Забрызгали кровью звездное знамя.

Мы знаем, как радостно быть патриотами,
Свой долг выполнять беззаветно и гордо.
Но совесть народа не купишь банкнотами
Из сейфов Рокфеллера, Моргана, Форда.

Их образом жизни, их злыми свободами,
Их пахнущим кровью невольничьим раем
Сыты мы по горло... Со всеми народами
Мы прокляли войны. Мы мир выбираем!

Мы мир выбираем, цветные и белые,
По зову своей незапятнанной чести.
Все сильные духом, все честные, смелые
В минуту смертельной опасности вместе!

ПРОДЛЕНИЕ ЖИЗНИ МЕТАЛЛА

На щите загорелась зеленая лампочка. Это сигнал: ток включен. Легкое прикосновение к кнопке — и вспыхнул красный свет: внимание, начал работать генератор. Еще нажим на кнопку — стальной стержень, укрепленный в держателе, плавно опускается, входит в индуктор — петлю из изогнутой медной проволоки. В тот же момент засияла белая лампа: идет нагрев.

По стальному стержню пробежали желтые, серые, бурые полоски. Еще мгновение — и он становится темновишневым, затем быстро светлеет. Сменяется гамма оттенков: оранжевый, желтый, почти белый... Вот раскаленный стержень получает холодный душ. Едва слышное шипение, и операция закончена.

Директор Института стали лауреат Сталинской премии И. Н. Кидин у высокочастотной установки.

Что же произошло за полминуты? Закалка токами высокой частоты, иначе говоря, радиоволнами — теми самыми электромагнитными колебаниями, которые доносят до радиоприемника голос певца, звучание оркестра, живую речь. А здесь, в лаборатории, человек заставил радиоволны совершать иную работу.

Каковы преимущества высокочастотной закалки? При обычном способе стальную деталь помещают в термическую печь, где она прогревается на всю глубину. Такая деталь становится одинаково твердой как внутри, так и снаружи. Есть ли в этом необходимость? Нет, сплошь твердый металл чрезмерно чувствителен к ударам.

А что получается при радиозакалке? Токи нагревают до белого каления тонкий наружный слой прежде, чем теплота успевает проникнуть в глубь металла. Закаляется только рабочая поверхность.

Высокочастотная закалка ускоряет процесс, значительно удешевляет его, неизмеримо улучшает условия труда.

Советские ученые - высокочастотники всесторонне исследовали этот способ нагрева. Но что происходит в самом металле, как он изменяется при нагреве, оставалось неизвестным. А между тем металлурги ждали ответа именно на эти вопросы.

Доцент Московского института стали И. Н. Кидин, ныне его директор, решил восполнить пробел. Ему было ясно: показания электрических приборов говорят лишь о работе генератора, но не о том, как условия нагрева влияют на свойства стали. Нередко бывает, что при одних и тех же напряжении, силе и частоте тока результаты разные.

Сталь очень капризна. Она требует совершенно точной дозировки температуры и времени нагрева. Немного не догреешь — плохо: останутся незакаленные места. Чуть перегреешь — и того хуже: поверхность может выкрошиться.

И в лаборатории института ставят опыт за опытом. Закаливают сотни стержней, разламывают их, измеряют глубину закалки, шлифуют поверхность излома, изучают шлифы в микроскопе, сопоставляют строение стали, закаленной при разных температурах и скоростях.

И. Н. Кидин разрабатывает технологический процесс, расширяет круг деталей, подвергающихся высокочастотной закалке. Ученый тесно связан с промышленностью: данные, полученные в лаборатории, проверяются на производстве и внелряются в практику.

Итоги своих исследований и теоретические обобщения И. Н. Кидин изложил в обширной монографии «Термическая обработка стали при индукционном нагреве», отмеченной высокой наградой — Сталинской премией.

А. АНИСИМОВ

Участники балетного кружка Дворца металлургов Кузнецкого комбината имени И. В. Сталина: табельщица мартеновского цеха Ия Кулакова и электрослесарь сортопрокатного цеха Александр Конышев перед выходом на сцену.

Фото М. Савина

Е. М. Рачев. ИЗ ИЛЛЮСТРАЦИЙ К УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКЕ «РУКАВИЧКА».

Всесоюзная художественная выставка 1951 года.

Веселые картинки

Шла однажды по полю мышка и увидела рукавичку. Дело было зимой. Кругом снег лежит, метель метет. А рукавичка теплая, большая. И решила мышка устроиться в ней на зимовье. Только успела поселиться, как, откуда ни возьмись, полон дом соседей набрался. Тут и лягушка, тут и заяц с кабаном, тут и волк с лисицей. А там и сам медведь подбирается.

Рисунки художника Е. Рачева к украинской народной сказке «Рукавичка» в живой форме передают все нехитрые события неудавшегося зимовья зверей. Все очень весело и занятно в этих иллюстрациях. Хорошо зная каждого зверька, художник в то же время наделяет своих героев особенностями, взятыми у людей. Так появляется во рту у кабана люлька, на лягушке — расшитая кофта с плахтой, а на медведе — кафтан с опояской.

Е. Рачев подчеркивает, что звери в народной сказке во всем подражают людям. Поэтому на его рисунках много интересно придуманных деталей: проделанное в рукавичке окошко, печная труба, сооруженная из большого пальца, крылечко со звонком. Хозяйственные зверушки даже поставили свой домик на фундамент. Все это придает иллюстрациям особенную живость и в то же время настоящую сказочность.

Хорошо найдены характеры каждого зверя: ленивого кабана, хитрой, юркой лисицы, осторожной хлопотуньи-мышки, веселого, озорного медведя.

Иллюстрации Е. Рачева — одна из лучших работ наших графиков для детей из числа представленных на Всесоюзной художественной выставке 1951 года.

Народная артистка СССР
О. Н. Андровская.

Народная артистка СССР
К. Н. Еланская.

ДВЕ *артистки*

Н. ВОЛКОВ

В 1924 году Московский Художественный театр решил возобновить одну из своих крупнейших постановок — «Горе от ума». Это возобновление было и обновлением труппы. Оба руководителя театра — К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко — включили в число исполнителей грибоедовской комедии наряду с прославленными мастерами и выпускников студии. Так появились в списке действующих лиц вместе со своими сверстниками Клавдия Николаевна Еланская в роли Софьи Фамусовой и Ольга Николаевна Андровская в роли служанки Лизы.

Ни для Еланской, ни для Андровской это не было первой главой их сценической биографии. Но участие в «Горе от ума», где Фамусова играл Станиславский, для молодых актрис было выходом на широкий творческий путь. И этот путь одновременно привел их в 1948 году к почетному званию — народных артисток СССР, а в 1952 году к высокой награде — Сталинской премии.

Однако при одинаковом творческом воспитании, при общности многих знаменательных событий в их жизни Еланская и Андровская чрезвычайно различны в их артистической индивидуальности.

Весь строй движений Еланской, то мягких, то порывистых, весь строй ее интонаций, то певучих, то трепетных, исконно русские. Сфера Еланской — это русская лирическая драма. Национально-русское проявилось и в ее ранних ролях и позднее, когда к ней пришла первая большая слава: в январе 1930 года она сыграла Катюшу Маслову в инсценировке толстовского романа «Воскресение».

Еланская немало создала ролей и в русском классическом и в советском репертуаре. Но что бы ни играла Еланская, классическую или современную пьесу, через все ее выступления проходит основная тема — тема большого человеческого достоинства. И как бы ни слагались судьбы различных героинь Еланской, у них у всех честная и чистая душа.

Казалось бы, на какое страшное дно жизни спустилась Катюша Маслова («Воскресение» Л. Н. Толстого), а и тут Еланская играет не порок, а чистоту. Ее волнует не падение, а воскресение Масловой — тот огонек, который теплится в душе Катюши и рано или поздно вспыхнет жарким пламенем, выжжет все смрадное и грязное, что прилипло к девушке в ее безрадостном прошлом. А какой чистотой и благородством пронизан у Еланской образ Ольги Прозоровой — одной из трех чеховских сестер! С благородной сдержанностью и внутренней глубиной воссоздает Еланская ее облик. Женственность в ее Ольге сочетается с внутренней мужественностью. Точно любящая мать, принимает на свои плечи Ольга-Еланская и тяжесть разлуки Маши с любимым человеком и горе Ирины, потерявшей жениха.

И в пьесах советских авторов Еланская — художник чистых и благородных натур. В спектакле «Русские люди» она поднимается до высот трагедии, когда играет Марию Николаевну Харитонову — грозного судью и для своего мужа, ставшего предателем Родины, и для насильников-гестаповцев. Глубокий советский патриотизм помог Еланской убедительно и искренне сыграть и Харитонову, и Любовь Яровую, и передовую женщину колхозного села — Рогову («Хлеб наш насущный» Н. Вирты).

В творчестве Андровской, в ее блестящем таланте есть что-то искристое. Все в ней от жизненного задора, от бурления и кипения чувств.

«Женитьба Фигаро» не случайно вспоминается при имени Андровской: ее бойкая, смышленая Сюзанна в комедии Бомарше — одно из лучших созданий талантливой артистки. Французженка Сюзанна Андровской — родная сестра русской Лизы. Андровская отлично показывает, как и в крепостническом доме Фамусова и в феодальном замке Альмавивы обе девушки из народа храбро и ловко отбиваются от притязаний барской «любви» и от вспышек барского гнева. Народность — одна из основных граней искусства Андровской. Без этого чувства русской земли, русской природы не могла бы Андровская сыграть с такой удалью Варвару в «Грозе», где и раздольная песня, и волжская ширь, и весенние соловьиные ночи...

Мастер отрицательного портрета, Андровская не мало создала острых сатирических характеристик в пьесах русских и иностранных драматургов: озлобленная белогвардейка Панова в «Любови Яровой», «прошедшая огонь и воду» провинциальная актриса Смельская в «Талантах и поклонниках», коварная авантюристка Чивли в «Идеальном муже» Уайльда и разбитная купеческая вдова Лебедкина в «Поздней любви» Островского.

Все это передается Андровской точно, метко, с верным размещением всех точек и акцентов роли.

Актрисы большой реалистической правды, Еланская и Андровская — достойные ученицы своих славных учителей К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. Но школу творчества они проходили и в самой жизни, в атмосфере социалистического общества.

Фото С. Иванова-Аллилуева (ТАСС)
и М. Сахарова

О. Н. Андровская — Сюзанна («Женитьба Фигаро» Бомарше).

О. Н. Андровская — Панова («Любовь Яровая» К. Тренева).

К. Н. Еланская — Ольга Прозорова («Три сестры» А. П. Чехова).

К. Н. Еланская — Катюша Маслова («Воскресение» Л. Н. Толстого).

ПАМФЛЕТ, ЗАПРЕЩЕННЫЙ ТРИЖДЫ

Л. БЕЛОКУРОВ

Фильм «Верноподданный». Нелепы традиции студенческой корпорации, но эти рубцы могут помочь карьере. В роли Дидриха Хеслинга, типичного прусского шовиниста, — артист Вернер Петерс.

Хеслинг заискивает: собака принадлежит бургомистру и любима хозяином.

Хеслинг произносит речь, превозносящую кайзера — олицетворение прусского духа.

Дидрих Хеслинг — так зовут героя нового немецкого фильма «Верноподданный», созданного студией «Дефа» по мотивам одноименного романа выдающегося немецкого писателя Генриха Манна. Написанный накануне первой мировой войны, роман «Верноподданный» был запрещен цензурой, справедливо усмотревшей в нем памфлет на империю кайзера Вильгельма.

Позднее, в годы фашизма, Г. Манн говорил о своем произведении: «Роман изображает предшествующую стадию развития того типа, который затем достиг власти. И лишь захват и использование власти позволили этому типу раскрыть полностью свою отвратительную сущность. Над «Верноподданным» можно смеяться; наци, конечно, смешон тоже, но он совершил слишком много преступлений, в которых нет места комизму».

Не мудрено, что книга была сожжена на костре, а автор был объявлен «врагом нации» и изгнан из Германии.

Не желанием уйти в прошлое, а страстной и благородной заинтересованностью в судьбах своего народа и молодой Германской Демократической Республики объясняется обращение ведущего режиссера киностудии «Дефа» Вольфганга Штаудте (постановщика фильмов «Убийцы среди нас» и «Коричневая паутина») к роману «Верноподданный», одному из крупнейших произведений реалистической литературы XX века.

Крайний индивидуализм, мораль, по которой все дозволено, звериный национализм, презрение к культуре, страх перед будущим — вот из чего веками складывалось пруссачество. Такова и главная тема романа, приобретающая особо актуальное значение в наши дни, когда полным ходом идет ремилитаризация Западной Германии.

Трудно вместить в рамки одного фильма события большого социального романа и вместе с тем сохранить богатство его содержания, широту показа общественных отношений, на фоне которых развивается жизнь героя. Немецкие кинработники с честью справились с этой задачей. Больше того, многие эпизоды романа зазвучали в фильме с новой силой благодаря полноценному использованию всех элементов киноискусства — режиссуры, актерской игры, операторской техники, музыки.

Стандартен жизненный путь Дидриха Хеслинга, ничем не примечательного представителя мелкой буржуазии. Детство в мещанской семье с ее лицемерием, ханжеством, прописными истинами и животным страхом перед самодуром-отцом. Затем школа, где авторитет учителя зиждется на системе наказаний и на поощрении фискальства учеников. Далее столичный университет, студенческие корпорации с нелепыми традициями и предрассудками, помогающими воспитать из молодых людей прочную пустоголовую опору империи.

Еще одно испытание — военная служба, казарма, страсть чинопочитания и сладость самоуничижения. Наконец, получение диплома доктора прав, долгожданное, хотя и небольшое наследство, брак по расчету — и вот уже молодой верноподданный готов для политической карьеры. Мелкий собственник — владелец бумажной фабрики, — трусливый стяжатель и жестокий эксплуататор становится полноправным членом общества.

«Философия» Хеслинга выражается в афоризмах: «Кровь и железо — самое действенное средство» или «Немецкий народ, слава богу, больше не народ мыслителей и поэтов...» Женщина, по его мнению, «должна знать три вещи — детей, кухню и церковь». Встреча с кайзером приводит Хеслинга в состояние буйного экстаза. Созерцание колбасной — для него высочайшее художественное наслаждение.

В его несвязных репликах о грядущем мировом господстве германской расы ясно звучат человеконенавистнические нотки.

Вернер Петерс в роли Хеслинга создал образ исключительной силы. Актеру удалось запечатлеть самые характерные, типические черты предшественников и вдохновителей гитлеризма.

В некоторых эпизодах постановщик и артист достигают вершин сатирического обобщения.

Такова сцена, в которой Хеслинг празднует выпуск новой продукции своей фабрики. Слова о «мировом господстве» германской расы написаны на каждом листке туалетной бумаги. Убийственной иронией над хеслингами прошлого и будущего звучит этот эпизод.

Такова сцена у бургомистра, где Хеслинг ради карьеры пресмыкается перед псом — любимцем хозяина города.

Крупные планы шагающих сапог и оскаленного рта, ревущего команду, бой барабана создают яркую картину военной муштры, составляющей душу пруссачества.

Постановщик В. Штаудте перешагнул границы романа, закончив фильм кадрами, в которых воздвигнутый Хеслингом памятник кайзеру одиноко торчит среди развалин, оставленных последней войной.

К сожалению, в фильме бледен и невыразителен образ социал-демократа Фишера. Между тем в своем романе Г. Манн предвидит позорную судьбу немецкой социал-демократии, изменившей революции и расчистившей путь гитлеризму. Опыт немецкого рабочего движения давал богатейший материал для сатирического разоблачения предателей рабочего класса и на экране кино.

В целом же фильм «Верноподданный» — ценный вклад в дело борьбы за мир, за единую, демократическую, миролюбивую Германию. Вероятно, поэтому так называемая комиссия по делам культуры при боннском марионеточном правительстве не разрешила демонстрацию фильма в кинотеатрах Западной Германии. Да это и естественно: там, где хеслинги стоят у власти, где возрождается военная промышленность и растут, как грибы после долларового дождя, союзы солдат и офицеров, такой фильм, безусловно, «опасен».

Так еще раз подверглось гонению правдивое и глубокое произведение Г. Манна. Давно уже истлели на свалке истории политические деятели и режимы, пытавшиеся дважды запретить роман-памфлет. Очередь за теми, кто пытается сделать это с «Верноподданным» в третий раз.

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

С 25 марта по 2 апреля, в дни школьных каникул, по всей стране проводится традиционная «Неделя детской книги».

Мы рассказываем о книгах для детей, недавно удостоенных Сталинской премии.

Боевая юность

«— Да, Василь, в интересные годы мы живем, ой, в какие интересные! Поверь мне, никто из наших потомков не увидит столько в своей молодости, как мы с тобой, потому что это не только наша, личная молодость, но и молодость целой Советской страны...» Эти слова комсомольца Никиты Коломейца, обращенные к главному герою трилогии Владимира Беляева «Старая крепость», объясняют и напряженность, и взволнованность, и занимательность книги.

Сын наборщика, славный, смышленый паренек Василь Манджура, от имени которого ведется повествование, увлеченно и искренне рассказывает «о времени и о себе», о друзьях своих — жителях рабочей окраины,— о том, как в революционных бурях, в труде закалялась и мужала молодежь.

С Василем Манджурой, сыном сапожника Петром Маремухой, Юзиком Стародомским, по прозвищу Куница, и другими учениками высшеначального училища из маленького пограничного городка на Украине мы знакомимся в тот момент, когда они становятся «гимназистами». Переместив вчерашних школьников в гимназию, петлюровцы хотят оболванить рабочих-подростков, вырастить из них послушных, тупых националистов, себе подстать. При этом барчуки-гимназисты, да и преподаватели еле скрывают свое презрение к «чумазым» хлопчикам. Здесь, в стенах петлюровской гимназии, тоже происходит жестокая схватка старого, отживающего мира с новым. Василь Манджура и его друзья отворачиваются от фальшивых поучений пьяного попа-«историка». Они помнят правдивое слово педагога Лазарева, его рассказы о старой городской крепости, где, по преданию, были заточены борцы за свободу Кармелюк и его сподвижники. Василь и Куница искренне ненавидят бойскаутов и их коновода Котьку Григоренко. Польстившийся на посулы скаутов, Петро Маремуха впоследствии горько сетует: «Будь они прокляты со своей самостийной вместе... Поскорее бы красные возвращались!..»

Жестоко поплатился за стремление к честности, прямоте, справедливости Василь Манджура: по наущению петлюровского холуя доктора Григоренко его выгнали из гимназии.

Но автор, верный жизненной правде, показывает, что, какие бы трудности и горести ни возникали в те грозные годы на пути ребят, детство со всеми его радостями, затеями, озорством берет свое. Сколько чистоты, наивности, ребячей смелости в поступках Василя и его друзей, в их ссорах и примирениях, походах по «неизведанным» местам старой крепости, в их стычках с бойскаутами и старорежимными педагогами! Детские переживания героев трилогии тем убедительней, что в них властно вторгается сама жизнь с ее большими и подчас тревожными событиями... Случайно увиденная ребятами в крепости сцена расстрела петлюровцами задержавшегося в городе больного коммуниста Сергушина становится как бы рубежом детства героев. Из самых светлых и чистых глубин детской души подымается жажда мести врагам, слова клятвы: всю жизнь помогать тем, кто борется за советскую власть.

Вернулась советская власть в родной городок, и Василь Манджура переезжает с окраины в совпартшколу, где работает его отец. Здесь, в крепком коллективе курсантов, под благотворным воздействием секретаря партячейки Полевого, зарабатывает паренек право стать комсомольцем. Отвагу и мужество проявляет он в стычке с диверсантами, дежурит в ЧОНе, помогает разоблачить предателя Григоренко. Писатель убедительно показывает нам, как в борьбе вырабатываются и крепнут лучшие душевные качества рабочего подростка, как Василь все глубже начинает понимать суть и смысл ожесточенной, непрерывной классовой схватки, которая не затихает и под мирным небом...

Далеко отодвинулась гражданская война от пограничного городка Украины, замолкли пушки. Для ребят открыли фабзавуч, заведует им Полевой. С увлечением учатся Василь, Куница, Петро и их товарищи, готовясь стать слесарями, токарями, металлистами.

Но вот появляется в городке новый заведующий отделом народного образования, Печерица, который начинает поход против фабзавуча, пытается опорочить Полевого, разогнать ребят. Комсомольская организация решительно и смело отстаивает право ребят стать достойным пополнением советского рабочего класса. По поручению фабзавучников Василь едет хлопотать в Харьков, попадает на прием к секретарю ЦК партии Украины и добивается предоставления всем ребятам путевок в жизнь — на разные заводы республики. Печерица же, оказавшийся коварным, опасным врагом, националистом и агентом иностранной разведки, сбежал из городка.

Пожалуй, наиболее важны для раскрытия образа главного героя трилогии сцены на заводе в приморском городе, куда после окончания фабзавуча попали Василь, Петро, Саша Бобырь...

Рационализаторское предложение Василя, трудовые успехи его друзей воспринимаешь как нечто естественное, закономерное, предопределенное их воспитанием, отношением к Родине, к советскому обществу.

К сожалению, автор не всегда последователен в изображении внутреннего облика Василя Манджуры. История с кражей Василем серебряных ложек, чересчур запутанные взаимоотношения его с дочерью главного инженера завода Анжеликой — все это как бы приписано герою книги, явно расходится с самой сутью его натуры.

Непонятно также, почему детский мир, изображенный автором, населен почти одними только мальчиками. Единственный, интересно намеченный было образ девушки — работницы Гали — вскоре исчезает со страниц трилогии.

Нам не представляется нужным эпилог, в котором рассказано, как герои встречаются спустя двадцать лет. Ведь мы и без беглых сведений о дальнейшей жизни Манджуры, Маремухи и других ребят твердо знаем, что они, представители славного комсомольского сталинского племени, уже вышли на широкую дорогу советской жизни и будут неуклонно идти по ней вперед, борясь за коммунизм.

О. РЕЗНИК

Владимир Беляев. Старая крепость (трилогия). Государственное издательство художественной литературы УССР. 1951.

Ученик Малеев Виктор

Повесть «Витя Малеев в школе и дома» рассказывает о главном в жизни десятилетнего человека — об ученье.

Витя Малеев увлекается футболом, дрессирует собаку, играет в шахматы, выступает на школьном вечере, но главное — он учится. Подчеркиваю это потому, что во многих книгах для детей герои, хотя и посещают школу, но не показаны учениками; в таких книгах много места занимают разговоры об успеваемости, а самый процесс приобретения знаний, постижения наук оказывается обойденным.

У Н. Носова этот процесс в центре повествования. И именно потому, что он вскрыт писателем глубоко, реалистически, и в целом, и в мельчайших деталях, бесхитростная история о том, как Витя Малеев и Костя Шишкин избавились от двоек, становится не только забавной и в хорошем смысле слова поучительной, но подчас и волнующей.

Н. Носов смело вводит в ткань своей книги такой, казалось бы, не укладывающийся в рамки литературного произведения материал, как весь ход решения Витей арифметической задачи.

Страницы повести, посвященные этому, пестрят цифрами, как страницы учебника. И, однако, это страницы художественной прозы.

Прежде всего потому, что ход мысли Вити Малеева, стремящегося поскорее решить задачу, Н. Носов показывает не только психологически тонко и точно, но и образно. И еще по одной причине: Н. Носов юмористически осмысливает очень типичные для учеников ошибки в решении, которые почти каждому маленькому читателю, вероятно, приходилось совершать. Писателю удалось по-настоящему смешно изобразить цепь нелепых умозаключений Вити, который, не доискавшись смысла задачи, нетерпеливо стремится решить ее каким угодно способом: в отчаянии делит топоры на пилы и т. д.

Улыбка автора, то веселая и широкая, то неодобрительная и укоризненная, но всегда заразительная, не только освещает, но порой и спасает многие страницы повести, которые без нее показались бы назойливо дидактическими. Например, разговор Вити Малеева с директором, объясняющим ему, что такое дружба, выглядел бы заурядным поучением, если бы не такое начало его:

«— Ты, Малеев, ведь друг Шишкина?

— Да, — говорю я. — Я его ложный друг.

— Почему ложный? Ах, да! Я ведь хотел сказать тебе, что ты нехорошо поступил, но вижу, что тебе это объяснили уже. Тебе что, нравится такое название — ложный друг?

— Нет, но все говорят, что я ложный, значит, я ложный».

Тонкий и вместе с тем доходчивый юмор Н. Носова является одним из самых ценных достоинств его творчества. И если в предыдущих произведениях писателя это был чаще всего юмор положения, юмор ситуации, то в «Вите Малееве» юмор больше сказывается в обрисовке характеров. И думается, это хорошо. Ведь в том, что он писал раньше, Н. Носов часто настолько увлекался комизмом ситуации, что создавал очень условные, лишенные настоящей плоти характеры.

А Витя Малеев и Костя Шишкин — живые, привлекательные, забавные ребята. В них много типичных для школьников черт.

Писатель почти нигде не утрирует ради смеха комические черты характеров своих героев, и надо сказать, что образы мальчиков развиваются от начала до конца очень естественно, непринужденно, а исправляются Витя и Костя также закономерно и правдоподобно, не изумляя и не озадачивая этим читателя, как это порой бывает в книгах для детей.

К сожалению, другие образы совсем не удались Н. Носову. Из множества мальчиков, перечисленных по фамилиям в первой главе, а затем появляющихся в последующих главах, не запоминается ни один. Это статисты. Рядом со статистами существуют, как это ни огорчительно, и резонеры. Это — взрослые люди, воспитатели. Ничего, кроме стандартных и потому несколько даже раздражающих сентенций, не произносит на страницах книги учительница Ольга Николаевна. Лишен каких бы то ни было черт и примет вожатый Володя, высказывающий изредка, бесспорно, разумные суждения. Более живым представляется директор школы Игорь Александрович, но и его образ только едва-едва намечен.

Досадно также, что читатель при всем желании не может составить себе представления о городе, где живут и учатся герои повести: велик ли он, какое у него прошлое и будущее, является он старинным или молодым, в какой части страны расположен, — ни на один из этих вопросов невозможно найти ответ.

Сейчас повесть вышла в Детгизе отдельным изданием. Надо сказать, что несколько подробнее и четче стали характеристики взрослых. Более мотивированным стало казавшееся внезапным решение Шишкина стать циркачом, кое-где ликвидированы длинноты. Но основные недостатки журнального варианта остались.

В отдельном издании пострадали некоторые, бесспорно, удачные юмористические места повести. В результате, например, приведенное выше (по тексту журнала) начало разговора директора с Малеевым выглядит теперь, как скучное, заурядное поучение. В начале повести попросту опущен наполовину рассказ Кости Шишкина о том, как его нальчикский знакомый Митя Круглов подготавливал мать к тому, что получил двойку. В другом месте также опущен ярко-юмористический короткий разговор Вити Малеева с вожатым.

Хочется еще раз сказать о главном и решающем достоинстве книги: в ней создан обаятельный, достоверный, близкий маленькому — и не только маленькому — читателю образ ученика Малеева Виктора.

М. БРЕМЕНЕР

Н. Носов. Витя Малеев в школе и дома. Повесть. «Новый мир», 1951, № 6. Детгиз. 1952.

Любимая профессия

В. ДАЙРЕДЖИЕВ,
мастер спорта

С мальчишеских лет Володя Сахаров увлекался естествознанием. В противоположность многим своим товарищам этот черноволосый, атлетически сложенный юноша твердо знал, что учиться он будет в медицинском институте, а после окончания института будет хирургом. Ему нравилась эта специальность своей возможностью операционным путем властно вмешиваться и изменять течение болезни людей. Нравилось ему и то, что, помимо больших и точных знаний, здесь еще нужно высокое искусство рук врача. Хирург должен иметь «умные руки», слышал он не раз, иначе это не хирург.

Получив аттестат зрелости, Сахаров превосходно сдал экзамен в Горьковский медицинский институт. Он с большой охотой изучал анатомию, с нетерпением ожидая, когда начнется чтение основного предмета — хирургии.

Три года назад, когда Сахаров был на третьем курсе, в расписании занятий появилось наконец долгожданное: «общая хирургия».

Владимир слушал лекции, много читал и охотно посещал клинику, где проводились практические занятия. Слушая пояснение опытного хирурга в момент операции, он с упоением и завистью следил за работой его ловких рук. Тонкие пальцы человека, до глаз закутанного в белое, делали все необыкновенно привычно и просто.

И чем больше операций видел Владимир, чем выше было мастерство хирурга, тем легче и проще казалась операция. Ему уже самому хотелось скорее давать властные команды ассистентам и решительно действовать скальпелем. Чем ближе он был к этой заветной минуте, тем яснее представлял себе будущую операцию, тем смелее думал о ней.

Но случилось так, что операция пришла все-таки неожиданно. Однажды Сахаров ассистировал довольно несложную, а ему казавшуюся совершенно простой операцию остеомиэлита. При помощи долота удалялась разложившаяся часть костной клетчатки большой берцовой кости. Все здесь было на виду, и только благоговение перед замечательным педагогом и хирургом Н. А. Вазиным удерживало Владимира от желания попросить разрешения самому взять в руки инструмент.

Вазин сам предложил ему продолжать операцию. И тут произошло неожиданное. Вдруг всю уверенность Сахарова как ветром сдуло. Он чувствовал, что его движения никак и ничем не напоминали движения Вазина. Владимир вдруг словно забыл все, что знал: и анатомию, и характер, и течение этой болезни, и, наконец, десятки виденных им таких операций. Лоб его покрылся крупными каплями пота, руки не слушались.

На выручку пришел следивший за учеником хирург:

— Не волнуйся, смелее.

Этот спокойный и властный голос отрезвил Владимира, придал ему уверенность. Юноша овладел собой и конец операции провел смелее. Но как он тогда устал!

Так состоялось «хирургическое крещение». •

* * *

Спортом Володя стал заниматься очень рано. В Горьком на Волге и не могло быть иначе. Летом купался, пока не посинеют губы, зимой катался с крутых гор на санках и коньках. Лет двенадцати он стал ходить в юношескую школу бокса общества «Водник». Это было уже настоящее начало, систематизированный спорт. Володя всегда отличался пытливостью. Он покупал книжки по разным видам спорта, увлекаясь то одним, то другим, занимался гантельной гимнастикой, потом ходил в гимнастическую секцию «Спартака», успешно овладевая этим сложным видом спорта. Попутно все время он бегал на коньках, а летом катался на велосипеде. Но долгое время ни один из этих видов не приковывал к себе его внимания. Володя занимался всем, не давая предпочтения ничему. Но это-то и было главным. Школу Владимир окончил не только с прочными общеобразовательными знаниями, позволявшими ему поступить в любое высшее учебное заведение, но и физически сильным юношей.

В 1946 году после окончания школы Володя впервые выступил в городских соревнованиях по конькам для юношей. Потом он участвовал в студенческих состязаниях по конькам, велосипеду, гимнастике. И, будучи уже на третьем курсе, стал чемпионом города среди велосипедистов-дорожников.

Высокое искусство хирурга целиком поглощало студента Сахарова. Но однажды — это было три года назад — бег Юрия Головченко поразил Владимира своей красотой. Его мягкие и вместе с тем стремительные движения напоминали плавный танец. Головченко тогда выиграл три дистанции из четырех. «Вот это — совершенство!» — думал Сахаров. Так бегать и он хочет. Это мастерство действительно граничит с искусством.

Абсолютный чемпион Советского Союза по скоростному бегу на коньках Владимир Сахаров.

Фото О. Кнорринга

Вскоре состоялось соревнование по конькам на первенство высших учебных заведений. Сахаров показал хорошие для новичка результаты, и его зачислили запасным участником в сборную города. Тогда же Владимир встретился с Евгением Летчфордом, который тренирует его и поныне.

Мастеру понравился темпераментный, напористый спортсмен с прекрасными физическими данными. Летчфорд знал, что Сахаров — отличник в институте и любит свою будущую профессию хирурга. Он предупредил Владимира, что коньки потребуют очень много времени. Чтобы стать классным конькобежцем, нужно много тренироваться.

— Не помешает это вашей учебе в институте?

— Нет, не помешает,— ответил Владимир. Его карие глаза смотрели из-под черных бровей решительно.

Они подолгу беседовали о технике бега, о методике тренировки. Сахаров хотел знать все: как должен быть расположен корпус в момент бега по прямой, как делать толчок, как нести свободную ногу в момент скольжения, чтобы в короткий миг дать отдых. Владимир достал всю литературу по конькобежному спорту. Здесь были книжки П. Ипполитова, и Н. Петрова, и, наконец, книга М. Соколова, которая стала настольной. Все, что Сахаров принимал для себя, было продумано. Ничто не бралось на веру.

Превосходная физическая подготовка, природное чувство координации движений, наконец, страстность в достижении цели помогли молодому спортсмену быстро изменить технику бега и ощутительно улучшить спортивные результаты. Если раньше он пробегал самую короткую дистанцию — «пятисотку» — за 48,2 секунды, то после систематических занятий секундомер дал новое показание — 47,6; так было и на других дистанциях.

На традиционном соревновании городов в начале 1950 года В. Сахаров был «первым номером» в команде города. Здесь он снова улучшил все результаты и занял общее третье место. Огромный успех. Тем более, что в это время Владимир был уже на четвертом курсе института.

Помимо посещений лекций, сдачи зачетов и экзаменов, нужно было много работать в клинике. Это железный закон воспитания врача, а для Сахарова к тому же самое любимое занятие. И если приходилось отлучаться на тренировочные сборы или соревнования, то по возвращении Владимир умел заставить себя работать с утроенной энергией и сдавать предметы на четверки и пятерки.

* * *

К соревнованиям на первенство СССР нынешнего года, которые проводились на высокогорном катке близ Алма-Аты, Сахаров пришел зрелым мастером. Его техникой бега и в спринте и особенно на больших дистанциях любовались мастера.

— Ну, Володя, тебе повезло,— сказал Е. Летчфорд, показывая Сахарову результаты жеребьевки первого дня соревнований,— 500 метров бежишь с Кудрявцевым.

Самая короткая дистанция была камнем преткновения Сахарова, и он был рад такому партнеру: Кудрявцев — один из сильнейших спринтеров мира, «потянувшись» за ним, можно показать высокий результат.

Так оно и вышло. Правда, Кудрявцев на первой же прямой вырвался вперед и финишировал на целую секунду впереди Сахарова,

но время победителя было 42,2, побежденного — 43,2 — личный рекорд.

И если до этого забега сам спортсмен рассчитывал попасть в первую пятерку по сумме четырех дистанций, то теперь он видел, что имеет право рассчитывать и на призовую тройку. Поэтому, несмотря на то, что 5 тысяч метров ему пришлось бежать в самых тяжелых условиях, при сильном ветре и уже по изрезанному льду, Владимир показал превосходное время — 8 минут 22, 6 секунды.

— Я считаю, — сказал Летчфорд, — что последнюю «марафонскую» дистанцию — 10 тысяч метров — ты можешь выиграть и вместе с ней ты получишь общую победу.

Это было смелое задание. Владимиру стало не по себе. Товарищи уже спали, а он все лежал в темноте с открытыми глазами и думал о завтрашнем дне.

Одну из важных дистанций — 1500 метров — Владимир бежал с молодым, но очень сильным скороходом В. Приставкиным. В непрерывной борьбе на протяжении всего бега они показали одинаковое время — 2 минуты 15 секунд. Уже после этого по сумме трех дистанций Сахаров был на четвертом месте. Впереди были В. Чайкин, В. Прошин, П. Беляев. Это главные его конкуренты на звание абсолютного чемпиона.

Конькобежный марафон Сахаров бежал в паре с ленинградцем Е. Красильниковым. Трижды до этого они стартовали вместе, и трижды Владимир был бит.

Он не любил бегать с ленинградцем. И не потому, что проиграл ему трижды. Красильников всегда очень сильно начинал бег, увядая в конце, а Сахаров привык планомерно распределять силы. Но в этот день он решил принять любой темп и во что бы то ни стало выиграть.

Погода, как и накануне, была плохая. Лед вязкий, и коньки плохо скользили. Несмотря на это, со старта бегуны взяли сильный темп. Первый круг они прошли за 43 секунды. Второй — за 40. Затем несколько кругов по 41 — 42 секунды. До семнадцатого круга оба шли конек в конек. Борьба захватывает зрителей. Их сегодня здесь так много, что склон горы Мохнатки сплошь усеян людьми, как трибуна стадиона. Отовсюду слышатся подбадривающие возгласы.

На семнадцатом круге наступает перелом. Сахаров усиливает бег и уходит от Красильникова. Со стороны кажется, что он делает это без особого труда. Его бег все так же красив и пластичен. Он бежит на сильно согнутых ногах, а конек после толчка отрывается ото льда неслышно, словно и не касаясь его. Вот и он добился того, чем когда-то покорил его Головченко. На одном из поворотов стоит автор книги, которую Сахаров знает назубок, — М. Соколов — и неизменно кричит бегуну:

— Хорошо, чаще выход!

И Владимир учащает шаги в конце поворота, чтобы в начале прямой иметь запас скорости и хоть мгновение да отдохнуть. А бежать делалось все труднее. Владимир чувствовал, что конек шипит, словно катится по наждачной бумаге.

— Сорок две! — кричит тренер. — Прибавь хоть полсекунды!

Но прибавить Владимир не может. Силы его на пределе. Такого бега у него еще не было. Он чувствовал, что если случайно упадет, встать не сможет. Ноги одеревенели. И странно: хотелось не выпрямиться, а именно упасть и лежать на льду, ни о чем не думая. Он все же сумел отогнать от себя малодушие.

«Осталось шесть кругов», «Осталось пять кругов», — слышал он каждый раз голос судьи, пробегая стартовую линию. А диктор, словно повторяя секунды какого-то одного круга, неизменно объявлял: «Сорок две», «Сорок две».

— Вот это — мастерство! — услышал Владимир чей-то голос из публики. — Круги, как близнецы.

Красильников уже далеко позади. Но вот наконец ударил гонг — последний круг!

Последнее усилие, и вот он, финиш. Выпрямив ноги, Владимир оперся руками о колена и так долго катился, не в силах сделать ни одного движения.

Результат, показанный им, был лучшим показателем дня. Это дало ему не только звание чемпиона на самую длинную дистанцию, но и почетное звание абсолютного чемпиона страны.

Получая дипломы первой степени за победу на льду, Владимир с волнением думал о дипломе, который, он это твердо знал, получит после сдачи государственного экзамена в мае этого года, — дипломе врача-хирурга.

Этот диплом будет началом освоения искусства хирурга, его любимой специальности.

Из прошлого русского спорта

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ЧЕМПИОН МИРА

В декабре 1888 года в город Амстердам на международные соревнования конькобежцев прибыл петербургский скороход Александр Никитич Паншин.

«Появился еще один конкурент непобедимому Джо Доногю», — писали по этому поводу амстердамские газеты. Джо Доногю был сильнейшим конькобежцем Америки. Высокий, поджарый, с длинными мускулистыми ногами, американец сразу же со старта вырывался вперед и предлагал такой стремительный темп, который бывал не под силу остальным участникам.

Многочисленные победы вскружили голову молодому Доногю. Он уже склонен был считать себя чемпионом мира.

Александр Паншин был старше Доногю, но конькобежным спортом занимался всего три года. Его нисколько не смущали громкие титулы и многочисленные жетоны американца: выйдем на дорожку — увидим...

И вот наступил день соревнования.

Двадцать два сильнейших конькобежца мира выстроились на льду.

Уже первый забег — на полмили — выявил преимущества Паншина: время русского конькобежца оказалось лучшим; второй результат показал голландец Пандер.

С Доногю вышла заминка. Пройдя не лучшим образом половину дистанции, он упал. Поднявшись, американский чемпион потребовал перебежки. Судьи пошли ему навстречу. Но как ни старался Доногю, побить время Паншина ему не удалось.

На следующий день состоялись забеги на одну милю. Спортивный жребий свел основных конькобежцев — Паншина и Доногю — в последней, одиннадцатой паре. Это было увлекательное зрелище — поединок двух сильнейших конькобежцев мира! Ни тот, ни другой не хотели уступить лидерство, и три четверти дистанции они прошли конек в конек, словно скованные друг с другом.

Но вот незаметно начинает выдвигаться вперед фигура Паншина.

Движения Доногю становятся резкими. Но Паншин уже на финише. Американец бит.

Из Амстердама оба конькобежца направились в Вену, чтобы еще раз померяться силами на чемпионате Австрии.

Начало бега не сулило Паншину ничего хорошего. Первым после сигнала стартера вырвался Доногю, за ним — австрийский чемпион Блаттер и лишь потом — Паншин. Русский скороход прилагал все силы, чтобы приблизиться к Доногю и Блаттеру, но — увы! — расстояние между ними не сокращалось.

«Я не мог понять, что со мной сталось, — рассказывал впоследствии Александр Никитич, — как вдруг слышу, кто-то кричит мне по-русски: «Паншин, не горячитесь!» И я догадался, в чем моя ошибка».

Начав работать спокойнее и равномернее, Паншин без особого труда обошел Блаттера, но Доногю был попрежнему недосягаем. А дистанция подходила к концу. Последний поворот.

Паншин делает стремительный рывок. Откуда только берутся у него силы! Вот промелькнула сбоку длинная фигура американца. Еще рывок, и словно чья-то сильная рука отодвинула Доногю назад. Впереди лежала свободная, изрезанная лезвиями коньков финишная прямая. Победа!

Так петербургский скороход Александр Паншин стал первым русским чемпионом мира.

И. БОРИСОВ

Девушка из латышского колхоза

На тропинке отчетливо виднеется след гоночного велосипеда. Повидимому, машина принадлежит мастеру спорта, колхознице сельскохозяйственной артели имени Райниса, Геновеве Веже. Впрочем, кто знает? В Балдонском районе немало и других велосипедистов. Накануне председатель районного совета колхозного спортивного общества «Варпа» («Колос») Альфон Кригер рассказал о команде района, завоевавшей первое место в республике по велогонкам. Велосипедным и другими видами спорта занимаются и в колхозе имени Сталина, и в колхозе имени Молотова, и во многих других артелях, расположенных вокруг чистенького, уютного курортного поселка Балдоне.

След велосипеда ведет в рощу. Далеко в воздухе разносится осиное жужжание пил, гулкие, повторяемые эхом удары топора. Высокая бронзовая сосна, вся усыпанная инеем, качнулась и медленно начала падать. Треск и шум прокатились по лесу. Затем наступила тишина.

Рослый, плечистый парень принялся обрубать сучья. Рядом стояла разрумянившаяся девушка с пилой в руках. Это Геновеве Веже — победительница всесоюзных соревнований сельских велосипедистов.

— Это мой брат, — говорит Веже, поздоровавшись. — Он тоже мастер спорта. Сегодня мы с ним выполнили почти полторы нормы. А до вечера еще далеко. Многие завидуют нам, а мы говорим: кто же вам мешает? Раньше всех встаем и в лес на велосипедах выезжаем. Восемь километров туда, восемь обратно.

Вечером, после работы, физкультурники, как обычно, собрались в доме Веже. Здесь были Янис Арсте, Иманс Лайме, Дзидра Нартман. Подъехал на велосипеде Антон Станкус. Завязалась оживленная беседа.

Геновеве вспомнила о том, как приветливо встретили спортсменов Латвии в Кишиневе на всесоюзных соревнованиях сельской молодежи, как подружилась она там с девушками из русских колхозов, из Молдавии, Белоруссии, Литвы.

Мастер спорта Геновеве Веже — рядовая колхозница. Летом — в поле, зимой — в лесу на лесозаготовках. После трудового дня она находит время потренироваться вместе со своими подругами на велосипеде, приготовить уроки, заданные в вечерней школе колхозной молодежи, где она учится в седьмом классе. Кроме того Геновеве ведет общественную работу. Прошлым летом молодежь выбрала ее секретарем комсомольской организации колхоза, а население единодушно избрало восемнадцатилетнюю девушку своим депутатом в районный совет.

Колхозные мастера спорта Станкус и Веже помогают юношам и девушкам своего колхоза и района освоить спортивное мастерство.

— Какие у вас планы на будущее? — спросили мы у Веже.

Девушка задумалась, затем, улыбаясь, сказала:

— О, планы у нашего колхоза большие! Мы хотим, чтобы вся молодежь колхоза занималась спортом, чтобы в районе поскорее выросли новые мастера спорта.

А. СВЕТОВ

Балдоне, Латвийской ССР.

Мастер спорта Г. Веже на тренировке.

Фото А. Лукьяновича

Характерные черты

Репортаж из Костромы

Борис ПРИВАЛОВ

Рисунки Е. Ведерникова

На платформе станции «Кострома-пассажирская» ни души — мы пришли раньше всех. Состав должны подать только через десять минут. Мы ходим по чистому, как белый лист бумаги, перрону. Произносить длинные фразы трудно: студеный воздух «замораживает» язык. Мы экономим слова, говорим стилем телеграммы-молнии.

— Древности? — спрашивает художник.

— Нет,— отвечаю я.

— Почему?

— Пскове, Новгороде, Ярославле не хуже.

Минуту слышится только скрип снега под ногами.

— Волга? — вношу предложение я.

— Нет,— накладывает «вето» художник.

— Почему?

— Она течет Саратов, Куйбышев, Сталинград.

— Что же делать?

И мы снова погружаемся в беспокойные думы.

Кострома нам задала, кажется, неразрешимую головоломку. Мы спорим уже целую неделю. На вокзале за несколько минут до отъезда из гостеприимной Костромы мы снова перебираем все возможные варианты...

Как и что писать про Кострому?

Когда мы отправлялись в командировку, в редакции нам сказали:

— Поезжайте в какой-нибудь город, который до революции считался классической провинцией, и покажите, каким он стал теперь. Найдите черты, характерные именно для этого города, что-нибудь специфическое... Знаете что? Поезжайте в Кострому! Тем более, что в этом году ей исполняется восемьсот лет со дня рождения.

...Первого костромича мы обнаружили в купе нашего вагона, когда поезд находился еще на дальних подступах к Костроме. Семен Семенович — пожилой мужчина с портфелем типа «осторожно — окрашено» (яркооранжевая масть и желтые ремни) — объявил, что он является костромским старожилом и даже помнит приезд в Кострому Демьяна Бедного в начале двадцатых годов.

Как выяснилось из перекрестного допроса, Семен Семенович действительно обладал кое-какими познаниями в области костромской истории, но звание старожила присвоил из рекламных соображений: он решил, что его немедленно будут фотографировать для журнала. Узнав, что фотографа нет, он сразу заскучал и на дальнейшие вопросы отвечал очень скупо:

— Город как город,— говорил он, ласково поглаживая свой яркооранжевый портфель,— имеет, конечно, показатели... Я как статистик могу осветить ряд моментов... До революции были две мощеные улицы, пять средних школ, на весь город двадцать восемь врачей. Теперь мы имеем сорок школ, девять техникумов, четыре института, триста врачей... Кроме того в городе имеется...

— А вы думаете,— обиделись мы,— что, кроме вас, никто газет не читает? Всем известно, что Кострома стала крупным промышленным и культурным центром!

— Нас не статистика интересует,— разъяснил художник,— не цифры. Мы должны найти черты, характерные для Костромы сегодняшнего дня. Понимаете? Ха-рак-тер-ные чер-ты! С чего вы, Семен Семенович, рекомендуете нам начать знакомство с городом?

— Как выйдете из вагона,— посоветовал Семен Семенович,— сразу и начинайте знакомиться...

Так мы и сделали.

Вокзальная площадь Костромы была запружена автотранспортом. К подъезду лихо подлетали новенькие «москвичи», подвозя спешащих на вокзал костромичей. Сомкнутыми рядами двигались грузовики. Они везли большие ящики, укутанные в рогожу.

— Мебель для нового здания МГУ! — с гордостью сказал нам шофер такси, в которое мы сели.

Из-за потока машин долго нельзя было выехать на дорогу, ведущую к городу.

— Движение, как в столице! — улыбнулся шофер.— Просто деваться некуда стало от транспорта. А старики рассказывают, было время, когда по городу ходил всего один автомобиль: губернаторский. На него из дальних деревень смотреть приезжали. Вот тогда нашему брату водителю ездить было куда легче!..

— Вот уже схвачена одна характерная черта сегодняшней Костромы! — заявил я.— Автомашина вошла в быт бывшей «глухой провинции»!

Но художник не разделил моего энтузиазма.

— Ведь это не специфически костромское явление,— сказал он.— Приблизительно такую же картину ты можешь увидеть в любом городе.

— Конечно,— сказал шофер,— автотранспорт — явление бытовое, что о нем писать! У нас в Костроме поинтереснее вещи имеются. Старина-матушка, Ипатьевский монастырь, например. Там и Годуновы жили, и ополчение оттуда шло на поддержку Минина и Пожарского, и первые Романовы отсиживались — древняя, одним словом, история... Все приезжие с этого начинают...

...И мы направились к монастырю. Он стоит у впадения реки Костромки в Волгу. Золотые купола его видны издали. Недалеко от монастырских стен расположилась парикмахерская, и «добрый молодец», стоящий в ее дверях, остановил нас.

— Куда же вы так сразу и в монастырь? — весело подмигнув, сказал он.— Тут у нас экскурсанты предварительно «постриг» принимают: фасонный, полубокс или под полечку...

Но мы прошли мимо парикмахерской и остановились на берегу реки возле вереницы катеров.

«Великим стройкам коммунизма!» — было написано на плакате. Лакированные рубки катеров сверкали на солнце ярче золотых куполов Ипатия.

...На крутой берег взбиралась машина, а возле нее шагал мужчина в сером пальто, с фотоаппаратом на груди.

— Как дела с земснарядами?! — кричал фотограф, заглядывая в окно автомобиля.

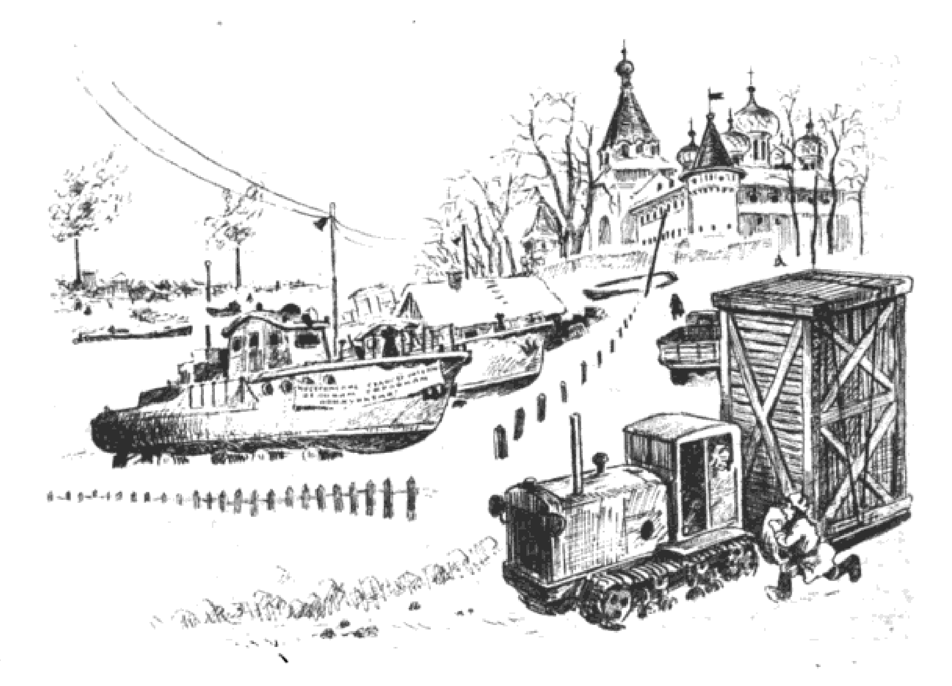
— Как полагается,— отвечал кто-то из машины.— Переходим на серийное производство!

— А с экскаваторами? Как с экскаваторами?!.

Мы не услышали, как обстоит дело с экскаваторами, потому что машина увеличила скорость и мужчине в сером пальто пришлось тоже двигаться значительно быстрее...

— Корреспондент какой-то, ох, и бегает здорово,— сказал старик-сторож. Возраст его был настолько солиден, что так и хотелось спросить, не помнит ли он, как Кострома отмечала свое семисотлетие.— А насчет экскаваторов у нас полный порядок! Мой родной брат на заводе работает, каждый месяц вместе со всеми заводскими премию получает,— значит, план перевыполняется...

— Участие в великих строй-

ках! — сказал я, похлопывая по крутому боку катера.— Вот она характерная...

— А другие города, по-твоему, не участвуют в великих стройках? — улыбнулся художник. — Черта-то, слов нет, характерная, но костромской специфики в ней нет.

— Верно,— согласился я, вздохнув.— Что же делать?

— Шли бы вы прямо в монастырь, — сказал сторож, — самое верное дело!..

Мы распрощались с дедом и пошли к Ипатию, где расположен музей.

Прежде всего мы осмотрели собор, потом познакомились со старинными часовнями, звонницами, бывшими хоромами русских царей.

В Костроме очень много памятников старинного русского зодчества. На любой улице можно найти дом, а то и два, на которых висит табличка: «Архитектурный памятник. Находится на государственной сохранности».

Вот об этой-то старине мы и говорили на вокзале, перед отъездом из Костромы.

— Это специфика не специфичная,— отверг я предложение художника.— В Пскове, Новгороде, Ярославле не меньше памятников русской старины!

По этой же причине была отвергнута и Волга. Великая русская река течет через десятки городов,— значит, это тоже не костромская специфика.

...Мы вспомнили новые рабочие поселки Костромы, ее прекрасные новые дома... Вспомнили и жилищные условия царей, живших в Ипатьевском монастыре: узкие кельи, низкие потолки, подслеповатые окна, отсутствие элементарных коммунальных удобств.

Действительно, если сказать новоселу-костромичу, что он будет в своей новой квартире жить «по-царски», то он обидится!

Новостройки тоже отпали: ведь не одна Кострома строится, не в одной Костроме заботятся о житье-бытье трудящихся, об их благосостоянии...

Мы долго знакомились с городом, беседовали с его жителями, побывали на заводах и фабриках.

Мы видели, как костромские крестьяне — земляки Ивана Сусанина — шли в городской планетарий на лекцию о межпланетных сообщениях, присутствовали при любопытном споре колхозников о возможностях будущего использования атомной энергии в сельском хозяйстве.

Видели мы, как работники Караваевского совхоза — создатели знаменитой костромской породы коров — приехали в городской театр на спектакль «Островский» (эта пьеса о великом русском драматурге, который жил и работал вблизи от Костромы, написана местным писателем Лебедевым).

Мы разговаривали с одним из старейших рабочих города, Петром Андреевичем Писаревым.

— Я, выходит, всего только в десять раз моложе Костромы,— смеется Петр Андреевич.— Ей восемьсот, а мне семьдесят девятый идет. Вот вы спрашиваете, как изменилась жизнь в Костроме... Я поясню на одном примере — на детских санках. Я начал работать с восьми лет. Семь десятков на заводе оттрубил! Так вот, когда я первый год пошел на фабрику, меня и других рабочих-малолеток родители возили на завод на санках. А через двенадцать часов — назад. Только для этого в рабочих семьях санки-то и держали. Нас этими салазками пугали, как букой... Нынче утром я вышел на улицу: идут рабочие на завод и тоже детишек везут. В детский сад их завозят по дороге. И санки ведь, как им положено, игрушкой теперь считаются, развлечением, радость детям приносят...

Вскоре после этого разговора мы зашли в детский сад. И попали на генеральную репетицию: дети готовили специальную программу к восьмисотлетию родного города. Наибольший успех имел сын рабочего с льнокомбината имени Ленина, пятилетний карапуз, который читал стихотворение. Малыш вышел в круг и начал:

— Нам восемьсот лет...

...И вот поезд Кострома — Москва отправляется в путь, увозя нас и наш неразрешенный спор. К нему прислушивается весь пассажирский коллектив. Начинают принимать участие костромичи даже из других вагонов.

— Самым характерным для нашего города,— убежденно произносит пассажир из соседнего купе,— является культурный рост. Сосчитайте-ка, сколько у нас теперь клубов, кино, концертных площадок! А театр! А цирк! Да еще выступления самодеятельности! На днях, например, студенты поставили...

— Вы меня простите, кх-кх, — покашливает с верхней полки какой-то гражданин с густыми, мохнатыми, как усы, бровями.— Это я к тому, что вопрос, кажется, зашел о студентах... У нас ежегодно несколько сот молодых людей получают дипломы в костромских вузах...

— Наша Кострома,— вступает в разговор полная женщина,— таких специалистов выпускает, каких нигде в Союзе не найдешь! Чего удивляетесь? А по производству льняных тканей? Где еще есть такие льнокомбинаты, как у нас?!

— Нельзя же так узко, кх-кх, ставить вопрос, — заволновался обладатель мохнатых бровей. — Разумеется, льняные ткани — замечательная вещь. Но ведь лен, он, простите, был специальностью Костромы и до революции. Конечно, кх-кх, это было далеко не то, но все же... существовало кое-что... Теперь ведь мы, кх-кх, разные фабрики строим и заводы и для великих строек многое производим... Нет, вы, простите, кх-кх, уважаемая, неправы... Лен неотделим от нас, но Кострому только через него воспринимать нельзя...

— Честное слово, просто смешно,— сказала стоящая в дверях купе проводница нашего вагона.— Вы меня извините, я от самой Костромы вас слушаю и никак не пойму: чего вы в двух соснах плутаете? Я десять лет проводником работаю — чуть не весь Союз видела. И таких споров, ей богу, не одну сотню слышала... Вот про это, про самое характерное, как товарищ с пятнадцатого места сказал... Тут говорили: «Бывшая провинция» и так далее... Верно, советская периферия ничем не отличается особенным даже от столицы. Люди в ней живут наши, советские. Так же хорошо работают, учатся, веселятся. А это что значит? Все примечательные черты нашей, советской жизни примечательны и для Костромы... Честное слово, просто неудобно: сто километров подряд спорили и в тупик зашли!..

— Сдаюсь! — поднимает руки пассажир из соседнего купе.— Капитулирую перед представителем транспорта!

— Очень точно, кх-кх, сформулировано,— заключает пассажир с верхней полки.— Вот это самое характерное явление и есть: специфика Костромы в том, что она идет в ногу со всеми нашими советскими городами, вместе со всем народом коммунизм строит...

Все присутствующие поддержали пассажира с верхней полки.

Среди охотников очень популярна охота за волками с самолета. Удачливый спортсмен уничтожает за один вылет до 6—8 волков. Успеху охоты способствует искусное пилотирование летчика. Заметив на ослепительно белом снегу волка, летчик пикирует на него, кружит и резко снижается, подставляя охотнику, сидящему в задней кабине, очередную жертву. Выстрел. Самолет идет на посадку, не заглушая мотора. Убитого волка забирают на самолет, затем снова взлет, снова поиски...

Охотники сдают убитых волков на пункты «Заготпушнины», где выплачиваются стоимость шкуры и премия за убитого хищника.

На снимке показан момент возвращения самолета с охоты на волков.

Пензенская область.

Отвечаем читателям

Человек и волк

«Ночь. Снежное поле. Охотник выехал с поросенком на волков. Визг поросенка скоро приманил стаю волков, одного из них охотник убил, остальные скрылись. Оставив ружье в санях, охотник подобрал убитого волка, но в это время лошадь, учуяв зверя, убежала... На безоружного охотника набросилась вернувшаяся стая, и на другой день в поле нашли только его обглоданные кости...»

К подобным рассказам одни относятся с сомнением, другие с доверием. Как же в действительности обстоит дело? «Нападает ли волк или стая волков на человека?» — спрашивает читатель «Огонька» А. Живов из Алма-Аты.

С этим же вопросом мы обратились к профессору П. А. Мантейфелю. Ученый рассказал нам:

— Волк настолько терроризирован человеком, что нападать на него боится. Даже смертельно раненный, он почти никогда не делает попытки броситься на охотника. Звери, попавшие в капкан, только поджимают хвост и щелкают зубами, но сопротивления охотнику не оказывают. При псовой охоте взятого собаками волка вяжут голыми руками. Волки-родители — и те обычно держатся в стороне от человека, даже если он разрушает их логово и убивает детенышей.

Рассказы о нападении волков на лошадь в упряжке сомнительны, но, преследуя собаку, волки могут вскочить и в сани.

Не нападая вообще на человека, в исключительных случаях волки нападают на детей. Как установлено, эти нападения совершают воспитывавшиеся среди людей и потом одичавшие звери или физически неполноценные, которым обычная добыча уже не под силу. Однако такие факты очень редки и отмечены лишь в отдельных местах в июле, когда подрастающие волчата усиленно требуют пищи, а кормов недостаточно.

Что же касается слухов и разговоров о нападении волков на взрослых, то при расследовании многих случаев, о которых рассказывали так называемые очевидцы, выяснилось, что «очевидцы» есть, а потерпевших не находится, и не потому, что они съедены без остатка, а потому, что потерпевших вообще не было.

Невероятен и приведенный рассказ о печально закончившейся охоте с поросенком. При выстреле, которым охотник положил одного из стаи, остальные разбежались бы. Что такое ружье, эти звери по-своему хорошо знают.

Известен, правда, один трагикомический случай, когда волк действительно бросился на человека. Но произошло это так: волк спал на лесной опушке, а человек, приняв его за собаку, подкрался и вытянул хлыстом по брюху; конечно, волк вскочил и вцепился в «шутника», но в подобных обстоятельствах даже смирный пес сделал бы то же самое.

Рассказы о нападении волков на людей, о мстительности волков преувеличены.

Б. АЛЕКСЕЕВ

В этом номере помещены четыре страницы акварелей В. Е. Маковского, одна страница иллюстраций художника Е. Рачева к сказке «Рукавичка» и три страницы цветных фотографий.

Пересадка комнатных растений

Пересадку комнатных растений обычно производят со второй половины марта и до конца апреля, когда растения пробуждаются от зимнего покоя, чтобы тронуться в рост. Самые нежные растения пересаживают в мае, цветущие весной — только по окончании их цветения, а хвойные — летом. К пересадке растений, исключая травянистые и быстро растущие, следует прибегать как можно реже. Лучше всего обеспечить нормальный уход за растениями: правильно поливать, подкармливать удобрительной поливкой, соблюдать световой режим, содержать в чистоте стебли и листья.

Растение нужно пересадить, если оно выглядит вялым, концы листьев подсыхают или же корни его так разрослись, что выпирают наружу. Горшок с растением берут в правую руку и, пропустив пальцы левой руки между стеблем или стеблями, поворачивают растение вниз и снимают горшок. Если горшок не отделяется сразу, то его слегка ударяют краем об стол. Затем осторожно распутывают руками густые сплетения корней и счищают с них заостренной палочкой землю, но полностью обнажать корни здоровых растений нельзя. Острым ножом удаляют корневой войлок, а также поломанные и загнившие корни; срезы посыпают порошком древесного угля. Нужно избегать посадки растений в слишком большие горшки. Больные

растения, чтобы они окрепли, пересаживают только в горшки меньших размеров, но перед этим промывают в теплой воде их корни, удаляя негодные. Такой же промывке подвергают растения с ощелоченной землей, издающей запах нашатыря.

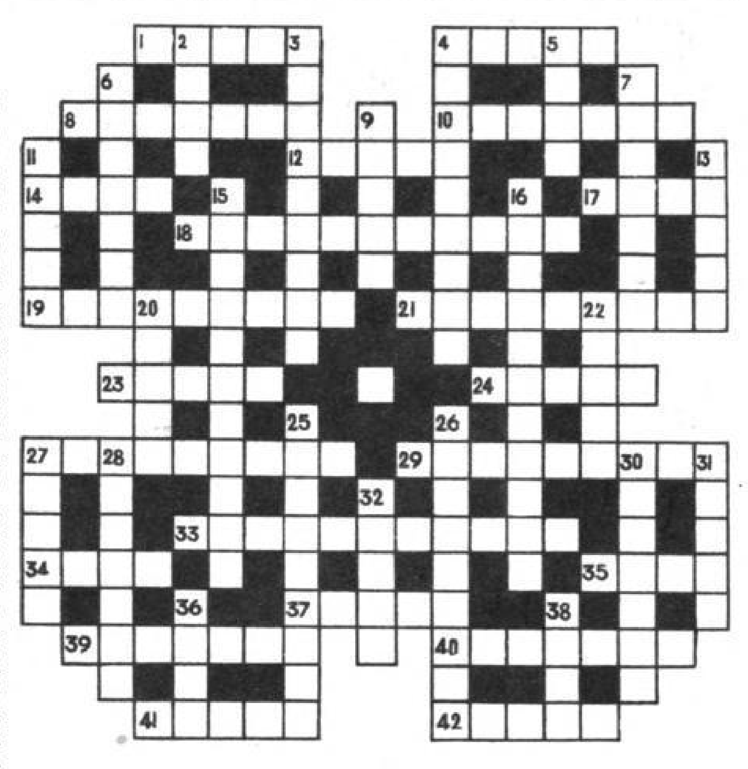
При пересадке (или посадке) растения на донное отверстие горшка кладут черепок выпуклой стороной кверху. Для лучшего стока воды часто устраивают дренаж, то есть устилают дно горшка черепками или камешками, покрывают их мхом и посыпают песком. Затем добавляют в горшок слой земли, опускают на нее корни растения и обсыпают их землей, аккуратно уминая землю между стенками горшка и корнями заостренной палочкой. Когда горшок наполнится, землю уплотняют руками около стебля, пристукивая об стол горшком, причем корневую шейку растения оставляют на прежнем (до пересадки) уровне. Только драцены, бромелии, некоторые пальмы и другие растения немного заглубляют при пересадке, чтобы усилить у них образование новых, сильных корней.

Землю, как правило, заготовляют дерновую, а к ней примешивают листовую, перегнойную или торфяную с добавлением промытого песка. За два—три дня до пересадки растения не поливают, а после пересадки поливают обильно. Луковичные растения, кактусы, алоэ не нуждаются в поливке задолго до пересадки, после пересадки возобновляют понемногу поливку их в течение нескольких дней.

Перевалку же быстро растущих растений из меньших горшков в большие производят, не разрушая земляного кома, даже по нескольку раз в год.

П. ЧУМАК

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Крестьянин из поэмы Н. А. Некрасова. 4. Собрание представителей большой общественной организации. 8. Изучающий свой край, район. 10. Горная дорога. 12. Персонаж из «Леса» Островского. 14. Водное пространство при входе в гавань. 17. Кредитное учреждение. 18. Часть физического прибора для поляризации света. 19. Стремление к согласию, дружеским отношениям. 21. Эмоциональное, возвышенное отношение к действительности. 23. Инициатива, начинание. 24. Знак на вещи для ее отличия. 27. Один из руководителей народного ополчения в XVII веке. 29. Произведение Л. Н. Толстого. 33. Выдающийся русский ученый-изобретатель в области реактивного движения. 34. Вид литературы. 35. Обширное водное пространство. 37. Род обуви. 39. Сооружение для защиты. 40. Передовик, рационализатор. 41. Атмосферные осадки. 42. Отступ в начальной строке текста.

По вертикали:

2. Приток Оби. 3. Переливы звука, изменение его высоты. 4. Аппарат для разделения жидкостей и сыпучих тел. 5. Пресмыкающееся. 6. Автор «Американской трагедии». 7. Санки. 9. Заключительная часть состязания на скорость. 11. Единица веса. 13. Произведение А. Гайдара. 15. Выдающийся украинский писатель. 16. Известный русский ученый-эмбриолог. 20. Глина, содержащая кремнезем. 22. Город в Японии. 25. Делимое в дроби. 26. Легкая полотняная или бумажная ткань. 27. Конечная точка воображаемой земной оси. 28. Прибор для очистки нефтескважин от грязи. 30. Машина для перевозки по рельсам. 31. Инструмент для резания. 32. Остров в Ионическом море. 36. Волокнистая древесная ткань. 38. Отдельный момент в развитии явления или процесса.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

По горизонтали:

1. Казбек. 3. Задача. 5. Головнин. 7. Манометр. 11. Капот. 12. Перемирие. 13. Броня. 16. Ирина. 19. Навои. 20. «Москвич». 21. Конюшня. 22. Марсель. 26. Планшир. 27. Аспид. 28. Сакси. 31. Пряжа. 32. Индигирка. 33. Прима. 37. Вронский. 38. Дагестан. 39. Защита. 40. Цейлон.

По вертикали:

1. Каучук. 2. Кроль. 3. Замок. 4. Азалия. 5. Глиптика. 6. Понет. 8. Нулин. 9. Рукопись. 10. Отметка. 14. Индонезия. 15. Пастернак. 17. Тоннель. 18. Динамит. 23. Славянов. 24. «Энергия». 25. Бредихин. 29. Антик. 30. Округ. 31. Приказ. 34. Азарин. 35. Банка. 36. Месяц.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

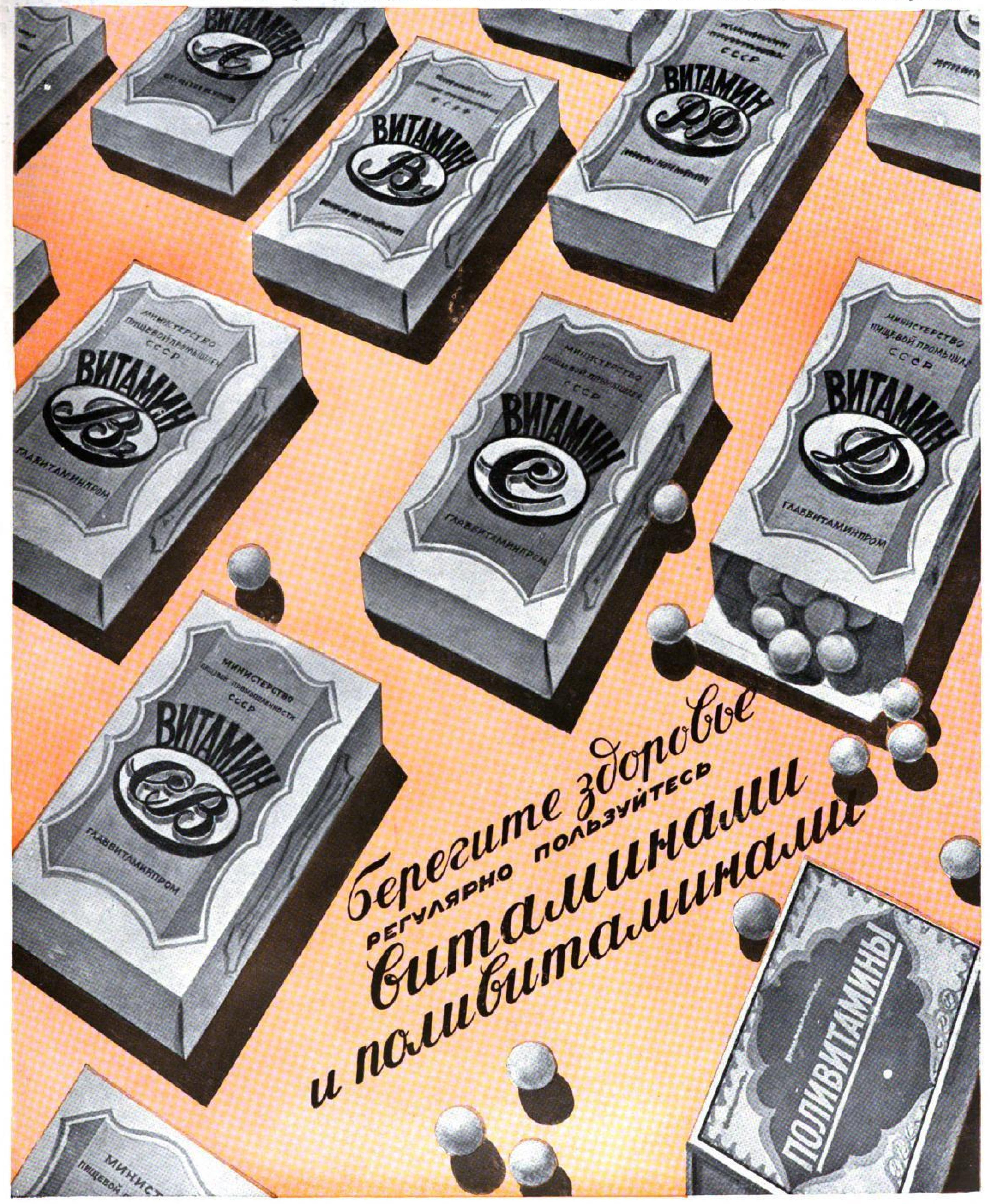
Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление Л. Шумана.

А 01356. Подписано к печати 21/III 1952 г. Изд. № 235. 5½ печ. л. Тираж 500 000. Заказ 583. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

Министерство пищевой промышленности СССР. Главвитаминпром

Витамины содействуют укреплению здоровья, усиливают сопротивляемость организма инфекционным заболеваниям и повышают работоспособность.

Витамины особенно необходимы жителям Крайнего Севера, спортсменам, лицам, занятым напряженным физическим или умственным трудом.

НОРМА ПОТРЕБЛЕНИЯ ВИТАМИНОВ УКАЗАНА НА ЭТИКЕТКАХ.

Цена номера 3 руб.